

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Нижевартовский государственный университет»

На правах рукописи

ШЕВЧЕНКО ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА

**ИДИОСТИЛЬ УЧЕНОГО В НАУЧНОМ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ
ДИСКУРСЕ**

**Специальность 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика**

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент Э.М. Рянская

Нижевартовск – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДИОСТИЛЯ УЧЕНОГО В НАУЧНОМ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ.....	14
1.1. Научный и научно-популярный дискурс: подходы к изучению и основные характеристики.....	14
1.1.1. Понимание дискурса в современной лингвистике.....	15
1.1.2. Дифференциальные признаки научного и научно-популярного дискурса.....	18
1.1.3. Научный и научно-популярный стиль.....	22
1.1.4. Жанровые разновидности научного и научно-популярного дискурса.....	26
1.2. Параметры языковой личности ученого.....	32
1.2.1. Ученый как субъект научной коммуникации.....	32
1.2.2. Языковая личность ученого.....	37
1.2.3. Идиостиль как параметр языковой личности ученого.....	40
1.2.4. Авторские коммуникативные стратегии в научном и научно- популярном дискурсе.....	46
1.2.5. Лингвистический аспект проявления идиостиля ученого	58
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	66
ГЛАВА 2. СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ УЧЕНОГО В НАУЧНОМ И НАУЧНО- ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ.....	69
2.1. Методика анализа идиостиля ученого в научном и научно-популярном дискурсе.....	69
2.2. Проявление языковой индивидуальности ученого в реализации коммуникативных стратегий и тактик научного и научно-популярного дискурса.....	70

2.2.1. Сравнительный анализ проявления идиостиля в научных и научно-популярных текстах Т.В. Черниговской.....	71
2.2.2. Сравнительный анализ проявления идиостиля в научных и научно-популярных текстах С.А. Бурлак.....	103
2.2.3. Сравнительный анализ проявления идиостиля в научных и научно-популярных публикациях С. Пинкера (S. Pinker).....	129
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	153
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	158
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	185

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей и способов реализации идиостиля современных ученых-лингвистов в авторских текстах различных жанров научного и научно-популярного дискурса.

Актуальность настоящего исследования обусловлена растущим интересом к изучению идиостиля ученого как представителя научной сферы, претерпевающей изменения под воздействием различных факторов, влияющих на научную деятельность. Современная лингвистика характеризуется устойчивой тенденцией к антропоцентризму, именно поэтому актуальной становится проблема репрезентации индивидуальности ученого как языковой личности. Пристального внимания заслуживают вопросы языкового оформления и коммуникативно-прагматической направленности текстов научного и научно-популярного дискурса в связи с особой значимостью, которую приобретают в информационной сфере публикации современных ученых, стремящихся к распространению своих научных идей. Активно исследуются функциональные, коммуникативные и идиостилевые аспекты научной речи отдельно взятой языковой личности.

В этом направлении имеющиеся исследования посвящены изучению лингвориторических параметров идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (Дружинина 2004); речевых особенностей языковой личности ученого в эпистолярных текстах (Парсамова 2004); словотворчества как компонента научного идиостиля (Сокальская 2007); авторской пунктуации в текстах научного регистра (Шавлукова 2008); речевой индивидуальности ученого в коммуникативно-прагматическом аспекте на материале периферийных речевых жанров научного текста (Самойлова 2009); репрезентации гендера в авторском научном дискурсе (Сеченова 2009); особенностей влияния личности автора на функционирование субъективной модальности в естественно-научном дискурсе (Кузьмина 2011); лингвориторического аспекта репрезентации

профессиональной языковой личности ученого-филолога (Кузнецова 2013); проблемы дифференциации индивидуальных стилей мышления и речи ученого (Котюрова и др. 2019); специфики ментально-языкового пространства полидискурсивной языковой личности (Корниенко 2021).

Вопросы проявления индивидуальных речевых особенностей отдельных ученых в научно-популярном дискурсе не получили широкого освещения. Должного внимания в дискурсивных исследованиях не уделяется также проблеме сравнения особенностей реализации авторского стиля ученого в научных текстах и в публикациях за пределами рамок научной среды для профессионально неподготовленной аудитории. Между тем ряд авторитетных ученых, стремясь представить свои работы широкой публике, создают уникальные тексты как в научном, так и в научно-популярном стиле. Работы ученых-популяризаторов характеризуются наличием ярко выраженного авторского идиостиля, который, с одной стороны, демонстрирует высокий уровень языковой компетенции ученого, а с другой свидетельствует о стремлении к проявлению творческого начала личности.

Современная научная коммуникация характеризуется стремлением обратиться к глобальной аудитории, что приводит к проблеме асимметрии знаний между адресатом и адресантом. Решение данной проблемы видится в использовании определенных коммуникативных стратегий и тактик, способствующих повышению интереса адресата к раскрываемой автором теме. Существует ряд исследований, посвященных анализу коммуникативных стратегий и тактик в текстах научного (Галанова 2003; Копыл 2013б; Невзорова 2017а) и научно-популярного (Ковригина 2010; Костяшина 2009; Кобозева 2011; Киселев 2012) стиля.

В настоящем исследовании предпринята попытка изучить и описать уникальные языковые способы речевой организации текстов научного и научно-популярного стиля, формирующие идиостиль современных ученых как субъектов коммуникации, в контексте стратегической организации сравниваемых дискурсов.

Объектом настоящего исследования является индивидуально-авторская речь современных ученых-лингвистов в разножанровых текстах научного и научно-популярного дискурса.

Предметом исследования являются особенности проявления идиостиля автора на различных языковых уровнях с позиции реализаций коммуникативных задач в научном и научно-популярном дискурсе.

Материалом исследования послужили тексты научных статей и научно-популярных публикаций отечественных ученых – Татьяны Владимировны Черниговской, доктора биологических и филологических наук, член-корреспондента Российской академии образования, автора научных трудов в области когнитивных наук – психолингвистики, нейропсихологии и нейрофизиологии, а также цикла публичных лекций о деятельности мозга; Бурлак Светланы Анатольевны, доктора филологических наук, автора работ по компаративистике и происхождению человеческого языка; статьи авторитетного канадского ученого и популяризатора науки Стивена Пинкера, доктора психологических наук, профессора факультета психологии и когнитивных наук Гарвардского университета, изучающего язык, восприятие и развитие речи у детей, а также процессы познания. Выбор персоналий обусловлен значимостью и репрезентативностью представленных имен для современной лингвистики, а также наличием в трудах указанных ученых ярко выраженной речевой индивидуальности. Изучены научные труды общим объемом 36 текстов, включающих 1 монографию, 3 главы монографии, 32 научные статьи, и научно-популярные публикации общим объемом 44 текста, включающих 18 статей, 9 текстов лекций и 17 интервью.

Целью диссертационной работы является анализ идиостиля современных ученых-лингвистов и выявление идиостилевых доминант на различных языковых уровнях в текстах научного и научно-популярного дискурса.

Для достижения обозначенной цели решаются следующие **задачи**:

1) проанализировать основные теоретические аспекты изучения научного и научно-популярного дискурса с целью обоснования основных понятий и методологии исследования;

2) рассмотреть основные подходы к исследованию идиостиля; определить параметры, определяющие специфику идиостиля ученого;

3) на основе анализа разножанровых текстов научного и научно-популярного дискурса выявить и сопоставить языковые составляющие идиостилей ученых, формирующие авторские доминанты;

4) определить авторские предпочтения в языковой реализации коммуникативных стратегий и тактик в текстах научного и научно-популярного дискурса.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили положения, представленные в работах отечественных и зарубежных специалистов, анализирующих различные аспекты дискурсивной лингвистики, коммуникативной лингвистики и идиостиля, связанные с:

– дискурсивным подходом к анализу речевых произведений и выделением общих и отличительных характеристик научного и научно-популярного дискурса [Котюрова 2023; Карасик 2002; 2007; Филоненко 2005; Пелевина 2008; Чернявская 2009; Кубрякова 2010; Кибрик 2009; Должич 2011; Когут 2016а; Maingueneau 2017; Хутыз 2020];

– описанием жанрово-стилевых разновидностей научного и научно-популярного дискурса [Чалбышева 2006; Кибрик 2009; Самойлова 2009; Силантьев 2010; Дивеева 2015; Воронцова 2014];

– определением языковой личности как субъекта научной коммуникации, представлением идиостиля как параметра языковой личности [Сокальская 2007; Самойлова 2009; Хутыз 2010; Мухин 2011; Кузнецова 2013; Караулов 2014; Болотнов 2016; Корниенко 2019; 2021; Карасик 2021; Nichols, Petzold 2021; Седых 2022];

– анализом коммуникативных стратегий и тактик, их разновидностей и направленностей в научном и научно-популярном дискурсе [Иссерс 2008; 2009; Сапега 2008а; Пелевина 2009; Кубрак 2009; Костяшина 2009; Кобозева 2011; Киселев 2012; Арсеньева 2013а; Копыл 2013б; Морева 2015; Хомутова, 2015; Нестерова 2016; Покотыло 2017а; Нагиева 2017; Хутыз 2020; 2021; Седых 2023];

– лингвистическими аспектами проявления идиостиля [Дружинина 2004; Костяшина 2009; Самойлова 2009; Сеченова 2009; Строева 2009; Петрова 2010; Nyland 2011; Гричин 2013; Багиян 2014; 2018; Когут 2016а; Супоницкая 2016а; Виноградов 2017; Невзорова 2017а; Сулейманова 2019; 2020; Firdaus et al. 2021; Седых 2022].

Выбор методов и приемов лингвистического анализа обусловлен целью исследования и совокупностью поставленных задач. Используется комплексный подход: общенаучный описательный метод (методики наблюдения, обобщения, интерпретации и классификации), методы дискурсивного, семантико-стилистического, контекстуального, сравнительного анализа и прагматической интерпретации. Применяются формализованные приемы представления результатов (таблицы).

Процедура исследования предусматривает следующий алгоритм действий. На начальном этапе работы создан корпус научных и научно-популярных текстов, авторами которых являются ученые-лингвисты, известные не только своими научными публикациями, но и популяризаторской деятельностью в области своей научной сферы. Критериями отбора персоналий, идиостиль которых исследуется в диссертационной работе, послужили: ярко выраженное своеобразие речевого и коммуникативного стиля, индивидуально-авторских проявлений языковой личности, специфика сферы научной деятельности – лингвистики, фактор участия в популяризации научных знаний. Параметрами изучения идиостиля послужили научный и научно-популярный стиль, жанровые разновидности дискурса, коммуникативно-прагматическая характеристика дискурса,

языковая личность ученого. Жанры научного дискурса представлены научными статьями и/или главами монографий объемом около 83 тыс. слов, научно-популярного дискурса – научно-популярными статьями, текстами публичных лекций и интервью объемом около 65 тыс. слов.

Для интерпретации материала с позиций коммуникативных целей был определен общий список дискурсивных стратегий, который послужил основой для уточнения перечня авторских стратегий и конкретизации тактик и приемов, характерных для идиостиля каждого ученого. Сравнительный анализ идиостилевых проявлений в научном и научно-популярном дискурсе включал последовательное описание языковых средств репрезентации свойственных языковой личности коммуникативных стратегий, используемых в публикациях ученого. Основанием для выявления различий избрана специфика применяемых тактических приемов и коммуникативных ходов и их языкового выражения. Для выявления авторских приоритетов определен набор языковых средств, который включен в перечень сравниваемых количественных показателей употреблений в научном и научно-популярном дискурсе.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые в контексте научного исследования, посвященного анализу идиостиля субъекта коммуникации, рассматривается языковая личность ученого как автора не только текстов научного, но и научно-популярного дискурса. Новизна исследования также определяется изучением специфики речевой индивидуальности ученого-популяризатора и анализа особенностей проявления идиостилевых доминант автора в текстах различных стилей и жанров.

Теоретическая значимость настоящего исследования определяется его включенностью в развитие социо- и прагмалингвистического подходов к изучению научной коммуникации. Работа уточняет и дополняет основные характеристики и дистинктивные признаки научного и научно-популярного дискурса, внося вклад в теорию и практику эффективного речевого

взаимодействия как между равностатусными, так и разностатусными субъектами коммуникации. Теоретическая значимость работы также состоит в уточнении понятия «идиостиль» применительно к ученому и в обосновании использования категории «идиостиль ученого» в качестве дискурсивного параметра научного и научно-популярного дискурса. Осуществляемая методика исследования идиостилевых доминант языковой личности может служить основой для изучения и описания особенностей идиостиля не только ученых, но и представителей других сфер деятельности в аспекте прагмалингвистики.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности применения полученных результатов при подготовке теоретических курсов по стилистике, лингвистике текста, теории дискурса, теории коммуникации. Приведенные в данной работе материалы, включающие анализ и описание идиостилевых доминант в русскоязычных и англоязычных публикациях, могут быть использованы в курсах по стилистике русского и английского языков, научной коммуникации на русском и английском языках, а также при написании исследовательских работ по смежной тематике.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Современные авторитетные ученые, стремящиеся к взаимодействию с широкой аудиторией посредством создания текстов не только в рамках научного, но и научно-популярного дискурса, представляют собой носителей речевой культуры, которая проявляется как в продолжении принятых в научной сфере традиций, так и в уникальной манере изложения материала, отличной от установленной формы передачи информации в научных и научно-популярных текстах.

2. Идиостиль ученого представляет собой ряд уникальных речевых свойств субъекта коммуникации, проявляющихся в выборе и индивидуальной комбинации разноуровневых языковых средств, служащих

для реализации стратегий и тактик в дискурсивном пространстве как сфере проявления языковой личности.

3. Факторами, влияющими на проявление авторской индивидуальности ученого, являются жанрово-стилевая специфика научного и научно-популярного дискурса, поставленные коммуникативно-прагматические задачи, ориентирование на адресата.

4. Свойствами индивидуального языкового стиля ученого с высоким уровнем авторитетности являются репрезентация открытой авторской модальности, авторского «я»; субъективной оценки, включающей проявление образности и экспрессивности; выраженной диалогичности в научно-популярном дискурсе; личностных лексико-стилевых доминант.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде докладов на следующих научных конференциях: Восемнадцатая Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета (ФГБОУ ВО «НВГУ», Нижневартовск, апрель 2016 года); Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы гуманитарных наук» (ФГБОУ ВО «НВГУ», Нижневартовск, февраль 2021 г.); XX Международная конференции научной Школы-Семинара имени профессора Л. М. Скредлиной «Человек и его Язык» (РГПУ имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, сентябрь 2022 г.); XI международная on-line постерная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука без границ» (ФГБОУ ВО «ТИУ», филиал, г. Тобольск, декабрь 2022 г.); VII Международная научная конференция «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты» (ФГБОУ ВО «ТГУ», г. Тольятти, апрель 2023 г.).

Структура диссертационной работы определяется ее целями и задачами и освещает основные этапы и результаты исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, включающего 199 наименований (в том числе 18 на иностранных языках), двух приложений (содержащих сведения о проанализированных

публикациях и количественные данные о языковых средствах в публикациях авторов). Общий объем работы составляет 198 страниц.

Во **введении** обосновывается выбор и актуальность темы, определяется новизна, цели и задачи исследования, приводится описание предмета, объекта, методологии и методов исследования, формулируется научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, эксплицируется гипотеза и положения, выносимые на защиту, излагаются сведения об апробации работы.

В **первой главе «Теоретические основания исследования идиостиля ученого в научном и научно-популярном дискурсе»** представлен анализ базовых теоретических положений исследования, уточняется содержание понятий «научный дискурс» и «научно-популярный дискурс» и выявляются их дифференциальные признаки. Описываются жанровые и стилистические разновидности научного и научно-популярного дискурса и обосновывается их тесная взаимосвязь со способами проявления идиостиля ученого. Раскрываются особенности идиостиля ученого как параметра языковой личности. Дается характеристика авторским стратегиям, накладывающим существенный отпечаток на своеобразие идиостиля.

Во **второй главе «Средства реализации языковой индивидуальности ученого в научном и научно-популярном дискурсе»** рассматриваются способы проявления авторского идиостиля с учетом стратегической организации текстов, принадлежащих одному автору и функционирующих в рамках научного и научно-популярного дискурса, осуществляется сравнительный анализ языковых средств, способствующих реализации определенных коммуникативных стратегий и тактик и отражающих авторскую индивидуальность.

В **Заключении** приводятся основные результаты, подводятся итоги проведенного диссертационного исследования, формулируются выводы и намечаются дальнейшие перспективы изучения идиостиля современных ученых.

Основные положения проведенного диссертационного исследования отражены в 7 публикациях общим объемом 3,4 п.л., из них 3 работы (2,25 п.л.) опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДИОСТИЛИЯ УЧЕНОГО В НАУЧНОМ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Научный и научно-популярный дискурс: подходы к изучению и основные характеристики

С развитием новых информационных технологий познавательная активность в обществе возрастает, расширяется запрос в просветительской информации на сайтах и в научно-популярных интернет-журналах. Известные ученые современности и авторитетные специалисты различных сфер знаний всегда участвовали в популяризации науки, в пропаганде научных знаний среди заинтересованных читателей. Кроме того, сегодняшний мир, сталкиваясь с рядом различных кризисов последних лет, остро нуждается в актуальной информации, генерируемой научными кругами и ориентированной не только на академическое сообщество, но и на более широкий круг общественности [Nichols et al. 2021: 7]. В исследовательской литературе по научной коммуникации обсуждаются возможности непосредственного информирования общественности о науке и решения связанных с ними проблем, таких как сотрудничество со СМИ, преодоление «кризиса посредников» в условиях прямой цифровой коммуникации, расширение научных и общественных дискуссий, а также оспаривание идеи рекламного характера научных связей с общественностью.

Аспекты научной коммуникации в данном контексте приобретают актуальную значимость. Современные условия коммуникации позволяют включать канал обратной связи, что подразумевает не только предложение знаний со стороны отправителя, но и потенциал активации знаний со стороны получателя. Исходя из этого, выбор путей популяризации науки обусловлен ее коммуникативными функциями и взаимосвязью таких

факторов как субъект, адресат, цели, потребности, формы знаний, научные традиции и т.д. [Liebert 2019: 400-401, 414].

Современный научный дискурс все больше стремится выйти за рамки академических институтов, что связано с появлением новых каналов связи между учеными и общественностью. Взаимодействуя с широкой аудиторией посредством интервью и статей в научно-популярных изданиях, бесед, лекций, предназначенных для популяризации научных идей, ученый адаптирует научный материал, создавая тексты в русле научно-популярного дискурса. Стремясь использовать индивидуализированные способы передачи научных знаний как в рамках научного, так и научно-популярного дискурса, современные ученые открывают для себя доступ к новым жанрам и комбинациям текстов, в которых может иметь различные потребности и ожидания широкая аудитория.

Обращение к проблеме проявления идиостиля ученого в контексте его разнообразной публикационной деятельности требует уточнения и разграничения таких понятий как «дискурс», «текст», «научный дискурс», «научно-популярный дискурс», «стиль», «жанр».

1.1.1. Понимание дискурса в современной лингвистике

Для того чтобы разграничить понятия научного и научно-популярного дискурса, обратимся к определению самого термина «дискурс». Согласно определению, данному в словаре лингвистических терминов [Жеребило 2010: 94-95], дискурс представляет собой связную речь, имеющую как устную, так и письменную форму, анализ которой фокусируется главным образом на интеракционном взаимодействии адресанта и адресата сообщения с учетом ситуативного контекста. Е.С. Кубрякова отмечает многозначность данного термина, за которым скрывается многоуровневая система знаний, где основополагающим концептом выступает именно устная речь. Автор также указывает на то, что понятие дискурс является

нейтральным по отношению к инициаторам общения, объединяя представления как о диалогической, так и о монологической речи, где субъектами речевого акта могут выступать группы людей либо отдельные взятые лица [Кубрякова 2010: 115-116]. По мнению Е.В. Чернявской, понятие дискурса включает в себя определенное коммуникативное событие, которое может быть зафиксировано как в устной, так и в письменной форме, где текст является продуктом коммуникативной деятельности и соотносится с конкретным когнитивно и типологически обусловленным коммуникативным пространством, включая в себя соответствующую информацию [Чернявская 2009: 143].

Лингвисты также связывают трактовку термина «дискурс» с его разновидностями. Е.В. Иванова, проводя анализ различных типов дискурса, отмечает, что их классификация имеет открытый характер, так как объектом или темой дискурса может являться любая область деятельности [Иванова 2007: 134]. В работе, посвященной исследованию прагмасемантических и аксиологических характеристик различных типов дискурса, Л.В. Селезнева определяет само понятие дискурса, опираясь на два ключевых понимания данного термина. Первая трактовка понятия, согласно автору, представляет собой дискурсивную формацию процесса текстопорождения, а вторая – объединение устных или письменных текстов, относящихся к конкретной сфере, включающей в себя ряд актуальных для данного коммуникативного пространства принципов текстопорождения [Селезнева 2014: 68-69]. Кроме того, указывается, что дискурс выступает значимой частью коммуникации, включающей в себя не только сам речевой акт, но и намерения адресанта, интерпретации адресата, а также специфику определенной речевой ситуации [Селезнева 2014: 69].

В целом рассмотрение актуальных на сегодняшний день трактовок понятия «дискурс» позволяет заключить, что данный термин включает в себя довольно широкий ряд лингвистических и экстралингвистических характеристик. Это дает возможность рассматривать дискурс как результат

коммуникативного действия, который обладает актуальностью, смысловой однородностью, связью с конкретным контекстом и жанром, а также соотносится с определенной идеологией, социально-культурной сферой.

В основе настоящего исследование лежит анализ текстов научного и научно-популярного дискурса, поэтому считаем необходимым кратко рассмотреть вопрос о соотношении понятий «дискурс» и «текст». Необходимо указать, что данная проблема получила широкое освещение в научной среде, что дает возможность говорить о разнообразии точек зрения и об определенных тенденциях в решении вопроса о взаимодействии текста и дискурса. В словаре лингвистических терминов «текст» трактуется как продукт речевой деятельности в устной или письменной форме, который характеризуется завершенностью своего содержания. Смыслом текста выступает определенная информация, сформированная в сознании конкретного адресанта и выраженная посредством речи [Жеребило 2010: 394]. Согласно преобладающей точке зрения, текст выступает в качестве коммуникативного продукта – результата речевой деятельности, зафиксированного в пространстве определенного дискурса. Так, А.А. Кибрик понимает дискурс как разворачивающийся во времени процесс коммуникации, где текст выступает ее структурным объектом или, иными словами, результатом данной коммуникации [Кибрик 2009: 4]. И.В. Карасик противопоставляет дискурс и текст как процесс и продукт речи, где сам текст выступает определенной абстрактной сущностью, а дискурс является ее актуализацией. Ученый отмечает существующее единство в понимании дискурса как «динамического промежуточного речевого образования» и различие трактовок текста [Карасик 2002: 276].

При рассмотрении вопроса о соотношении текста и дискурса исследователи указывают на ряд особенностей, характеризующих это явление. Н.С. Бажалкина обращает внимание на то, что текст, являясь составляющим элементом коммуникативной системы, реализуется в дискурсе, который, в свою очередь, способствует порождению текста

[Бажалкина 2016: 22]. Сходной точки зрения придерживается О.В. Соколова, которая считает, что текст является одним из составляющих элементов дискурса, при этом оба обладают возможностью в равной степени воздействовать друг на друга [Соколова 2014: 14]. Сравнивая текст и дискурс, Т.А. Филоненко отмечает, что текст выступает единицей коммуникации, продуктом речевой деятельности, который характеризуется целостностью и связностью, тогда как дискурс представляет собой совокупность коммуникативно-направленных текстов, особым образом оформленных грамматически, лексически и стилистически. Подчеркивается, что текстовая оформленность информации выступает значимой «социально обусловленной характеристикой дискурса», которая интерпретируется субъектами коммуникации как установленная и неизменная форма [Филоненко 2008: 290]. Следует добавить, что вопрос соотношения дискурса и текста связан с изучением явления интертекстуальности, поскольку интертекстуальность, проявляющаяся во взаимодействии текстов, является одной из наиболее важных характеристик дискурса.

Наше исследование направлено на изучение отдельных текстов, являющихся примером реализации определенных дискурсов. Изучение текстов, объединённых рядом общих характеристик, обуславливается единством дискурсивного пространства. В настоящей работе рассматриваются научный и научно-популярный дискурс, характеристика особенностей которых требует уточнения.

1.1.2. Дифференциальные признаки научного и научно-популярного дискурса

Для того чтобы дифференцировать понятия научного и научно-популярного дискурса, обратимся к типологии, предложенной В.И. Карасиком. Ученый выделяет два основных типа дискурса, среди которых первым выступает персональный, где адресант предстает личностью,

свободно проявляющей богатство своего внутреннего мира. Вторым типом дискурса, по мнению ученого, является институциональный, где коммуникация между субъектами выстраивается в определенных рамках статусно-ролевых отношений. И.В. Карасик также приводит список ключевых видов институционального дискурса, в который включен и научный дискурс. Ученый отмечает, что перечисленные им виды дискурса невозможно рассматривать как однородные явления, так как существует ряд разновидностей в рамках каждого из них, которые выделяются под влиянием двух ключевых признаков, таких как цели и субъекты коммуникации [Карасик 2015: 147].

Остановимся на некоторых особенностях институционального дискурса, значимых для выявления характеристик рассматриваемых видов дискурса. Л.С. Бейлинсон отмечает, что в рамках институционального дискурса коммуникация выстраивается на основе типизации речевых моделей, что обусловлено наличием определенных социальных ролей присущих субъектам коммуникации. Внеролевая идентичность коммуниканта отходит на второй план для того, чтобы не нарушить установленные нормы институционального взаимодействия [Бейлинсон 2009: 142].

Согласно Е.И. Шейгал, институциональный дискурс является достаточно широким понятием, которое охватывает часть языковой системы, направленной на обслуживание определенного участка коммуникации, а также коммуникативную деятельность и текст. Тип дискурса, по мнению ученого, определяется спецификой агента социального действия и фактором интенции, который заключается в наличии у субъектов коммуникации определенной цели. Основопологающей целью научного дискурса, по мнению Е.И. Шейгал, выступает коммуникативное действие, направленное на поиск истины в процессе научного познания [Шейгал 2000: 15].

Научный дискурс характеризуют как взаимодействие представителей научной сферы, осуществляемое на основе сформированных традиций и

жанрово-стилистической специфики общения [Ежова 2011: 88]. В своей работе Е.В. Кравцова определяет научный дискурс как клишированную разновидность коммуникативного взаимодействия между научными сотрудниками в соответствии с установленными нормами научной среды [Кравцова 2012: 131]. Анализируя специфические черты научного дискурса, А.А. Фролова отмечает такие его особенности как подчинение жестким законам логики и прагматики, требованиям однозначности и определенности в изложении мыслей, конкретизации и эксплицитности при отсылке к другим источникам [Фролова 2014: 139].

Научно-популярный дискурс рассматривается либо как отдельный тип дискурса, либо как неотъемлемая часть научного дискурса (субдискурс), обеспечивающая популяризацию научных знаний [Багиян 2013: 7-8].

В своей работе, посвященной анализу понятия «научно-популярный дискурс», Л.А. Егорова дифференцирует данный тип дискурса по таким параметрам как «тема», «участники», «способ» и указывает на такие цели репрезентирующих его текстов и жанров как популяризация новейших достижений науки среди широкого круга населения, поддержание интереса к науке и вовлечение адресата в научную среду [Егорова 2009: 43-44].

Важным фактором, отличающим научный дискурс от научно-популярного, является характеристика адресата, а именно – уровень его осведомленности относительно объекта исследования. Адресатом научного дискурса является представитель научной среды, владеющий фоновой информацией и предполагающий получить новое знание. Адресат научно-популярного дискурса не обязательно имеет отношение к сфере науки, но интересуется обсуждаемой тематикой [Хутыз 2020: 142]. Сравнивая научный и научно-популярный дискурс, Л.В. Смолина полагает, что собственно научный дискурс отличается воздействием на адресата посредством использования рациональных, рассудочных средств. Научно-популярный дискурс характеризуется более высокой степенью направленности на

восприятие адресата, что проявляется в наличии как логических, так и экспрессивных, эмоционально-оценочных средств [Смолина 2016: 67].

В научном дискурсе предполагается соблюдение статусного равноправия участников, когда адресанту нет необходимости заинтересовывать адресата, мотивированного к восприятию информации в силу своей принадлежности к определенной научной сфере [Кравцова 2012: 131]. Основанием для выделения научно-популярного дискурса традиционно считается адресованность непрофессионалу, что влияет на выбор языковых единиц [Воронцова 2014: 39]. Так, автор научно-популярного дискурса вынужден прибегать к переформулировке и адаптации научных понятий, понимание которых является недоступным для широкой аудитории, что иногда сопровождается появлением дополнительных содержательных смыслов, отсутствующих в тексте научного дискурса [Hidalgo-Downing 2017: 69].

Тенденция к переходу как письменной, так и устной коммуникации из дискурса научного пространства в научно-популярное связана, в первую очередь, со стремлением исследователей увеличить влияние научных трудов на социум и расширить круг взаимодействия между экспертами и общественностью [Denia 2020: 295]. Следует отметить, что язык коммуникации между представителями науки, выходящей за пределы профессиональной среды, например, в медиасфере, также подвергается корректировке со стороны исследователей, которые стремятся использовать более нейтрально окрашенную лексику в дискуссиях со своими коллегами [Walter 2019: 703].

Таким образом, в первую очередь исследователи связывают институциональный дискурс с коммуникативным действием, направленным на взаимодействие субъектов коммуникации: в процессе научного познания или в процессе популяризации научного знания. При этом важным фактором, отличающим научный дискурс от научно-популярного, является характеристика адресата, а именно – уровень его осведомленности

относительно объекта исследования. В научном дискурсе предполагается соблюдение статусного равноправия участников, когда адресанту нет необходимости заинтересовывать адресата, мотивированного к восприятию информации в силу своей принадлежности к определенной научной сфере [Кравцова 2012: 131]. Различие дискурсов проявляется также в способах воздействия на адресата: в научном дискурсе – рациональность, однозначность изложения в соответствии с нормами и традициями научной среды, в научно-популярном – адаптация и корректировка языка общения, его экспрессивность.

Вышеизложенное показывает, что признаки той или иной разновидности дискурса определяются по многим характеристикам. Важное место среди них занимает стиль речи. В связи с этим обратимся к вопросам о соотношении понятий дискурса и стиля, научного и научно-популярного стиля.

1.1.3. Научный и научно-популярный стиль

Вопрос соотношения стиля и дискурса в лингвистике остается дискуссионным. Как было установлено выше, дискурс представляет собой объединение текстов как продуктов коммуникативной деятельности в конкретной сфере, отражающих коммуникативную ситуацию и намерения адресанта. Общность языковых и неязыковых средств, отбор которых происходит согласно прагматическим требованиям для реализации той или иной коммуникативной задачи, заложенной в тексте, обозначается таким понятием как стиль. Наличие совокупности семиотически разноплановых элементов несет в себе единую стилистическую функцию, а особый способ оформления текста является текстотипологическим маркером определенного стиля и выступает индикатором коммуникативной функции самого текста [Ариас 2016: 40-41].

Разграничивая понятия «дискурс» и «стиль», Т.А. Филоненко отмечает, что дискурс характеризуется коммуникативной направленностью, наличием целей и мотивов, в то время как для понятия «стиль» свойственно абстрагирование от структурно-содержательного единства текста, как речевого произведения [Филоненко 2010: 157]. Имея различные формы реализации (устная, письменная), стиль отображает лексические, морфологические, синтаксические, фонетические и другие особенности языка, функционирующего в рамках определенной общественно-речевой практики [Филоненко 2010: 156].

Согласно точке зрения Е.О. Менджерицкой, дискурс является процессом передачи когнитивного содержания мышления и репрезентации картины мира адресанта посредством текста, как лингвистически оформленного речевого продукта, включающего коммуникативные стратегии и тактики, а также учитывающего экстралингвистическую реальность и широкий социальный контекст дискурсивной среды [Менджерицкая 2011: 102]. Стиль характеризуется устойчивой организацией языковых элементов в рамках одного текста, а тексты, объединённые общим стилем, приобретают черты дискурсивного образования [Менджерицкая 2011: 100-101].

Мы опираемся на работы М.Н. Кожиной, в которых указывается, что дискурс и стиль – смежные, параллельно существующие, но не тождественные, а разнопорядковые понятия. Дискурс обладает такими качествами как привязка к определенной общественной практике, ситуативность, динамичность, изменчивость и вариативность. Стиль отличается свойствами типизации множества отдельных практик в ограниченное количество форм, стабильности и тенденции к инвариантности речевых проявлений [Кожина и др. 2011: 191-193]. Стиль определяется как общественно осознанная, исторически сложившаяся, объединенная определенными функциями и закреплённая традициями система языковых единиц всех уровней и способов их употребления [Стилистический

энциклопедический словарь 2011: 508]. Дискурс характеризуется определенным доминантным стилем, но может включать и элементы другого стиля (например, разговорный в научно-популярном дискурсе).

Рассматривая соотношение понятий научного и научно-популярного стиля, следует отметить, что в данном вопросе нет определенного единства среди ученых. В ряде работ указывается, что ключевым выступает именно научный стиль, а научно-популярный является его подстилем. Так, согласно словарю лингвистических терминов, научный стиль является одним из функциональных стилей, связанных с научной сферой общения и отражающих теоретическое мышление, которому свойственны объективность, логическая доказательность и последовательность изложения. Основной целью научного текста является сообщение нового знания о действительности и доказательство его истинности [Жеребило 2010: 211]. Научно-популярный стиль определяется как разновидность научного и включает такие жанры как очерк, книга, научно-популярная лекция, статья и другие [Там же].

Характеризуя научно-популярный подстиль, Е.А. Баженова и Н.В. Кириченко также относят его к одной из стилистико-речевых разновидностей научного стиля, которая рассчитана на популяризацию научных знаний для широкой публики. Авторы отмечают, что научно-популярный подстиль имеет ряд *общих* с научным стилем специфических особенностей: изложение научного знания, наличие экстралингвистических факторов, определяющих единообразие функционирования языковых средств, использование общенаучной лексики и терминологических единиц [Баженова, Кириченко 2014: 328-329].

Отличительными особенностями рассматриваемых стилей выступают способы передачи научных знаний, наличие или отсутствие большого количества логических обоснований и аргументации, способы оценочности, а также присутствие или отсутствие экспрессивности и образности и др. Специфика *научно-популярного стиля* обусловлена рядом дополнительных

коммуникативных задач, которые направлены не только на передачу научного знания неспециалисту, но и на активизацию его внимания, стимуляцию восприятия и облегчение усвоения материала адресатом [Баженова, Кириченко 2014: 328-329]. В качестве основных черт *научного стиля* указываются обобщенно-отвлеченность (создается за счет использования языковых единиц абстрактного и обобщенного значения, терминов); логичность, последовательность, связность изложения (использование оборотов-клише); аргументированность, точность (за счет терминов,); логизированная оценочность (использование нейтральной лексики или лексики рациональной оценки); некатегоричность изложения, способствующая его объективности [Кожина, Крысин 2014: 329-331].

Отмечая различность оформления текстов в научном и научно-популярном стиле, следует указать на то, что синтаксические конструкции в текстах *научного стиля* характеризуются высокой степенью клишированности и более частым использованием терминологических лексических единиц и профессионализмов, которые, как отмечает Л.М. Алексеева, довольно часто зарождаются в процессе исследования и создания нового текста, после чего компрессируются до удобной формы и могут быть включены в последующие тексты по данной тематике [Алексеева 2002: 42]. В то время как передача специального знания в рамках *научно-популярного стиля* происходит посредством упрощения понятийного плана и перевода повествования на неспециализированный уровень [Липгарт 2003: 162].

Итак, характеристики научного и научно-популярного стилей указывают на наличие некоторых общих признаков, среди которых отмечается единообразие языковых средств, использование общенаучной и терминологической лексики. Специфика стилей определяется сферой общения, целями и способами передачи научного знания.

Следует обратить внимание на соотношение понятий стиль и жанр. А.А. Кибрик отмечает, что один и тот же жанр может быть реализован посредством различных функциональных стилей и наоборот, использование

одного и того же стиля допустимо в различных жанрах [Кибрик 2009: 13]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, жанр можно рассматривать как продукт дискурсивной деятельности. Ученый рассматривает стиль как элемент жанровой архитектоники дискурса, а сам жанр как единицу дискурса [Алефиренко 2009: 57].

Проблематика настоящего исследования требует определения жанровой специфики научных и научно-популярных произведений и ее места в жанрово-стилевой парадигме научного и научно-популярного дискурса.

1.1.4. Жанровые разновидности научного и научно-популярного дискурса

Жанр рассматривается как исторически сложившийся, определенный вид произведения, представляющий собой единство свойств, формы и содержания [Жеребило 2010: 157]. Согласно Т.В. Толстой, в современной жанристике различают литературный и речевые жанры. Их соотношение, согласно доминирующей точке зрения, представляется как вхождение литературного жанра в понятие речевой жанр [Толстова 2018: 20-21]. Большинство ученых, обращаясь к проблеме дискурсивных жанров, обращаются к известной работе М.М. Бахтина (1953 г.), который применил понятие жанра не только к формам литературных текстов, но и других текстов и дискурсов. Для уточнения понятий «жанр дискурса» и «жанр текста» обратимся к их характеристикам.

В Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка понятие жанра трактуется как определенный тип высказывания или текста, который характеризуется устойчивым тематическим, композиционным и стилистическим оформлением, выступая единицей общения в рамках конкретной культурной формы [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2011: 352-353].

Определяя категорию жанра как отдельный тип высказывания в сфере заданного дискурса, И.В. Силантьев выделяет коммуникативные и текстуальные признаки данной категории. Коммуникативные признаки жанра, по мнению ученого, делятся на интенциональную и конвенциональную составляющие, где первая несет в себе базовые интенции высказывания, а вторая представляет собой тесную связь с ролевой составляющей того или иного дискурса. Текстуальные жанровые признаки определяют структуру и композицию текста, играя особую роль в рамках дискурса [Силантьев 2010: 80-81]. В своем исследовании В.А. Тырыгина также отмечает наличие тесной связи между дискурсом и жанровым оформлением текста, где жанр, по ее мнению, является ключевой характеристикой самого дискурса. Кроме того, ученый указывает на такую важную особенность жанров как способность стереотипизировать коммуникативные ситуации с целью более эффективной и оптимальной передачи интенций адресанта [Тырыгина 2009: 69].

Проблематика жанров в дискурсивном анализе, по мнению А.А. Кибрика, остается до конца не изученной [Кибрик 2009: 9-10]. Ученый отмечает, что специфика дискурсивных жанров определяется экстралингвистическими факторами, среди которых важное значение имеет коммуникативная направленность и принадлежность определенному дискурсивному сообществу. С лингвистической точки зрения принадлежность к определенному дискурсивному жанру определяется его структурными и лексико-грамматическими характеристиками [Кибрик 2009: 11].

Анализируя проблему жанров в дискурсивной лингвистике, А.А. Таланина приходит к выводу о том, что создание полного списка существующих жанров невозможно из-за множества вариаций форм их реализации в рамках конкретного дискурса, а также из-за отклонений от стандарта, вызванных разнообразными факторами взаимодействия участников коммуникации. Ученый подчеркивает, что коммуникативные

цели адресанта, форма коммуникации, авторский идиостиль языковой личности говорящего определяют отнесенность речевой ситуации к конкретному жанру определенного дискурса [Таланина 2020: 1523].

Таким образом, обращаясь к жанровому анализу научного и научно-популярного дискурса, следует учитывать существующую взаимосвязь между текстовыми и дискурсивными признаками жанра. Первые указывают в большей степени на структурно-композиционные характеристики, вторые – на коммуникативные. В дискурсивном контексте традиционные текстовые жанры приобретают дополнительные свойства в зависимости от коммуникативной ситуации или экстралингвистических факторов. Использование терминов «жанр текста/произведения» и «жанр дискурса» подразумевает проявление этих различий, хотя, как показывает анализ теоретических работ, в содержание термина «жанр текста» могут вкладываться и дискурсивные характеристики.

Фундаментальную основу научных произведений составляют жанры, которые характеризуются стереотипностью композиционно-смысловой структуры и специфичностью функциональных стилей. Среди ведущих жанровых разновидностей научного дискурса выступают аннотация, научная рецензия, научная статья, монография, тезисы, реферат, автореферат, диссертация [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2011: 57]. Аннотация входит в предтекстовое образование и характеризуется как самостоятельный информационно-реферативный жанр, определяющий основное содержание первоисточника [Силкина 2018: 73; Morton 2017: 2]. Научная рецензия содержит критический анализ и оценку и характеризуется высоким уровнем проявления личностного начала адресанта [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2011: 352-353].

Ведущим жанром научной литературы, по мнению О.А. Галановой, является *научная статья*, так как данный жанр наиболее всего приближен к центральной задаче научной коммуникации, заключающейся в получении и передаче новых знаний [Галанова 2013: 2]. Несмотря на то, что жанр научной

статьи стремятся к лингвистической типированности, отмечаются относительность стабильности произведений данного типа и сложность определения их фиксированной формы. Однако вариации форм и содержания научных статей не препятствуют легкому узнаванию данного жанра и его дифференциации среди ряда других [Enk, Power 2017: 1]. Статья, безусловно, является самым значимым жанром научного дискурса, так как выступает основным средством отображения актуальных академических знаний, особенно ценных для дальнейшего использования и развития той или иной сферы.

Следующим жанром научного дискурса, заслуживающим отдельного внимания, выступает *монография*. В словаре-справочнике «Эффективное речевое общение» под редакцией А.П. Сквородникова монография определяется как отдельный жанр научной литературы, посвященный детальному анализу актуальной проблемы определенного научного знания. Многоаспектное содержание научной монографии характеризуется тематическим единством, смысловой завершенностью, а также прагматической целостностью, что обусловлено наличием определенной смысловой и композиционной структуры, присущей произведениям данного жанра [Эффективное речевое общение 2014: 321]. Исследовательская база монографии должна обладать новизной теоретических и эмпирических данных и отображать проблему исследования, цели и задачи, экспликацию ключевого тезиса научной работы, характеристику изучаемого объекта, доказательство основных идей, демонстрацию практического материала, подтверждающего истинность полученного знания [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2011: 59]. Сравнивая такие жанры научной литературы как статья и монография, И.М. Кацитадзе и Н.В. Христанова отмечают больший объем монографии, что позволяет адресанту наиболее детально изложить свою концепцию, предоставляя читателю многоаспектный анализ изучаемой проблемы и более внушительный объем фоновых знаний [Кацитадзе, Христанова 2016: 110].

И.В. Самойлова отмечает важность глубокого изучения жанрового разнообразия современных научных работ для более детальной характеристики феномена речевой индивидуальности ученого [Самойлова 2007: 58-59]. Каждый жанр научного произведения используется автором с целью решения тех или иных коммуникативных задач и достижения определенных авторских целеустановок [Самойлова 2007: 59].

Что касается научно-популярных жанровых разновидностей, то обзор теоретической литературы позволяет заключить, что они соответствуют многим жанрам научных текстов: статья, очерк, монография, энциклопедия, словарь. К приведенному списку можно также добавить такой письменный жанр как *научно-популярная книга*, которая является одной из важнейших форм научного общения. Книги, повествование которых изложено в рамках научно-популярного дискурса, могут быть написаны как самими учеными, так и профессиональными посредниками, однако это не влияет на ключевые характеристики данного жанра, которые заключаются в использовании лингвостилистических средств, сочетающих в себе научную точность и художественную выразительность [Liebert 2019: 414].

Жанр статьи, получившей название «научно-популярная», имеет свои специфические черты, отличные от научной статьи как в отношении формы, так и содержания. Если обратиться к ключевым свойствам *научно-популярной статьи*, то среди них отмечают ее компактность, гармоничное сочетание теоретических размышлений, средств выразительности и профессиональной терминологии, использование которой нацелено на детальное отображение определенного научного знания.

Среди форм популяризации научных знаний особое место занимают *интервью, беседа и диалог*, вызывающий особенный интерес среди читателей, так как он выступает самой значимой формой коммуникации между субъектами общения. Ученый, желающий передать научные знания общественности посредством *интервью*, излагает свои идеи в общедоступной форме, не устанавливая дидактических задач, а лишь

стремясь предоставить информацию о новых научных открытиях или событиях в научной среде, что подтверждает отнесенность данного жанра к произведениям научно-популярной литературы.

Еще одним значимым жанром современного научно-популярного дискурса выступает лекция. Данная форма передачи информации, как и интервью, является риторическим дискурсогенным жанром, который реализуется в реальной коммуникации. *Публичная лекция* рассматривается как речевое произведение, адресованное массовой аудитории и отличающееся сочетанием интеллектуализированного и упрощенного способа подачи научной информации [Нагиева 2016: 19]. Отмечается высокая популярность и эффективность коммуникации в рамках жанра интернет-лекции как среди популяризаторов науки, так и среди массовой аудитории, что связано с гармоничным сочетанием содержательности и увлекательности формы трансляции нового знания.

Перечисленные жанры научно-популярного дискурса свидетельствуют о разнообразии возможностей популяризации науки – приобщения широких масс к научным знаниям в доступной форме и для формирования образа науки в общественном сознании [Дивеева 2014: 95-96]. Выбор жанровой формы зависит от целей популяризации – информирования, разъяснения или обучения, что, безусловно, влияет на использование тех или иных коммуникативных стратегий и тактик.

Рассмотрение и уточнение понятий «дискурс», «текст», «стиль», «жанр» позволяет заключить, что перечисленные компоненты дискурсивного пространства взаимосвязаны и их характеристики должны учитываться при описании коммуникативной деятельности ученого. Что касается описания идиостиля ученого в рассматриваемых дискурсах, то для решения этой задачи мы опираемся на понимание того, что устойчивые индивидуальные особенности речи составляют основу характеристики языковой личности. На этом основании обратимся к вопросу основных ее параметров.

1.2. Параметры языковой личности ученого

1.2.1. Ученый как субъект научной коммуникации

Механизм возникновения и развития научных открытий имеет несколько периодов, в каждом из которых коммуникация играет главенствующую роль на этапе популяризации новейших идей и передачи их между научными кругами, либо от научных кругов в широкие массы. Одной из отличительных особенностей научной коммуникации выступает ее свойство, которое заключается в передаче информации, являющейся результатом интеллектуальной научной деятельности.

Научная коммуникация является социально значимой категорией общения и имеет особые правила и приемы передачи и трансляции научных идей, характеризуется наличием конкретного контекста и обладает определенной прагматикой, где содержание коммуникации определяется сферой науки. Данный вид коммуникации имеет свои функции, которые представляют собой средства передачи основной информации, доступное описание процессов и результатов исследований, его целей, задач и сфер дальнейшего применения. Многие исследователи отмечают такие важные особенности научной коммуникации как взаимодействие субъектов и свойство быть декодированной другими субъектами, а также наличие обратной связи.

Процесс осмысления понятия субъекта коммуникации претерпел определенные изменения. Самоутверждение «Я» и «Ты» формировалось еще в период перехода от первобытного общества к рабовладельческому: «происходившие изменения в социальной структуре привели к формированию нового социокультурного пространства и смене коллективно-родовой зависимости на личную, при значительном увеличении роли последней» [Манапова: 2013: 245-246]. Наблюдается смена субъектных отношений: позиция «Мы» – «не Мы» постепенно вытесняется позициями

«Я» – «не Я», «Я» – «Ты», «Я» – «Они». Подобное понимание взаимодействия субъектов коммуникации оформляется в Древней Греции, где истина рассматривалась как результат сложного и длительного процесса познания при участии разных людей. Претензия на истинность только своей точки зрения оспаривалась, а диалог строился на основе обмена мнениями как результата развернутого, доказательного мышления, т. е. на чисто рациональных основаниях. Формируется понимание диалога или монолога как взаимодействие умозрения с опытом: как диалог с внутренним собеседником или «Я» с «Ты» [Манапова: 2013: 245-247]. Понятие субъектов коммуникации, таким образом, связано с осмыслением механизмов формирования ситуации коммуникации как взаимодействия участников общения на основе диалога.

В современной лингвистике диалогичность признается одной из важных категорий научного текста. Н.В. Ефремова выделяет два вида диалогичности: внешнюю и внутреннюю. Внешняя диалогичность направлена эксплицитно на адресата, внутренняя рассматривается как диалог с учеными, единомышленниками, оппонентами и как диалог с самим собой – диалог старого и нового знания, своих идей [Ефремова 2015: 75]. Анализируя диалогичность научной речи с учетом жанровых характеристик коммуникативного пространства, М.Н. Кожина рассматривает три основные формы ее проявления: первая является внутренней коммуникацией автора с самим собой, вторая представляет собой общение с учеными, научными направлениями или школами, третья форма – это диалог с аудиторией, реализуемый в обращениях к ней либо в апелляциях к ее вниманию [Кожина: 1981: 78-79].

И.И. Баранова в своей работе также уделяет особое внимание изучению диалогичности научной коммуникации, отмечая, что диалог между учеными в научном тексте является основным способом передачи научного знания, где изложение материала осуществляется посредством экспликации различных точек зрения исследователей. Кроме того, автор указывает на

связь данной категории с прагматическим аспектом языкового содержания текста, который заключается в воздействии на адресата с целью трансформации его смыслового поля [Баранов 2012: 121].

Таким образом, исследуя специфику субъектов научной коммуникации, следует отметить, что адресантом данного вида коммуникации всегда выступает научный деятель, в то время как адресатом может являться как отдельная личность, так и группа людей, не обладающих тем же набором компетенций, что и адресант. Однако, как отмечает Е.С. Грушевская, несмотря на данный факт, адресат не перестает быть участником коммуникативного процесса и представляет собой целевое звено модели научной коммуникации. Изучение текста невозможно без учета категориальных характеристик обоих субъектов коммуникации, так как они представляют собой органическое единство научного произведения [Грушевская 2017: 175].

Н.В. Ефремова также определяет фактор адресата одним из основополагающих составляющих коммуникативной деятельности адресанта. Автор отмечает, что основной задачей адресата в процессе научной коммуникации является необходимость декодировать и осознать замысел адресанта, который, в свою очередь, должен сформировать в понимании адресата особую регулятивную модель мира посредством правильного подбора функционального назначения языковых единиц, ориентированных на передачу основной идеи научного содержания [Ефремов 2015: 76].

Говоря о способах передачи научных знаний, необходимо отметить, что адресант как субъект рассматриваемого вида коммуникации должен обладать определенными общими знаниями эталонной трансляции информации, стремясь к безличностному и объективному изложению данных, однако это не исключает возможности выразить индивидуальный взгляд и собственную позицию ученого. Данный субъект коммуникации рассматривается как индивид, с одной стороны, обладающий свойством

уникальности, с другой – идентифицирующий себя с определенной социальной группой, включая профессиональную общность [Манапова 2013: 245].

Научное общение реализуется преимущественно в рамках текстовой деятельности, а транслятором научной информации является автор (или авторы) текста, представленного в различных формах: устные выступления перед определенной аудиторией, изложение процессов и результатов исследования в статьях, рефератах, публикациях и других видах текстовой коммуникации. Следует также учитывать тот факт, что научный текст является не только источником информации, но и отражает точку зрения автора, выступающего интерпретатором научных идей. С.В. Ракитина подчеркивает, что научный текст соотносится с особенностями творческой деятельности ученого. Креативность научной работы проявляется в процессе нахождения нового на фоне известного знания и подборе соответствующего языкового оформления авторских идей, поэтому фактор субъекта речи связан с экстралингвистическими (деятельность автора текста) и лингвистическими особенностями текста [Ракитина 2012: 64-65]. Отмечается, что субъектность научного текста связана с самовыражением ученого, его оценочным отношением к знанию, как старому, так и новому, и с текстоформирующей деятельностью, обращенной на представление полученного знания адресату [Ракитина 2012: 64-65].

Анализ свойств субъектов научной коммуникации и специфики их функционирования в научной среде позволяет заключить, что адресантом в подавляющем большинстве случаев выступает ученый или исследователь, который должен обладать определенными коммуникативными компетенциями. А.С. Солодухо высказывает мнение, что научный дискурс представляет собой индивидуальный вклад ученого, включающий новизну, элемент личностной субъективности автора научного текста. В связи с этим возрастает ответственность автора и внимание к самому процессу создания научного текста [Солодухо 2006: 30-31]. Отмечается, что адресант научной

коммуникации должен владеть навыками ораторского мастерства, для того чтобы доходчиво и интересно излагать суть своего научного исследования в устной форме. Кроме того, автору следует придерживаться типологических свойств научного текста, где мыслительные процессы выражаются при помощи заданных типов связи между элементами языка [Грушевская 2017: 30].

Контекст научной коммуникации является идеальной средой для проявления и развития информационно-коммуникативной культуры ученого как одной из составляющих его личностной структуры, которая характеризуется наличием определенных навыков. Д.М. Бычков считает, что каждый исследователь как субъект научной коммуникации, вступая в мир науки, должен обладать такими компетенциями, как рецептивно-аналитическая, интертекстуальная, интерпретационная и компетентность аудирования [Бычков 2018: 397]. Научная коммуникация является динамически развивающейся системой, где основной задачей исследователя выступает необходимость изучения ее законов, особенностей и средств трансляции научного знания, среди которых основополагающей способностью выступает умение формировать свои коммуникативные стратегии, рационально и творчески подходя к языковому оформлению своей научной деятельности [Бычков 2018: 401-402].

Особое внимание в процессе изучения субъектов научной коммуникации современные исследователи уделяют экспликации авторского замысла, который реализуется коммуникативно-прагматическими установками и определенными индивидуальными способами формализации научного знания, отвечающими требованиям научного стиля [Гребенюк, Гусаренко 2020: 16]. Научная коммуникация, являясь формой хранения, переработки и репрезентации знания, выступает процессом формирования исследовательских смыслов субъекта, где их трансляция может характеризоваться индивидуальным стилистическим аспектом реализации

личности в соответствии с нормами научной коммуникации [Гребенюк, Гусаренко 2020: 16-17].

Итак, процесс коммуникации в рамках научного коммуникативного пространства отличается многообразием своих форм и проявлений, поэтому каждый отдельный субъект коммуникации имеет свои особенности и ряд категориальных признаков, которые определяются спецификой данной коммуникативной деятельности. Субъектность связана с определенными компетенциями и навыками, направленными на интерпретацию научных идей, выражение оценочного отношения к научному знанию и представление его адресату, а также умениями формировать свои коммуникативные стратегии. Ученый как субъект коммуникации существует в неразрывной связи со всеми условиями научной коммуникации, поэтому степень проявления его характеристик зависит не только от его индивидуальных особенностей, информационной и коммуникационной культуры, но и от внешних условий, форм и способов трансляции научного знания.

Важное значение приобретает характеристика субъекта речи как языковой личности, владеющей навыками формирования научного текста, основами научного стиля, языковыми эталонами трансляции научной информации и другими языковыми средствами формирования научной речи.

1.2.2. Языковая личность ученого

Особое внимание ученых к проблеме описания структуры языковой личности обусловлено трансформацией парадигмы современной науки о языке, которая характеризуется антропоцентрической направленностью и укреплением в ней главенствующей роли самого человека [Туранова, Иванова 2016: 34]. Языковая личность представляет собой собирательный речеповеденческий образ человека как представителя определенной национальной, профессиональной, социальной группы.

Рассматривая концепцию языковой личности в переводоведении, Н.Н. Кислицина отмечает, что формирование понятия языковой личности находится в точке пересечения таких явлений как язык, речь, сознание и мышление, а также целого ряда исследовательских подходов, среди которых особо выделяются антропоцентрический, лингвоцентрический и функциональный [Кислицина 2012: 146]. Описывая языковую личность как неповторимый уникальный образ личности адресанта, отображенный в индивидуальном языковом оформлении, З.Н. Афинская отмечает, что языковая личность тесно связана с индивидуальным характером, культурой, местом проживания и национальным языком индивида [Афинская 2018: 40].

Подчеркивая необходимость использования комплексного подхода к пониманию языковой личности, А.П. Седых и М.С. Квитко указывают на важность при выявлении характеристики языковых особенностей человека анализа созданных им письменных текстов [Седых, Квитко 2012: 204]. Лингвистическое исследование языковой личности ученого выдвигает на первый план человека и его связь с другими языковыми личностями. Данная связь в современной науке определяется как коммуникация. Процесс создания письменного текста требует от автора ориентации на адресата, а основной целью данного вида коммуникации выступает намерение ученого передать свое видение, позицию или знание в определенной сфере. Помимо взаимодействия с аудиторией существует целый ряд ключевых характеристик языковой личности автора текста, среди которых сложная многоуровневая структура, культурная обусловленность и зависимость от лингвокультурных традиций [Кислицина 2012: 148].

Параметры языковой личности подробно представлены в трехуровневой модели Ю.Н. Караулова. Нулевой уровень обозначен как «вербально-сематический» и включает способности номинации и рецепции лексических единиц, вербализации языковых средств выражения и манифестации различных видов речи. Далее следует «тезаурусный уровень», который характеризуется наличием понятийной базы, индивидуального

тезауруса и способов структурирования высказываний согласно универсальным языковым правилам. Заключительным уровнем выступает «мотивационно-прагматический уровень». Структуру данного уровня Ю.Н. Караулов подразделяет на деятельностно-коммуникативные потребности языковой личности, коммуникативную сеть (выбор подязыковых регистров согласно коммуникативному пространству речевого акта) и умение свободно оперировать текстовыми стереотипами [Караулов 2014: 60-62].

Изучение языковой личности ученого требует осмысления данных из различных отраслей гуманитарного знания. В качестве основы для исследования предлагается выделить когнитивные процессы проявления личности, стили мышления и его психологические характеристики [Котюрова и др. 2019; Колмогорова, Курилова 2022]; вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный уровни структуры языковой личности; идеологические источники речемыслительной деятельности; этапы индивидуального построения речи посредством риторических явлений, обеспечивающих коммуникативное взаимодействие между субъектами общения [Кузнецова, Ворожбитова 2023: 68-69].

В настоящей работе, вслед за В.И. Карасиком, под языковой личностью мы понимаем участвующего в коммуникации индивида как представителя определенного лингвокультурного сообщества, который транслирует свою идентичность посредством индивидуальных способов моделирования речевой деятельности [Карасик 2021: 34].

Отдельное место в рамках современных представлениях филологической науки о языковой личности занимает понятие «профессиональная языковая личность». Профессиональная языковая личность является источником порождения профессионального дискурса, который характеризуется наличием языковых особенностей, обеспечивающих речевое соответствие статусно-ориентированной коммуникации. Однако строгие правила профессионального общения не исключают возможности обнаружения своей оригинальности субъектов

профессионального дискурса. Речемыслительный потенциал профессиональной языковой личности раскрывается в воплощении ключевых признаков определённого типа институционального дискурса в сочетании с индивидуальными особенностями субъекта речевой коммуникации [Кузнецова, Ворожбитова 2023: 31]. Предложив типологию профессиональной языковой личности для филологической сферы, Л.Н. Кузнецова подчеркивает, что по степени проявления индивидуальности филолог может представлять собой либо усредненную языковую личность, либо выдающуюся с ярко выраженным проявлением научного идиостиля [Кузнецова, Ворожбитова 2023: 68-69].

Исходя из вышеизложенного, следует заключить, что идиостиль является характерным показателем идентичности языковой личности. Ввиду того, что настоящая работа обращается к анализу идиостиля ученых, следует подробно рассмотреть данное ключевое понятие.

1.2.3. Идиостиль как параметр языковой личности ученого

Научное творчество невозможно без проявления авторской индивидуальности, поскольку, по мнению И.В. Самойловой, современный ученый склонен к преодолению обезличенного единства науки, «стремясь к индивидуализации своего творчества». Результаты отражаются в уникальной словесной форме, в личностном характере экспликации нового знания, в выборе определенных стратегий речевого поведения для достижения эффективности коммуникации [Самойлова 2007: 59]. Ученый как субъект научной коммуникации, как языковая личность выступает, таким образом, создателем продукта со своим индивидуальным стилем.

Термин «идиостиль (индивидуальный стиль)» в современной лингвистике используется наряду с такими как «идиолект» и «авторский стиль». Проблематика данного исследования диктует необходимость подробного рассмотрения каждого из приведенных терминов.

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» термины «идиостиль» и «идиолект» выступают синонимичными понятиями и представляют собой объединение языковых и стилистических особенностей, присущих устной или письменной речи автора порожденного текста [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2011: 95].

Безусловно, понятия «идиостиль» и «идиолект» весьма близки, так как имеют общее семантическое ядро, однако, некоторые современные ученые отрицают их тождественность. В Словаре лингвистических терминов отмечается, что идиолектом выступает комплекс формальных фонологических, лексических, синтаксических и стилистических особенностей речи, присущих отдельной языковой личности [Жеребило 2010: 115]. В своей работе Е.Р. Корниенко также соотносит термин «идиолект» с понятием языковой личности, обосновывая свою позицию первичностью природы идиолекта. По мнению ученого, идиолект возникает в процессе образования и развития языковой личности и выступает речевым средством отображения языковой картины мира автора текста. В свою очередь, термин «идиостиль», согласно Е.Р. Корниенко, соотносится с таким понятием, как «коммуникативная личность», что обусловлено проявлением последнего именно в создании индивидуального стиля посредством уникального речевого поведения автора [Корниенко 2019: 270]. Ученый отмечает, что идиостиль в общем понимании можно охарактеризовать как индивидуальную манеру речи и письма, которая характеризуется оригинальностью выбора языковых средств и согласуется с определенной коммуникативной целью адресанта [Корниенко 2019: 266].

Значимость дифференциации терминов «идиостиль» и «идиолект» особенно отмечена в словаре общелингвистических терминов «Эффективное речевое общение». Согласно данному словарю идиостиль и идиолект зарождаются под влиянием всей экстралингвистической основы текста. Однако идиостиль, выступая посредником между текстом и автором,

отображает уникальный стиль языковой личности и своеобразие речевой деятельности автора текста. Идиостиль отчетливо проявляется на лингвокогнитивном уровне, транслируя интеллектуальные свойства и творческую индивидуальность языковой личности. В отличие от идиостиля, идиолект является единением исключительно структурно-языковых характеристик речи и не интегрируется с личностью автора, его знаниями о мире, мотивами, неповторимостью и оригинальностью коммуникативных стратегий и тактик [Эффективное речевое общение 2013: 176].

Такая трактовка идиолекта представлена, в частности, в работе Е.С. Медведковой, которая указывает, что идиолект, в отличие от идиостиля, представляет собой индивидуальный характер языка, специфические черты его структуры, употребляемые автором без привязки к языковой личности и ее интенциям [Медведкова 2016: 126]. Разграничивая понятия идиостиля и идиолекта, автор отмечает, что идиолект является одним из этапов формирования идиостиля. То есть определение «идиостиль» логически шире и включает в себя понятие «идиолект» [Медведкова 2016: 125].

В описании идиостиля важное место занимают языковые особенности. Идиостиль понимается не только как совокупность содержательных характеристик, но и формальных лингвистических и стилистических признаков, которые присущи работам одного автора и выделяют его произведения на фоне аналогичных трудов других ученых или писателей. Совокупность характеристик являет собой систему, формирующую личностный почерк автора текста, при помощи которого реализуется уникальный авторский способ репрезентации той или иной информации [Ашимова 2013: 1].

По мнению А.Н. Сокальской, одним из ключевых компонентов формирования идиостиля ученого выступает авторское словотворчество, которое выражается в творческом подходе к использованию языка. Словотворчество определяется способностью автора к трансформации лексических единиц на различных языковых уровнях, а также

специфичностью синтаксического построения фраз, что способствует отражению уникальности речемыслительной деятельности ученого [Сокальская 2003: 173-174].

В качестве признака, определяющего авторское своеобразие, может выступать характер текста. В частности, А.Н. Сокальская разграничивает тексты по соотношению интеллектуально-познавательного и эмоционально-образного начала: одна категория текстов характеризуется выраженной наукообразностью, нарочитой сложностью и избытием терминологических единиц, другая – обладанием ярко выраженной авторской индивидуальности, образности и самобытности речи. Ученый указывает на то, что именно вторую категорию текстов можно обозначить как высшую форму научного изложения, а наибольший простор для самовыражения авторской индивидуальности предоставляет именно социально-гуманитарная научная сфера. Данный вывод обосновывается тем, что ученым-гуманитариям не всегда удается выразить те или иные аспекты своей работы точным научным языком [Сокальская 2003: 175-176].

Т.Б. Самарская и Т.В. Поздеева, определяя идиостиль как объединение содержательных и формальных лингвистических особенностей, придающих уникальность авторскому способу языкового выражения, подчеркивают, что изучение идиостиля определенного автора возможно посредством определения индивидуально-авторских отхождений от общепринятых принципов структурирования текста на всех уровнях языкового оформления в том или ином стиле [Самарская, Поздеева 2016: 130]. Согласно Е.В. Кловак, возможность реализации идиостиля осуществляется посредством использования сходных языковых компонентов в разных текстах. Отмечается, что стиль приобретает свою уникальность и узнаваемость благодаря специфическим стилеобразующим элементам [Кловак 2014: 48].

При описании отличительных черт идиостиля ученые обращают внимание на проявление в нем концептуального содержания. Так, В.В. Дружинина и А.А. Ворожбитова указывают на то, что посредством

языкового выражения идиостиль ученого транслирует адресату образ его мировосприятия. В целом категория идиостиля ученого отображает индивидуальные особенности как персонального образа мышления, так и уникального способа реализации лингвориторических компетенций языковой личности [Дружинина, Ворожбитова 2019: 51].

Вслед за В.А. Пищальниковой, М.Ю. Мухин понимает под идиостилем «двустороннюю сущность», которая проявляется в тексте посредством сочетания концептуальной картины мира автора и системы индивидуального употребления языковых единиц в тексте, свидетельствующей «о специфике авторской работы с текстом». [Мухин 2019: 9]. Концептуальная система автора предполагает использование индивидуально-авторской лексики, которая представляет собой набор лексических единиц, имеющих высокую частотность употребления в рамках работ одного автора и нехарактерных для текстов других [Мухин 2019: 9-10]. Другим средством проявления авторской концептуальной системы, по мнению ученого, является определенная специфичность сочетаемости слов, которая может быть характерна только для одного автора. На основании этого М.Ю. Мухин в своем исследовании особое внимание уделяет раскрытию отличительных черт авторской лексической синтагматики.

Еще одной терминологической единицей, заслуживающей нашего внимания, выступает такое понятие, как «авторский стиль». Согласно проведенному И.А. Воронцовой анализу индивидуальных признаков авторского стиля, его определение в полной мере ассоциирует с определением идиостиля. Ученый отмечает, что авторский стиль и идиостиль представляют собой систему логико-семантических способов трансляции информации через призму ключевых личностных смыслов идеологической системы автора текста [Воронцова 2020: 124].

Данную точку зрения разделяет и М.Ю. Мухин, употребляя понятия «авторский стиль» и «идиостиль» как синонимичные. Ученый обращает внимание на дуальность природы указанных терминов, которая представляет

собой с одной стороны концептуальную систему смыслов текста, а с другой – систему оригинального использования языковых единиц определенного автора. Особое внимание М.Ю. Мухин уделяет особенностям авторской сочетаемости лексических единиц, отмечая данный критерий одним из самых значимых признаков идиостиля. Так, по мнению, ученого, употребление нестандартных сочетаний слов способствует созданию новых текстовых смыслов и способов воздействия на читателя [Мухин 2019: 9-12].

Тождественность понятий идиостиля и авторского стиля отмечает также И.А. Лиходкина. По ее мнению, признаки уникальности и индивидуальности авторского стиля необходимо искать на лексико-грамматическом, синтаксическом и стилистическом уровне [Лиходкина 2018: 127].

Таким образом, авторы рассмотренных работ сходятся во мнении, что термины «идиостиль» и «авторский стиль» синонимичны. Они представляют собой уникальный, узнаваемый способ воспроизведения речевого материала в обход требованиям определенного универсализма, присущего той или иной коммуникативной среде [Выровцева, Исакова 2017: 127]. Утверждение о том, что анализ идиостиля и/или авторского стиля производится с позиции исследования способов взаимодействия адресанта и адресата, а также изучения многоуровневого отображения языковой личности автора и способов ее репрезентации в тексте [Медведкова 2016: 125], также сближает рассматриваемые понятия.

Резюмируя, можно заключить, что идиостиль, или авторский стиль, предстает как индивидуализированный комплекс языковых средств, направленных на достижение коммуникативных целей и на формирование у адресата понимания концептуального мира ученого. Анализ индивидуального стиля автора текста невозможен без характеристики его языковой личности и речевого поведения в рамках порождаемых им текстов. В свою очередь, сам текст выступает основным средством самовыражения адресанта, включая информацию об уникальности ценностных ориентиров

языковой личности, ее мировосприятии, языковых особенностях репрезентации информации и своей позиции по отношению к предмету речи.

Многослойность феномена идиостиля проявляется, если следовать концепции А.В. Болотного, в трех ключевых стилях, репрезентирующих форму, содержание и категорию данного понятия: культурно-речевом, коммуникативном и когнитивном. Первым выступает культурно-речевой стиль, который проявляется на языковых уровнях в сочетании с речевой культурой. Коммуникативный стиль выражается в использовании индивидуальных коммуникативных тактик и стратегий, в выборе речевых жанров, регулятивных средств направленности на адресата и др. Когнитивный стиль отображает уникальность концептуальной картины мира, эмоциональных проявлений и мотивационных установок языковой личности автора [Болотнов 2012: 169].

В рамках научного и научно-популярного дискурса языковая личность ученого ограничена стандартностью коммуникативной ситуации, в рамках которой он транслирует свои идеи. Речевая деятельность автора осуществляется по определенному сценарию с четко заданными границами и традициями создания текстов в указанных стилях. Выразить свою уникальность посредством индивидуального речевого поведения позволяет допустимый к применению ряд коммуникативных стратегий и тактик, выбор которых достаточно широк. Дальнейший обзор дает возможность определить основной круг коммуникативных стратегий, используемых в научном и научно-популярном дискурсе.

1.2.4. Авторские коммуникативные стратегии в научном и научно-популярном дискурсе

Выбор авторских стратегий в разных дискурсах обусловлен разными способами организации и реализации межсубъектных диалогов, а их наполнение отражает разные модели текстопорождения [Пелевина 2008: 24].

Целью научной коммуникации является сообщение нового знания, в том числе, личностного, реализуемого в тексте путем изложения теоретических положений или отдельной ступени исследования [Рянская, Яковлева 2019: 170]. В *научном дискурсе* стратегии направлены на рационально-логическое представление результатов, которые формируются на основе проведенного ученым исследования и создания авторской научной концепции [Пелевина 2012: 167-168]. Сообщение же новых знаний невозможно без оценки старых и стремления убедить адресата в своей правоте [Хомутова 2015: 20]. Стратегии *научно-популярного дискурса* способствуют формированию производного знания, служат инструментом популяризации научной информации [Костяшина 2008: 10], предназначенной для адресата-неспециалиста.

Многоаспектный подход к определению авторских стратегий в научном дискурсе наблюдается в исследовании Н.Н. Пелевиной, которая, основываясь на том положении, что в научном дискурсе отражаются познавательный и коммуникативный аспекты деятельности ученого, выделяет два типа стратегий – когнитивно-познавательные и коммуникативно-прагматические [Пелевина 2008]. Согласно Н.Н. Пелевиной, когнитивно-познавательные стратегии регулируют представление знаний о мире и коммуникативной специфике научной сферы и формируются на основе комплекса авторских стратегий: объектно-ориентированных, включающих концептуально-тематическую, информационно-методологическую, системно-логическую стратегии, и стратегии межтекстового взаимодействия. Концептуально-тематическая стратегия нацелена на представление системы научных понятий и реализуется с помощью специальных терминов и понятий. Информационно-методологическая стратегия направлена на эксплицитное представление методов научного исследования и проявляется в использовании слов с семантикой интеллектуальных действий и общенаучной и специальной терминологии. Системно-логическая стратегия отражает демонстрацию

этапов научно-познавательного процесса [Пелевина 2008]. Коммуникативно-прагматические стратегии в научном дискурсе рассматриваются Н.Н. Пелевиной как авторские стратегии взаимодействия с читателем путем рационально-логической аргументации и психологического убеждения [Там же].

С.В. Когут и З.И. Резанова, указывая в качестве главной цели научной коммуникации установление объективных закономерностей в разных предметных областях, включают в перечень типичных стратегий научного дискурса информирующие, оценивающие, убеждения и аргументации, контактоустанавливающие и стратегии облегчения восприятия научного дискурса [Когут, Резанова 2015: 67].

Анализируя особенности того или иного дискурса, исследователи оперируют понятием дискурсивной стратегии. Рассматривая понятие дискурсивных стратегий с позиций интегральной лингвистики, т.е. в различных парадигмах знания, Т.Н. Хомутова выделяет когнитивные, культурные, социальные, языковые, коммуникативные стратегии научного дискурса [Хомутова 2015: 17]. Когнитивные стратегии понимаются как мыслительные операции, отражающие динамику познавательной деятельности [Там же]. Культурные стратегии отражают культурно-специфический характер, обусловленный различиями в системах культурных ценностей. При этом в отношении научного дискурса отмечается тенденция к универсализации [Хомутова 2015: 18]. Языковые стратегии подразделяются в соответствии с уровневым строением языка и включают фонетические, лексические, грамматические, стилистические/риторические стратегии [Там же]. Формирование социальных стратегий зависит от характеристик автора и адресата [Хомутова 2015: 19]. Что касается собственно коммуникативных стратегий, то в их состав ученый включает информирующие, оценивающие, стратегии убеждения и ряд других [Хомутова 2015: 20].

Следует отметить, что понятие «дискурсивная стратегия» используется рядом исследователей как синоним речевой и коммуникативной стратегий. В

частности, П.М. Дайнеко понимает под дискурсивной, или коммуникативной, стратегией комплекс речевых действий, нацеленных на решение общей коммуникативной задачи адресанта [Дайнеко 2010: 136-137]. В своем исследовании стратегий и тактик в медижанре литературной рецензии А.Н. Морева и Н.Е. Петрова используют термин «речевая (коммуникативная) стратегия». Определяя этапы формирования и реализации стратегии, ученые определяют ее основные составляющие применительно к речевому поведению критика [Морева, Петрова 2016: 110].

Исследуя дискурсивные стратегии научно-популярных текстов, Е.В. Сухая придерживается понимания стратегии как речевой [Сухая 2012: 213], исходя из определения О.С. Иссерс, т.е. как комплекса «речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2009: 182]. Анализ научно-популярных текстов позволил Е.В. Сухой выявить следующие основные стратегии, используемые авторами при создании текстов: стратегию субъективизации изложения, представляющую собой реализацию таких параметров текста как «баланс объективного/субъективного и рационального/эмоционального»; стратегию информационного развертывания, целью применения которой является повышение доступности изложения и построение убеждающего дискурса; стратегию метадискурсивного комментирования, т.е. использования эксплицитного авторского комментария или авторских замечаний [Сухая 2012: 213-216].

Понимание дискурсивных стратегий как способов реализации коммуникативных ситуаций в дискурсе позволяет рассматривать их в том числе и как коммуникативные. В настоящей работе мы будем использовать термины «дискурсивные стратегии» и «коммуникативные стратегии» как синонимичные.

Коммуникативная стратегия представляет собой речевые действия, направленные на реализацию коммуникативной цели, предполагает планирование процесса коммуникации в зависимости от условий и

участников общения [Иссерс 2008: 54] и определяет набор жанров и тактик, репрезентирующих определенный дискурс [Костяшина 2008: 8]. В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило коммуникативная стратегия трактуется как «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Жеребило 2010: 157]. Коммуникативная стратегия, понимаемая также как речевая, рассматривается как общая линия речевого поведения, определяемая коммуникативными целями и коммуникативной ситуацией [Эффективная речевая коммуникация 2014: 229].

Следует отметить, что в настоящее время не выработано единого перечня и единого понимания содержания коммуникативных стратегий. Вопросы коммуникативных стратегий рассматривались исследователями в отношении различных видов дискурсов, а в их перечень включают, прежде всего, стратегии самопрезентации, субъективизации, воздействия, убеждения, аргументации, информирования, установления контакта, обращения к авторитетному источнику, оценивания, обеспечения доступности, взаимодействия с адресатом [Иссерс 2008; Арсеньева 2013; Воронцова 2013; Копыл 2013; Морева 2014; Хомутова 2015; Нестерова 2018; Покотыло 2017а; Нагиева 2016; Хутыз, Петренко 2021].

Так, в своих работах по исследованию научного дискурса М.В. Покотыло [Покотыло 2017а: 168-170; Покотыло 2017б: 128] выделяет следующие коммуникативные стратегии: информирующие (интерпретация старых и сообщение новых знаний о мире), оценивающие (субъективные – объективные, позитивные – негативные), убеждения в синтезе со стратегией аргументации и конфронтации. В рамках научного дискурса рассматриваются также композиционные (схематические) и риторические стратегии, которые связаны не только с коммуникативными, но и когнитивными, языковыми и другими стратегиями. Согласно точке зрения

автора, риторическая стратегия понимается как реализация коммуникативной стратегии в конкретном высказывании [Покотыло 2017б: 128].

В исследовании А.Н. Моревой внимание акцентируется на таких коммуникативных стратегиях как кооперативные/некооперативные и на повышение/на понижение, наиболее важных для жанра литературной рецензии. Кооперативные стратегии проявляются в информативных и интерпретативных типах текстов, некооперативные – в текстах с нарушением правил речевого общения. Стратегии на повышение и на понижение связаны с формированием позитивной или негативной оценки объекта [Морева 2014: 442].

Анализируя особенности организации публичных лекций, Е.Б. Нагиева выделила следующие основные коммуникативные стратегии лекторов: информативно-объяснительную, цель которой – сообщение научной информации в доступной форме; образно-изобразительную и эмоционально-оценочную, назначение которых – вызвать у адресата образные представления или эмоциональный отклик; контактоустанавливающую; самопрезентации [Нагиева 2016: 23]. Данные стратегии призваны, в первую очередь, обеспечить эффективность и доходчивость представления информации. Изучение радиодискурса позволило Н.Г. Нестеровой описать такие разновидности коммуникативных стратегий, как формирование целевой аудитории, вовлечения в диалог и удержания адресата [Нестерова 2015: 256-257]. Перечисленные стратегии отражают установку говорящего на диалогичность и интерактивность, намерение сделать адресата собеседником [Нестерова 2015: 256-257].

Исследуя явление диалогизации лекционного дискурса, И.П. Хутыз и Ю.А. Петренко выделяют две коммуникативные стратегии взаимодействия с аудиторией: стратегию разъяснения (информирующую) и стратегию кооперации (контактоустанавливающую) [Хутыз, Петренко 2021: 125]. Указывается, что стратегия кооперации реализуется с помощью тактик диалогизации, управления вниманием, очеловечивания лектора, объяснения

им своих действий [Там же]. Дискурсивными средствами диалогизации являются вопросы, восклицательные конструкции, обращение к аудитории, сторителлинг (интересная история), инклюзивное «мы» [Хутыз, Петренко 2021: 125-126]. Тактика управления вниманием реализуется путем применения директивных конструкций, объединяющих коммуникантов («давайте проанализируем»). Использование фактов из личной жизни или личного опыта служит одним из приемов тактики «очеловечивания» [Хутыз, Петренко 2021: 126].

В целом анализ теоретической литературы, посвященной изучению стратегий в различных разновидностях дискурса, показывает, что дискурс как коммуникативный процесс предполагает реализацию стратегий в определенной коммуникативно-прагматической ситуации. Выбор дискурсивных стратегий определяется необходимостью адаптировать тактико-стратегическое поведение адресанта к условиям конкретного типа дискурса.

Обзор теоретических работ позволил выделить *основные стратегии*, рассматриваемые учеными при исследовании научного и научно-популярного дискурса, и представить их в виде сравнительной таблицы (Таблица 1). Сравнение составленного перечня стратегий научного и научно-популярного дискурса показывает, что в целом, с точки зрения их номинаций, используемые стратегии идентичны. Однако выбор стратегии обусловлен социопрагматическим уровнем и социокультурной ориентацией излагаемых в тексте идей, поэтому ее содержание дифференцируется в зависимости от характеристики дискурса.

Таблица 1. Стратегии научного и научно-популярного дискурса

Стратегии научного дискурса	Стратегии научно-популярного дискурса
информирующие [Копыл 2013: 155; Хомутова 2015: 20; Когутб 2016: 161]	информационного развертывания [Сухая 2012: 215]; информационная стратегия [Костяшина 2010: 43]; информирующая [Хутыз, Петренко 2021]
обеспечения доступности [Копыл 2013: 155];	информативно-объяснительная [Нагиева 2016: 19-20]

облегчения восприятия научного дискурса [Когут 2016б: 161]	
персуазивного воздействия [Романова 2020: 208-209]; скрытого воздействия [Сапега 2008: 86]	аттракции (воздействия) [Киселев 2011: 129]
стратегия убеждения [Хомутова 2015: 20; Когут 2016б: 161; Покотыло 2017а: 168; Покотыло 2017б: 128; Пелевина 2012: 168]	стратегия создания достоверности [Киселев 2011: 131]
аргументации [Когут 2016б: 161; Покотыло 2017а: 168; Пелевина 2012: 169]	
обращения к авторитетному источнику [Копыл 2013: 152]	обращения к авторитетному источнику [Арсеньева 2021: 243]
оценивания [Копыл 2013: 155; Хомутова 2015: 20; Когут 2016б: 161]	оценочности [Строева 2008: 139]; эмоционально-оценочная [Нагиева 2016: 20].
прогнозирования [Копыл 2013: 156]	прогнозирования (прием ретро-перспективизации изложения) [Сухая 2012: 216]
риторическая [Пелевина 2008]	риторическая [Костяшина 2008: 9]
самопрезентации [Кубрак 2008: 41]	самопрезентации [Нагиева 2016: 22]
контактоустанавливающая [Когут 2016б: 162]	контактоустанавливающая [Нагиева 2016: 21-22; Хутыз, Колчевская 2020]

Любая дискурсивная стратегия основана на определенной интенции адресанта и распадается на коммуникативные *тактики*, которые представляют собой ряд практических ходов в процессе коммуникации, направленных на достижение частных целей [Жеребило 2010: 157]. Следует заметить, что некоторые стратегии в исследовательских работах могут рассматриваться как тактики и, наоборот, обозначенные в отдельных трудах тактики названы в других работах стратегиями. В лингвистических словарях подчеркивается, что коммуникативная тактика обеспечивает осуществление стратегии и, в конечном итоге, достижение коммуникативной цели [Эффективная речевая коммуникация ... 2014: 230]; Инструментом реализации тактики являются *прием* или *коммуникативный ход* [Арсеньева 2012: 13; Голев, Григорьева 2017: 67].

Во многих работах, вслед за О.И. Иссерс, коммуникативный ход рассматривается как совокупность языковых и неязыковых средств, позволяющих реализовать определенную тактику [Арсеньева 2012: 13]. Но в

некоторых исследованиях встречаются иные трактовки или уточнения, касающиеся данного термина. Так, А.Н. Морева и Н.Е. Петрова соотносят понятия коммуникативной стратегии и коммуникативной тактики со смысловым уровнем стратегической коммуникации, а понятие речевого хода – с уровнем речеоформления [Морева, Петрова 2016: 110-111]. В своей работе П.М. Дайнеко применяет в качестве синонима коммуникативного хода термин «прием», а для обозначения языкового материала, актуализирующего прием, использует термин «языковое средство» [Дайнеко 2010: 150-151]. В своей работе Л.А. Фирстова коммуникативный ход рассматривается как один из приемов реализации той или иной тактики, т.е. как тактический прием [Фирстова 2008: 65].

В настоящем исследовании термины «прием» и «коммуникативный ход» используются как синонимичные. Таким образом, анализ стратегий исследуемых дискурсов предусматривает изучение параметров, выстраиваемых в логическую цепочку «стратегия – тактика – прием / коммуникативный ход».

Рассмотрим на примере отдельных стратегий возможные тактики их реализаций в научном и научно-популярном дискурсе. В научном дискурсе *информирующая стратегия* предполагает использование, в первую очередь, тактики информирования (приведение данных и фактов без авторского выражения отношения к ним) [Копыл 2013: 155-156; Хомутова 2015: 20] и тактики актуализации фоновых знаний (осуществление взаимодействия адресанта и адресата на основе владения общими знаниями и понятиями) [Копыл 2013: 155-156]. Для научно-популярного текста предлагается стратегия информационного развертывания, которая включает тактику последовательности и поступательности изложения материала, а также тактику уравнивания когнитивных уровней адресанта и адресата [Сухая 2012: 215]. Специфика научно-популярного дискурса заключается в предоставлении информации доходчивыми способами, поэтому вполне оправданным видится предложение Е.Б. Нагиевой понятия «информативно-

объяснительная стратегия». Реализация данной стратегии предусматривает применение тактики обеспечения доступности изложения материала неподготовленному адресату, тактики членения информации на порции, тактики предъявления статистических и количественных данных, тактики описания принципов работы и методов исследования [Нагиева 2016: 19-20]. Следует отметить, что в отношении научного дискурса ряд ученых также указывает на необходимость применения таких стратегий как обеспечение доступности [Копыл 2013: 155-156] и облегчение восприятия научного дискурса посредством разъяснения и конкретизации информации [Когут 2016б: 160].

Как показывают исследования лингвистов, *стратегии воздействия, убеждения и аргументации*, присущие, прежде всего, научному дискурсу, реализуются с помощью сходных тактик: логической аргументации (использование вводных слов, демонстрирующих последовательность излагаемых мыслей, и графических кодов – абзацев для привлечения внимания к конкретным аргументам); модально-экспрессивного усиления, дискуссионной состязательности (использование иронического комментария); создания иллюзии живого общения с оппонентом и адресатом (риторические вопросы); апелляции к авторитетному мнению (наиболее частый прием – цитирование как привлечение дополнительных ресурсов для укрепления собственных исследовательских позиций) [Покотыло 2017а: 170-171]; «ссылки на авторитет» [Копыл 2013: 152]. В научном дискурсе при реализации стратегии аргументации допустимо присутствие сопутствующей ей нейтрализации авторской позиции как вербализации объективной истины [Седых 2023: 1890]. Для научно-популярного дискурса также характерно использование коммуникативной тактики обращения к авторитетному источнику (авторитетное лицо, информационные источники) с привлечением экспертного мнения («маршрутизация», характеристика источников) [Арсеньева 2021: 243-244]. В работе А.Ю. Киселева, посвященной адресным стратегиям в научно-популярном дискурсе на материале немецкого языка,

анализируются стратегии привлечения внимания и удержания внимания, которые составляют группу стратегий аттракции. В полной мере их можно рассматривать как стратегии воздействия, так как их реализация состоит в организации и направлении внимания адресата [Киселев 2011: 129]. Стратегии модализации, согласно ученому, реализуют интенции автора воздействовать на ментальную сферу адресата и включают стратегию создания достоверности (посредством точных характеристик, констатации фактов) и ситуативные стратегии (влияние на эмоциональную и волевую сферу) [Киселев 2011: 131].

В качестве тактик *стратегии оценивания* в научном дискурсе выступают «апелляция к оценке» [Копыл 2013: 155-156], субъективные/объективные и позитивные/негативные оценки [Хомутова 2015: 20], а также имплицитные и эксплицитные оценки [Когут 2016б: 161]. В научно-популярном дискурсе стратегия оценочности играет важную роль в обработке и подаче информации [Строева 2008: 139-140]. Исследуя речевую организацию текста публичной лекции, Е.Б. Нагиева выделяет эмоционально-оценочную стратегию, отмечая, что образные языковые средства как повышение выразительности речи служат активизации внимания и формированию заинтересованного отношения к содержанию лекции [Нагиева 2016: 20]. В таком случае при оценивании проявляется тактика эмоционального воздействия на адресата.

Стратегия *самопрезентации* характерна для обеих разновидностей дискурсов. По мнению Т.А. Кубрак, самопрезентация в условиях научных обсуждений менее значительна по сравнению с интенциями сформировать представление, убедить в правоте [Кубрак 2008: 40]. Самопрезентация предполагает самохарактеризацию и воздействие на адресата [Кубрак 2008: 41]. В научном дискурсе направленность на себя выражается в стремлении обозначить собственный вклад в научную проблему. Воздействие связано с направленностью на обсуждение научной проблемы, на партнера (другого ученого), на аудиторию (научное сообщество) [Кубрак 2008: 41]. Основной

тактикой стратегии самопрезентации в научно-популярном дискурсе также является демонстрация собственных достижений ученого, его личных предпочтений в научной области [Нагиева 2016: 22-23]. В жанре интервью, согласно исследованию Е.А. Ковригиной, стратегия самопрезентации базируется на целом ряде коммуникативных тактик, среди которых обращают на себя внимание тактика самопродвижения (демонстрация профессиональных достоинств, подчеркивания собственного мнения) [Ковригина 2009: 43-44] и тактика экземплификации (пояснения примерами) [Ковригина 2009: 44].

Коммуникативная стратегия *конфронтации* указана преимущественно по отношению к научному дискурсу. В качестве тактик, реализующих данную стратегию, отмечаются: навешивание ярлыков для понижения статуса оппонента (использование эпитетов, номинаций с негативной оценкой, метафор, аллюзий); прямая дискредитация (использование выражений негативной оценки) [Покотыло 2017а: 168-170]; «размежевание», направленное на раскрытие различий и несходств в позициях и мнениях исследователей [Копыл 2013: 14].

Применительно к научно-популярному дискурсу в большинстве работ коммуникативные стратегии обозначаются как *стратегии популяризации*. Анализ теоретической литературы, содержащей исследования коммуникативных стратегий научно-популярного дискурса, позволяет отнести к стратегиям и тактикам популяризации такие, которые направлены на повышение доступности изложения и построение убеждающего дискурса [Сухая 2012: 213]. Таким требованиям, на наш взгляд, отвечают стратегии, предполагающие использование приемов снижения категоричности, авторизации, экземплификации, диалогизации, эмоционализации [Сухая 2012: 213-216]; экспликации и упрощения [Воронцова 2013: 27-28]; тактик коммуникативного равенства и апелляции к личному опыту [Арсеньева 2013б: 293; Нагиева 2016: 22]. Особое место занимает риторическая, или интеррогативная стратегия, направленная на привлечение вопросительного

высказывания для введения в тему или представления научной проблемы [Витязева 2016: 7; Кобозева 2011: 367-369].

Проведенный обзор стратегий и тактик научного и научно-популярного дискурсов позволяет согласиться с точкой зрения тех исследователей, которые считают, что коммуникативные стратегии варьируются даже в рамках одного дискурса и задача составления конечного списка коммуникативных стратегий и тактик невозможна. Представленные в настоящем разделе описания отражают наиболее характерные для исследуемых нами дискурсов стратегии. Изучение конкретных научных и научно-популярных текстов, в том числе на материале разных языков, позволяет выявить частные коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые в зависимости от авторских интенций и социокультурных предпосылок, а также принятых в научном или языковом сообществе правил.

1.2.5. Лингвистический аспект проявления идиостиля ученого

Индивидуальная манера изложения материала ученым формируется на нескольких уровнях, включая когнитивный, психологический, экстралингвистический и лингвистический. Когнитивный уровень позволяет акцентировать внимание на интерпретации языковых единиц с учетом смысловодержательного и коммуникативно-прагматического аспектов [Гричин, Демешкина 2016: 6]. Психологический уровень обусловлен уникальным типом и стилем познавательного мышления языковой личности. Экстралингвистический уровень подразумевает общекультурный, общенаучный и предметно-научный контекст. Что касается лингвистического уровня, то он отражает функционально-стилистические особенности.

В современном мире академическая коммуникация представляет собой особый вид социальной деятельности, в рамках которой авторам научных текстов необходимо освещать направления и результаты своей работы и

взаимодействовать с аудиторией для более точного выражения своей позиции по представленному вопросу. Все это обуславливает авторское присутствие в научном тексте на различных языковых уровнях [Dobakhti 2017: 1]. Авторитетные научные деятели, выступая пропагандистами и популяризаторами собственных научных теорий, в ходе изложения материала широко задействуют межстилевой потенциал национального языка.

Исследователи текста отмечают, что идиостиль характеризуется наличием определенных языковых средств, ярко выделяющих работы автора на фоне остальных. К ним относятся *лексико-семантические языковые средства*, среди которых особое место занимают метафора, семантический контраст, авторские примечания и комментарии. В рамках *синтаксических особенностей* уникальность авторскому тексту придает наличие риторических вопросов, несобственно-прямой речи, авторского пояснения или замечания, вынесенного в скобки, а также вводные слова, предложения и параллельные конструкции. На *стилистическом* уровне, идиостилевые особенности характеризуются смешением речевых регистров и стилей, а также столкновением элементов разных стилей в одном тексте [Петрова 2011: 29].

Отражая общие, присущие идиостилю языковые характеристики, индивидуализированная система лингвистических средств в рамках научного и научно-популярного дискурсов приобретает свою специфику. Так, например, в научных и научно-популярных текстах широко используется клишированность средств языкового выражения. По наблюдениям Ю.Ю. Строевой, в научно-популярном дискурсе клише содержит простую оценочную коннотацию, что позволяет адресату ориентироваться на заранее известные оценки, способствующие пониманию авторской позиции [Строева 2008: 139-140].

В настоящее время изучение текста с позиции идиостилевых особенностей его автора осуществляется в нескольких направлениях.

Активно исследуется категория авторизации, которая, согласно С.В. Гричину, первоначально рассматривалась на уровне предложения, а затем, благодаря функционально-стилистическим и коммуникативно-прагматическим исследованиям, вышла на уровень текста и далее когнитивно-дискурсивного описания [Гричин, Демешкина 2016: 6-7]. Авторизация текста осуществляется посредством определенного структурно-семантического плана, указывающего на субъект исследования. Основной целью авторизации научного текста является реализация адресантом определенных интенций, раскрытие творческого замысла, а также демонстрация индивидуальности характера языковой личности ученого и его когнитивного пространства [Гричин 2013: 320]. Методика описания авторизации основывается на анализе языковых единиц различных языковых уровней с целью интерпретации авторского замысла и реализации авторских установок [Гричин, Демешкина 2016: 6].

Значительное место в исследованиях языковых особенностей личности ученого занимает такой аспект, как авторское присутствие в тексте. Отмечаются три ключевых компонента, посредством которых реализуется явное проявление личности автора в тексте. Первым компонентом выступает доказательность, а именно лексическое выражение приверженности автора определенной позиции. Вторым – оценочность, которая представляет собой демонстрацию отношения автора к тем или иным освещаемым вопросам. И, наконец, еще одним компонентом, указывающим на авторское присутствие, является самоупоминание посредством использования местоимения первого лица и притяжательных прилагательных [Dobakhti 2017: 2].

Е.Г. Сеченова разделяет способы проявления авторского «я» в научных текстах на две основные группы. Первая группа представляет собой ряд средств, выражающих логизированную модальность (лексические усилители, местоимения и глаголы первого лица множественного числа, лексическое обозначение эмоций и отношения автора к описываемым явлениям). Ко второй группе относятся средства репрезентации индивидуально-авторской

модальности (эмоционально окрашенные языковые единицы, метафоры, местоимения и глаголы первого лица единственного числа, риторические вопросы). Отмечается, что в рамках научного дискурса преобладающей группой является первая. Данный факт объясняется спецификой научного текста, которая регламентирует речевое поведение субъекта научной коммуникации в определенных рамках. Однако соотношение обезличенных языковых структур и структур, характеризующихся наличием авторского «я» в научных произведениях, для каждого ученого является индивидуальным. Так, нередко авторы научных работ в процессе научного изложения выходят за рамки традиций формирования научного текста, устанавливая личные цели и используя нестандартные для научного дискурса языковые способы их достижения. Е.Г. Сеченова также указывает на возрастающую тенденцию к усилению авторского «я» в научном дискурсе и повышению уровня диалогичности научного изложения. Современным ученым все больше свойственно стремление к коммуникативному воздействию на адресата, что обуславливает проявление свободы при выборе более эффективных речевых стратегий и тактик [Сеченова 2008: 535-536].

Следует отметить, что наряду с эксплицитными также широко распространены косвенно-эксплицитные и имплицитные формы обозначения авторского присутствия в научном тексте, где отсутствует знаковое выражение адресанта, но благодаря различным языковым средствам образ автора домысливается адресатом в рамках контекста научного сообщения. Имплицитные стратегии авторизации подразумевают исключение явного авторского присутствия в тексте, однако скрытая форма авторизации находит свою реализацию в антропонимической и эгоцентрической референции контекста научного текста [Супоницкая 2016: 133]. Средствами имплицитной авторизации выступают индикаторы модальности, рационально-оценочные лексемы, интеррогативные и императивные формы высказываний, реляционные единицы текста и другие [Супоницкая 2016: 135-137]. Примером косвенно-эксплицитного обозначения может служить

абстрагирование от конкретного лица. Как показано в работе О.Б. Адаевой, стремление автора нивелировать роль активного субъекта реализуется такими языковыми средствами как номинация субъекта речи («автор»), пассивный залог («нами был введен термин»), безличные конструкции («следует отметить») и т.д. В результате «в фокусе внимания оказывается не ученый, а то, что им сделано» [Адаева 2014: 185-186].

Научные тексты характеризуются наличием необычайно широкого простора для самовыражения авторской индивидуальности в современном научном дискурсе, что, по мнению А.Н. Сокальской, связано с влиянием антропоцентрической парадигмы в науке [Сокальская 2007: 8]. Обладая строгими правилами логического оформления структуры, текст научного дискурса характеризуется рациональностью и беспристрастностью рассуждения и стремится к демонстрации абсолютной истинности эмпирических данных [Hyland 2011: 193-194]. Ученый, являясь субъектом научного дискурса, определяет специфику формирования научного текста, генерируя его элементы [Болсуновская, Найдина 2015: 3413]. Адресатом научного текста зачастую выступает тоже ученый, специалист, имеющий равные с адресантом профессиональные компетенции, что обуславливает интертекстуальный характер и диалогичность текста [Ефремова, Белова: 2021: 495; Должич 2010: 31].

Интертекстуальность способствует проявлению авторизации в тексте, где авторская компонента представляет собой интеграцию мыслей, идей, подходов к работе и их текстуальное воплощение посредством привлечения информации из широкого дисциплинарного контекста [Должич 2010: 31]. В круг средств интертекстуальных заимствований входят прямое цитирование, использование уникальных сочетаний элементов, всего того, что является компонентом лингвокультурного кода той или иной социальной группы [Строева 2014: 645].

Современная научная речь характеризуется тенденцией к усилению субъективного начала, что обуславливает усиление диалогичности научного

изложения и стремление к проявлению личностной позиции и авторского «я». Средствами реализации индивидуальных прагматических установок и авторского «я» в тексте является эксплицитная передача эмоционального оценочного плана, использование личностных конструкций и выражение переживаемых субъектом эмоций в процессе достижения результатов научного поиска [Сеченова 2008: 537-538]. Для ситуации научно-профессиональной дискуссии характерно употребление таких языковых средств, которые в полемичной коммуникации способствуют успешному общению. К ним М.С. Невзорова относит модальные глаголы, модальные и лексико-синтаксические модификаторы, глаголы в сослагательном наклонении, этикетные формулы приветствия и благодарности, экспрессивно-оценочную лексику [Невзорова 2017: 6].

Стремление ученого к диалогичности в научно-популярном дискурсе проявляется несколько иначе, поскольку он ориентирован на достаточно широкий круг читателей и предполагает подачу информации доступным языком, который более характерен для разговорного стиля общения, чем для научного. В результате прямое обращение к читателю, использование разнообразных вопросительных и побудительных предложений создают эффект присутствия собеседника [Строева 2008: 135-136]. Н.А. Пром указывает на ряд риторических эффектов, которые возможно выделить на основе лингвопрагматического анализа: живого общения (с помощью вопросов, разговорной лексики, вводных слов), сопричастности (путем применения тактик взаимодействия с адресатом), догадки (посредством риторического вопроса) [Пром 2021: 143].

Проводя исследование способов проявления идиостиля ученого, следует также обращать внимание на статусную характеристику субъекта научного дискурса. Согласно И.В. Самойловой, обнаружена тенденция к увеличению отступлений от норм научного изложения в связи с повышением авторитета ученого в области, являющейся его основной сферой научной деятельности. Особенно этот факт заметен в использовании текстов в

оценочных (похвала, порицание) и императивных (рекомендация, предложение, пожелание) жанрах. Так, на первых ступенях своего вхождения в науку, ученые не используют указанные приемы, что связано с тем, что для оценки научных произведений необходимо обладать определенным авторитетом в научных кругах, который невозможно приобрести сразу. Еще одним способом проявления идиостиля, связанным с временным фактором, является использование местоимения первого лица единственного числа «я», которое с возрастанием уровня авторитетности ученого заменяет собой местоимение «мы». Кроме того, увеличивается частотность включения эмоциональных единиц, которые делают научный текст нестандартным и являются маркерами проявления авторской индивидуальности [Самойлова 2007: 59].

Авторский стиль может проявляться в использовании терминологической лексики, которая занимает важное место в текстах, содержащих научную информацию. Терминология выступает в качестве одного из языковых приемов создания конкретной научной картины мира [Костяшина 2008: 8]. В научно-профессиональном общении терминологические единицы и профессионализмы являются языковыми единицами кооперативной коммуникации, средствами установления взаимопонимания [Невзорова 2017: 77-78]. Однако в некоторых случаях насыщенность специальными терминами и понятиями приводит к дистанцированию, являясь результатом демонстрации статусного превосходства [Аксенова 2013: 111]. Отмечается также, что в научной практике маститые ученые обладают способностью изложить сложное явление понятным языком, тогда как для начинающих ученых характерно использование чрезмерно усложненных описаний [Там же]. При переработке научной информации для адресата-неспециалиста сохраняется тенденция к использованию терминов. Сложность их восприятия снимается упрощением синтаксиса предложений, введением разговорных конструкций и повторов.

Резюмируя, можно заключить, что ученый, приобретая опыт формирования научных текстов, со временем начинает двигаться от строгости и академичности к различным отступлениям и индивидуализации. Ученый, овладевая научным стилем и усваивая базовые элементы научного текстопорождения, формирует определенный фундамент, который в дальнейшем позволяет конструировать новое на основе уже усвоенного с внедрением личностного, индивидуального компонента, включая языковые средства. В публикациях каждого авторитетного исследователя, владеющего знаниями и опытом формирования научных текстов, в той или иной мере находит свое отражение индивидуальное авторское «я», которое влияет на процесс текстообразования [Самойлова 2007: 58-59]. При создании научно-популярного текста наблюдается, с одной стороны, сохранение особенностей научного стиля, с другой – проявление новых тенденций в функционировании сходных языковых средств в целях популяризации научного знания с учетом параметров адресата.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. В ходе исследования было установлено, что актуальность проблемы проявления идиостиля ученого связана с решением вопросов о специфике научного и научно-популярного дискурса в контексте индивидуализированных способов передачи научных знаний, об идиостиле как параметре языковой личности, об авторских коммуникативных стратегиях как средстве реализации индивидуального речевого поведения.

2. В результате аналитического обзора работ по теории дискурса было выявлено, что дискурс, являющийся значимой частью коммуникации, включает обширный ряд лингвистических и экстралингвистических характеристик, обладает связью с конкретным текстом и жанром, что в совокупности определяет особенности отдельных его разновидностей. В вопросе соотношения понятий дискурса и текста преобладающей является точка зрения, согласно которой текст выступает в качестве коммуникативного продукта – результата речевой деятельности, зафиксированного в пространстве определенного дискурса.

3. Исследование показало, что основанием для разграничения научного и научно-популярного дискурса служат цели и интенции субъекта коммуникации (обмен знаниями, научными результатами или популяризация научных знаний), адресованность (профессионалу или неспециалисту), способ взаимодействия с адресатом (соблюдение статусного равноправия, подчинение установленным нормам научного общения или стремление заинтересовать информацией, сделать ее более доступной).

4. Установлено, что важным признаком разновидности дискурса является стиль речи, отвечающий прагматическим требованиям при решении коммуникативных задач. Большинство лингвистов научно-популярный стиль рассматривается как разновидность научного стиля, что подтверждается такими общими чертами как использование общенаучной лексики и терминологических единиц. Специфика стилей проявляется в

выборе языковых средств, отличающихся степенью клишированности и обобщенности значения. Выявлено жанровое разнообразие научных и научно-популярных текстов, подчиняющееся таким закономерностям как реализация отдельного жанра разными стилями и употребление одного и того же стиля в разных жанрах.

5. Ученый как субъект коммуникации существует в тесной связи со всеми условиями научной коммуникации, поэтому его характеристики связаны с компетенциями и навыками, направленными на интерпретацию научных идей, выражение индивидуального оценочного отношения к научному знанию, трансляцию информации адресату, а также с владением основами стиля в соответствии с принятыми нормами и традициями научной коммуникации.

6. Идиостиль, или авторский стиль, предстает как индивидуализированный комплекс языковых средств, направленных на формирование представлений о концептуальном мире ученого, и составляет часть характеристики его языковой личности. Языковая личность предстает как субъект коммуникации, который передает свою идентичность посредством индивидуального языкового оформления речи. Важное значение для характеристики языковой личности ученого приобретают владение стилем и языковыми средствами формирования научной речи, а также навыками формирования научного текста в письменной или устной форме.

7. Выразить свою индивидуальность посредством речевого поведения позволяют коммуникативные стратегии и тактики, допустимые к применению в конкретном дискурсе. Обзор теоретических работ позволил выделить основные стратегии научного и научно-популярного дискурса, а их сравнение указывает на то, что сходные, на первый взгляд, стратегии по-разному реализуются в зависимости от авторских целевых установок и интенций. Специфическим инструментом реализации стратегий выступают коммуникативные тактики, которые предполагают использование разных приемов, соответствующих конкретным коммуникативным задачам.

8. Лингвистический уровень формирования индивидуальной манеры изложения материала ученым отражает функционально-стилистические особенности. Проведенный анализ дает основание заключить, что идиостиль характеризуется наличием разноуровневых языковых средств, выделяющих работы автора среди других. Широкое употребление получили способы проявления авторизации, личностной позиции, авторского присутствия и диалогичности, которая доминирует в научно-популярном дискурсе.

ГЛАВА 2. СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ УЧЕНОГО В НАУЧНОМ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Методика анализа идиостиля ученого в научном и научно-популярном дискурсе

Постановка проблемы и изложенные теоретические положения определили методику исследования. Исследовательская процедура базируется на комплексном подходе к изучению идиостилевых проявлений языковой личности ученого, заключающемся в анализе речевых и коммуникативных особенностей, что предполагает выявление языковых способов реализации стратегий и тактик в его дискурсивной деятельности.

Для того, чтобы судить об индивидуально-авторских различиях и приоритетах, необходимо единое основание [Мухин 2015: 106]. В настоящем исследовании в качестве параметров проявления идиостиля выбраны: жанр текста (глава монографии, статья, лекция, интервью), стиль (научный, научно-популярный), стратегическая организация дискурса. Все аспекты взаимосвязаны и определяют языковую специфику идиостиля автора.

Методика исследования включает последовательность нескольких этапов. На дотекстовом уровне была осуществлена выборка научных текстов, имеющих формат статьи или главы монографии, и разножанровых текстов, доминирующих в научно-популярном дискурсе ученого. Выбор необъемных текстов позволяет выполнить более точное описание коммуникативно-прагматических установок автора в сравниваемых дискурсах.

На этапе текстового анализа использовались приемы выявления и систематизации коммуникативных стратегий и тактик, присущих ученому. При формулировке стратегий, тактик и приемов учитывались результаты анализа обозначений и характеристик авторских коммуникативных стратегий, представленного в разделе 1.2.4. Были выделены следующие

стратегии для исследования научного и научно-популярного дискурса: композиционная, информирования, аргументации, обеспечения достоверности, обеспечения доступности, самопрезентации, взаимодействия с адресатом. Изучение авторской индивидуальности осуществлялось на основе выявления способов языковой реализации коммуникативных стратегий, поскольку именно в процессе коммуникации проявляется речевая культура языковой личности [Болотнов 2013: 177].

Семантико-стилистический и контекстуальный анализ позволили выявить и систематизировать разноуровневые языковые средства, позволяющие зафиксировать разноплановые свойства личности ученого как субъекта научной коммуникации. Для раскрытия особенностей проявления идиостиля автора в сопоставляемых дискурсах был использован прием сравнения.

На итоговом этапе исследования были проведены количественные подсчеты употреблений языковых средств, репрезентирующих выявленные в результате текстового анализа тактики и приемы реализации рассматриваемых коммуникативных стратегий в научном и научно-популярном дискурсе. Сопоставления показателей указывают на активность их применения и дают основания для выводов об авторских приоритетах в выборе речевого и коммуникативного поведения в зависимости от типа дискурса.

2.2. Проявление языковой индивидуальности ученого в реализации коммуникативных стратегий и тактик научного и научно-популярного дискурса

Целью раздела является выявление идиостилевых средств с учетом стратегической организации текстов одного автора в рамках научного и научно-популярного дискурса. Сравнительный анализ текстов научного и научно-популярного дискурса показывает, что наиболее существенным

фактором различий между ними выступает адресат, на которого направлено коммуникативное воздействие. Прежде всего, при выборе стратегий и языковых средств для репрезентации определенного дискурса [Костяшина 2008: 8] принимается во внимание степень его осведомленности в отношении рассматриваемой темы или проблемы. Предпринятый анализ позволил провести сравнение способов языковой реализации коммуникативных стратегий в научном и научно-популярном дискурсе благодаря участию ученых не только в научной деятельности, но и в распространении научных достижений в публикациях, предназначенных для широкой аудитории.

Материалом исследования послужили тексты научных статей и научно-популярных публикаций отечественных ученых – Татьяны Владимировны Черниговской, доктора биологических и филологических наук, член-корреспондента Российской академии образования, автора научных трудов в области когнитивных наук – психолингвистики, нейропсихологии и нейрофизиологии, а также цикла публичных лекций о деятельности мозга, Бурлак Светланы Анатольевны, доктора филологических наук, автора работ по компаративистике и происхождению человеческого языка, и статьи авторитетного канадского ученого и популяризатора науки Стивена Пинкера, доктора психологических наук, профессора факультета психологии и когнитивных наук Гарвардского университета, изучающего язык и процессы познания.

2.2.1. Сравнительный анализ проявления идиостиля в научных и научно-популярных текстах Т.В. Черниговской

Материалом исследования проявления идиостиля Черниговской Татьяны Владимировны послужили тексты научных статей автора разного временного периода [Черниговская 2005; Черниговская 2007; Черниговская 2008а; Черниговская 2009; Черниговская 2014а; Черниговская 2014б; Черниговская 2016], а также научно-популярные публикации, включающие

текст научно-популярной статьи [Черниговская 2013], публичные лекции [Черниговская 2001; Черниговская 2008б; Черниговская 2015] и интервью [Черниговская 2010; Черниговская 2020; Черниговская 2022].

Анализируемые работы характеризуются ярко выраженным проявлением авторского идиостиля, уникальные черты которого отражаются как в текстах научного, так и научно-популярного дискурса. Тексты Т.В. Черниговской отличаются наличием большого количества языковых единиц, привлекающих внимание читателя и выделяющих исследуемые авторские труды из целого ряда научных произведений, созданных преимущественно в рамках принятой в научном сообществе манере изложения.

Рассматривая наиболее значимые для сравнительного анализа примеры проявления авторского идиостиля, необходимо обратиться к анализу способов языковой реализации применяемых автором коммуникативных стратегий и тактик. Так, в первую очередь, внимание на себя обращает композиционная стратегия. В анализируемых работах наравне с базовым текстом значительный интерес представляют некоторые элементы предтекстового пространства. Одним из таких элементов выступает заголовок, который, по мнению О.Ю. Богдановой, является семантически зависимой основой текста и может выполнять не только именующую функцию, но и содержательную и аттрактивную [Богданова 2007: 117]. Обратимся к примерам.

Заголовок опубликованного на Интернет-портале текста научно-популярной статьи Т.В. Черниговской выделяется использованием такого пунктуационного знака, как многоточие [Черниговская 2013]:

Это не я — это мой мозг... Опасные времена для человеческого в человеке

Данный пример демонстрирует применение тактики актуализации многозначности, так как многоточие относится к категории эмотивных знаков препинания и в данном случае выполняет функцию семантической незавершенности высказывания, обозначая недоговоренность [Покотыло

20176: 127]. Использование данного знака рассчитано на эмоциональное воздействие на читателя и реализуется посредством тактики привлечения и удержания внимания. Кроме того, Т.В. Черниговская использует прием кольцевой локализации самоподобных стилистических приемов, не только начиная, но заканчивая текст статьи многоточием:

В общем, будущее обещает быть нескучным...

Стилистическое сближение начала и окончания статьи способствует побуждению к интерпретации определенных имплицитных смыслов, а также декодированию наиболее значимой содержательно-концептуальной информации, особо отмеченной автором в начале и в конце текста.

Внимания также заслуживает и заголовок текста интервью, который отличается наличием средств лексической образности:

К мозгу надо относиться с уважением, он умнее нас.

В приведенном заголовке наблюдается использование одного из средств художественной выразительности – олицетворения. Автор приписывает мозгу признаки одушевленного предмета, порождая у слушателя или читателя яркий наглядный образ мозга как автономного и независимого от самого человека явления.

Анализируя заголовки текстов трех разных жанров научно-популярного дискурса, отметим, что часть названий выполняет лишь именующую функцию, кратко сообщая информацию реципиенту об основной теме работы: *Свобода воли и нейроэтика; Homo semioticus – человек, порождающий смыслы; Язык и сознание. Что делает нас людьми; В поисках «грамматического» гена*. Заголовок *Психо- и нейролингвистика* по своему лексическому оформлению приближен к заголовку лекции в рамках научного дискурса, где основной функцией наименования выступает информативная, характеризующаяся низкой степенью аттрактивности и экспрессивности [Филоненко 2008: 291].

Заголовки текстов научного дискурса также привлекают внимание своей неординарностью. Выступая первичным коммуникативно значимым

элементом структурной организации текста, заголовок научного текста несет в себе основную идею работы и направляет внимание читателя. Согласно общепринятым требованиям к заглавию научных статей, заголовок должен быть кратким, информативным и содержать ключевые слова, передающие основной смысл исследования. Однако, обращаясь к заглавиям научных статей Т.В. Черниговской, можно отметить, что ученый отходит от традиционных принципов наименования статей в рамках научного дискурса: *«До опыта приобрели черты» ... Мозг человека и породивший его язык; ... пирожное его окликнуло: семиотика запахов и память, Nature vs. Nurture в усвоении языка; Неотвратимое настоящее; Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? (взгляд лингвиста и биолога).*

Первые два заголовка представляют собой пример необычной для научного дискурса реализации композиционной стратегии посредством тактики цитирования. Первый заголовок несет в себе две отдельные законченные мысли, где одна является цитатой из произведения известного отечественного поэта и прозаика О.Э. Мандельштама. Наличие примеров цитирования в научных текстах вполне закономерно и является неотъемлемым элементом аргументации и поддержания доказательной стратегии автора. Однако данный пример демонстрирует обращение ученого к тексту художественного дискурса, что несвойственно научному стилю. Цитата здесь является проявлением творческой индивидуальности ученого, она придает тексту яркое своеобразие, привлекая внимание научного сообщества своей оригинальностью. Приведенную цитату дополняет такой пунктуационный знак, как многоточие, который, как уже отмечалось ранее, является маркером актуализации многозначности, указывающей на недоговоренность и незавершенность высказывания. Данная цитата в заголовке несет в себе скрытый смысл, заложенный ученым, раскрыть который удастся лишь после прочтения всего текста. Вторая часть заголовка (*Мозг человека и породивший его язык*) также является примером отступления от строгого формально-логического стиля репрезентации

научной информации. Следует отметить, что метафора в тексте научного дискурса предоставляет возможность рассмотреть абстрактное понятие более формализовано и, как отмечают некоторые ученые, не является фактором, препятствующим формированию научного знания, а наоборот может выступать смыслообразующим центром, способствующим раскрытию семантического потенциала высказывания. Второй заголовок тоже имеет две части, из которых первая является цитатой, причем необычной и интригующей – ... *пирожное его окликнуло*, а другая называет тему статьи, указывая на то, что в ней речь пойдет о семиотике запахов и связанных с ними свойствах памяти.

Следующий заголовок (*Nature vs. Nurture в усвоении языка*) демонстрирует реализацию стратегии установления и поддержания контакта с реципиентом посредством использования сразу нескольких тактик. Использование иноязычной лексики является коммуникативной тактикой актуализации фоновых знаний. В данном случае предполагается, что адресат владеет английским языком. Кроме того, англоязычное словосочетание представляет собой игру слов с противопоставлением паронимов, что указывает на применение тактики привлечения внимания. Слова *Nature* (природа) и *Nurture* (воспитание) имеют схожее написание и произношение, но различное лексическое значение, что в данном случае представляет собой такую стилистическую фигуру как паронимазия. Авторы текстов часто прибегают к использованию данного стилистического приема для создания заголовков. Однако паронимазия, помогая создавать яркие и каламбурные заголовки, характерна исключительно для публицистики и несвойственна текстам научного дискурса [Сковородников 2011: 214-215]. Данный пример также подтверждает современную тенденцию среди авторитетных ученых, отмеченную многими лингвистами, к преодолению налагаемых научным сообществом языковых ограничений и рамок в процессе научной коммуникации [Мамаева 2011: 7]. Т.В. Черниговская, стремясь вызвать интерес к статье, использует один из приемов, который способствует тому,

что внимание читателя фокусируется на необычном словосочетании, вызывая интерес и желание продолжить дальнейшее ознакомление с текстом.

Заголовок *Неотвратимое настоящее* являет собой пример употребления такого риторического приема, как оксюморон, который представляет собой соединение несовместимых с логической точки зрения лексических единиц, воспроизводя новую сложную семантему. Использование данной стилистической фигуры так же, как и в предыдущем примере, является языковым средством реализации стратегии установления и удержания контакта посредством тактики привлечения внимания. Оксюморон придает заголовку эмоциональную окрашенность, благодаря которой облегчается восприятие фактической части содержания статьи. Наконец, заголовок в форме вопроса (*Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила?*) позволяет кратко и одновременно интригуяюще раскрыть основную тему статьи [Рянская, Алексеева 2020: 34].

Сравнивая заголовки текстов научного и научно-популярного дискурса, можно отметить, что, несмотря на различность требований к оформлению научных и научно-популярных текстов, ученый использует одинаковые коммуникативные стратегии и тактики, выбирая схожие способы их реализации. Так, автор неоднократно обращается к тактике актуализации многозначности, привлечения и удержания внимания, а также к риторическим приемам. Реализация перечисленных тактик и приемов осуществляется посредством использования целого ряда различных средств выразительности, а также стилистических приемов и фигур, присущих художественным произведениям. Указанные сходства между заглавиями текстов научного и научно-популярного дискурса являются идиостилевыми доминантами ученого, так как наблюдаются схожие формы реализации одних и тех же коммуникативных стратегий в текстах, относящихся не только к разным типам дискурса, но и к различным жанрам.

Продолжая анализ предтекстового пространства рассматриваемых работ, следует отметить, что заметной чертой идиостиля Т.В. Черниговской

является использование эпиграфа, который выступает одним из способов установления взаимосвязи автора с читателем, отображая общий авторский замысел произведения.

Эпиграф, выступая рамочным компонентом композиционного оформления, характеризуется своей интертекстуальностью так как представляет собой цитату из другого произведения. Вступая во взаимодействие с текстом, эпиграф синтезирует внутри себя определенные культурные знаки и способствует переводу логического содержания статьи на художественный язык, а также указывает на необходимость восприятия контекста того произведения, из которого извлечен [Напцок 2016: 116]. Применение этого вспомогательного средства обусловлено стремлением автора донести до адресата основную концепцию нижеизложенного материала посредством реализации приема метадискурсивного комментирования [Сухая 2012: 2], который представляет собой взаимодействие различных семиотических систем в рамках одного текста, где приведенная цитата функционирует в качестве смыслопорождающей системы [Кожанов 2013: 5]. Примером может служить эпиграф к тексту научно-популярной статьи ученого «Это не я – это мой мозг... Опасные времена для человеческого в человеке», который состоит из двух частей – фрагмента произведения Н.В. Гоголя и стихотворения Эдварда Лира на английском языке [Черниговская 2013]. Чтобы понять назначение эпиграфа к данному конкретному тексту, необходимо соотнести его с заголовком и ознакомиться с содержанием статьи. В частности, первая часть эпиграфа подготавливает читателя к восприятию вопросов, рассматриваемых в статье, где речь идет о степени зависимости личности и ее поступков от физиологических или других особенностей человека:

А у меня глаза разве не темные?.. Самые темные... Как же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму. Н.В. Гоголь, «Ревизор».

Эпиграф к тексту научной статьи не является одним из ее компонентов, входящих в перечень обязательных или рекомендуемых правилами

оформления. Композиционная стратегия научной статьи обусловлена наличием ряда установленных когнитивных концепций формирования научного знания, а также типичным для нее форматом представления информации в виде «проблема-решение» [Хомутова 2015: 19]. Использование эпитафия свидетельствует о стремлении автора передать скрытую идею текста. В частности, таковой представляется задача эпитафия к научной статье «Неотвратимое настоящее» [Черниговская 2005]: *Quodcunque ostendis mihi sic, incredulus odi. Horatius (Я не поверю тебе, и мне зрелище будет противно. Гораций)*. С помощью приведенной цитаты ученый указывает на полемический характер статьи, посвященной проблеме выработки нового, современного подхода к междисциплинарности наук.

Анализ научных публикаций Т.В. Черниговской показал, что частое использование в качестве предтекстового элемента эпитафия является характерной чертой идиостиля автора. При этом эпитафия может содержать не одну, а две или три цитаты и не только на русском языке, но и на латинском или английском языках, с переводом или без перевода. В качестве иллюстрации приведем еще один пример из научной статьи «... пирожное его окликнуло: семиотика запахов и память» [Черниговская 2014б]:

Час этот был не час, а запечатанная ваза, содержащая запахи, звуки, климаты. М. Пруст

Мысль держится, пока мы не забываем ее держать. А. Пятигорский

The brilliant smell of water,

The brave smell of a stone,

The smell of dew and thunder...

G. K. Chesterton

Следующей стратегией, характеризующей идиостиль ученого, является информирование. Особенность реализации ученым данной стратегии в научном и научно-популярном дискурсе заключается в использовании тактики актуализации фоновых знаний, ссылок на результаты экспериментальных данных и на теоретические источники, а также вставных

(текстосмысловых) элементов. Наблюдается активное употребление автором вставок в скобках, прежде всего, в текстах научных статей [Черниговская 2014а; Черниговская 2009; Черниговская 2005]:

<...> язык приобретается с опытом, формируясь его характеристиками (*пресловутая tabula rasa при рождении*).

С другой стороны, только принципы (*в терминах генеративизма*) принадлежат к нисходящему типу вычислений <...>.

Прибегая к использованию вставных конструкций, автор стремится выделить значимые информационные компоненты текста, поясняя основное содержание предложения. Употребление вставных конструкций в текстах научного дискурса способствует передаче не только основной, но и метатекстовой информации [Ковалев, Коровина 2010: 21]. Кроме того, данные конструкции рассматриваются как один из способов проявления в тексте авторского «я» и могут также выступать средством реализации коммуникативной стратегии самопрезентации, так как несут в себе отдельные авторские замечания относительно представленной в предложениях информации. Вставная конструкция выражает субъективную модальность и является синтаксической фигурой расчленения текста, способствуя интимизации повествования, так как имитирует спонтанность выражения авторской мысли и отображает ход мышления адресата [Марьина 2009: 1].

Использование в научном дискурсе акцентно-утвердительных вводных слов позволяет ученому акцентировать внимание на высказывании (*итак, с другой стороны*) и примерах (*например, кстати*). В научно-популярном дискурсе заметно проявление личностных свойств ученого. Вводные элементы, используемые в публичных лекциях и интервью, оптимизируют общение с аудиторией, придают беседе большую достоверность, увеличивают эмоциональность речи [Пантелеева 2005: 224-225]: *кстати, скажем, увы, скорее всего, как известно, надо сказать* и др.

Ранее отмечалось, что ряд ученых объединяют стратегию информирования со стратегией аргументации, что позволяет говорить о синтезе нескольких тактик. Согласно мнению Т.Н. Хомутовой, в рамках научного дискурса информирование тесно переплетается с тактикой апелляции к оценке, так как репрезентация новых знаний невозможна без опоры и анализа ранее полученной информации, а также без оценки старого знания и намерения автора убедить адресата в верности своей позиции [Хомутова 2015: 20]. Так, в анализируемых научных статьях нередки употребления вводных слов и конструкций, содержащих лексические единицы с семой «знание» [Черниговская 2009; Черниговская 2014а]:

Общеизвестно, что общая масса мозга менее важна, чем его внутренняя организация и богатство связей <...>.

Известно, что многие творческие люди обладали такими способностями и активно ими пользовались <...>.

Безусловно, ведущей стратегией научного дискурса является коммуникативная стратегия аргументации, которая может быть реализована посредством ряда различных тактик. Обращение к такой коммуникативной тактике как «апелляция к оценке» способствует достижению эффекта убеждения. Авторская оценка является самым действенным средством оказания воздействия на адресата, так как относится к одному из естественно-языковых способов аргументации и несет в себе определенный рекомендательный заряд [Копыл 2013: 15]. Оценка, согласно И.П. Хутыз и Ю.А. Петренко, соотносится с близкими ей категориями модальности, экспрессивности, эмоциональности и может иметь рациональную (интеллектуальную) и эмоциональную природу [Хутыз, Петренко 2021: 122]. В анализируемых статьях присутствует ряд примеров, где оценка реализуется как модальность мнения, выражая при помощи акцентно-утвердительных вводных слов уверенность ученого и окончательность его доводов [Черниговская 2009; Черниговская 2005; Черниговская 2014а]:

Хотела бы сразу же отметить, что эта дискуссия не кажется мне еще одним проявлением обычного для наших столиц ревнивого трехсотлетнего противоборства <...>.

Еще одной особенностью научных работ Т.В. Черниговской является выражение авторских эмоций и чувств, тесно связанных с тактикой оценочности [Черниговская 2005; Черниговская 2008а; Черниговская 2009]:

И теперь, читая лекции в университете или планируя новые эксперименты, я уже не могу не учитывать всю целостность этой пестрой, но захватывающей картины.

Не менее обескураживающими выглядят обнаруживающиеся в языке «говорящих обезьян» свойства человеческого языка <...>.

Эмоциональный план научного познания, по мнению Н.В. Данилевской, играет важную роль в процессе смыслоформирования научного текста, так как единство интеллектуального и эмоционального способствует формированию познавательного процесса [Данилевская 2013: 39]. В анализируемых статьях средства выражения эмотивной оценки характеризуются различностью степени экспрессии. Ряд примеров включает в себя применение ученым дополнительных средств интенсификации характеристик объекта речи посредством использования таких лексических единиц как *очень, абсолютно, совершенно, крайне*, а также прилагательных в сравнительной и превосходной степени (*простейший, важнейший, лучший, более сильный*).

Познавательная оценка, проявляя себя в виде эмотивной оценки, выражает личное мнение автора, а также его отношение к знанию. Именно потому, что новое знание создается на основе предыдущего, оценочность в текстах научного дискурса также проявляется в отношении к другим ученым, что наблюдается в анализируемых статьях [Чернявская 2022: 48; Черниговская 2014а]:

В 1623 году родился Блез Паскаль – не только великий мыслитель, но и человек, сконструировавший первый механический калькулятор <...>.

Как удачно определено у Чернавского с соавторами <...>.

Научная коммуникация характеризуется опорой на рациональность, поэтому познавательная оценка часто связана с доказательным поиском автора и помогает ученому определить описываемый компонент знания [Черниговская 2005]:

<...> скорее это смелая попытка ориентировки в пространстве и времени современной экспериментальной науки вообще, методологический кризис которой налицо.

Одной из часто используемых тактик выступает тактика апелляции к авторитетному мнению, которая способствует приданию большей убедительности авторской точке зрения, о чем свидетельствует пример из научной статьи Т.В. Черниговской «Неотвратимое настоящее» [Черниговская, 2005; Черниговская 2009; Черниговская 2014а]:

Статья В.М. Аллахвердова «Блеск и нищета эмпирической психологии» ярко и своевременно положила начало дискуссии о методологическом манифесте петербургских психологов.

Цитирование работ авторитетных ученых является самым частым приемом, к которому обращаются авторы, применяя тактику апелляции к авторитетному мнению. Основной целью использования прямых или косвенных цитат в текстах научных статей является не только стремление к отображению кумулятивного характера научного знания, но и намерение автора укрепить собственные исследовательские позиции посредством привлечения дополнительных авторитетных ресурсов [Покотыло 2017а: 170]. Анализ научных публикаций Т.В. Черниговской свидетельствует о небольшом количестве прямых цитирований и о чрезвычайной их уместности в текстах, так, например [Черниговская 2008а]:

В этой связи стоит вспомнить Б. Поршинева: «Становление человека — это нарастание человеческого в обезьяньем» [Поршнев 2007: 43], в том числе и нарастание способности к категориальному описанию мира (ср. [Fodor 2001; Gardenfors 2003]).

Тактика апелляции к авторитетному мнению в тестах научных статей Т.В. Черниговской также представлена примерами самоцитирования и самоупоминания [Черниговская 2009]:

С этим связана и дискуссия о способности строить модель сознания «другого» [Сергиенко 2006; Черниговская 2008a,b].

Самоупоминание, используемое в соответствии с правилами цитирования, относится к одному из стандартных академических инструментов и применяется для отсылки читателя к научным трудам, которые могут предоставить более развернутую информацию о приведенных в статье положениях [Нестеров 2017: 734]. Авторское самоцитирование и самоупоминание также используется учеными с целью продвижения своих научных трудов и получения максимального научного признания [Егерев 2019: 159]. В рамках анализируемых статей ученый стремится привлечь внимание научного сообщества к ранее проделанной работе. Опираясь на предшествующие результаты, Т.В. Черниговская посредством предоставления ссылок на свои работы выражает свое субъективное отношение к приведенному в статье вопросу и выступает распространителем результатов своих работ. Данный прием может также выступать фактором репрезентации стратегии популяризации, которая свойственна текстам научно-популярного дискурса. Такой пример находим в научно-популярной статье ученого «Это не я – это мой мозг... Опасные времена для человеческого в человеке», где автор ссылается на свою работу в рассуждениях о парадоксе «мозг находится в мире, а мир находится в мозгу» [Черниговская 2013]. В интервью Интерфаксу, отвечая на вопрос «Какой научной темой вы сейчас занимаетесь?» Т.В. Черниговская отвечает: *Я пишу очень сложную статью под рабочим названием «Мозг как барокко»* [Черниговская 2020].

Несмотря на специфические характеристики научного и научно-популярного дискурса, в них наблюдается проявление аналогичных коммуникативных стратегий и тактик. Изначально присущая текстам

научного стиля, стратегия аргументации присутствует и в научно-популярной литературе, способствуя уточнению или развитию гипотез, а также проявлению мнения ученого [Покотыло 2017а: 172].

В научно-популярных публикациях Т.В. Черниговской средства реализации тактики апелляции к авторитетному источнику варьируются в зависимости от жанра текста. Существенное количество цитат и ссылок содержится в научно-популярной статье [Черниговская 2013]:

В этой связи нужно вспомнить Александра Пятигорского и Мераба Мамардашвили [...], а также Владимира Зинченко [...], которые прямо говорили, что бытие и сознание представляют собой континуум и что мышление и существование совпадают.

Тексты публичной лекции и интервью ученого практически не содержат прямого цитирования, но ссылки на информационные источники или автора имеются [Черниговская 2008б; Черниговская 2010]:

Можно вспомнить Пенроуза, замечательного ученого, он писал, что осознание и понимание – основа человеческого интеллекта.

В 1996 году в журнале «Cognitive Brain Research» была опубликована статья «Премоторная кора и узнавание моторных действий».

Следует отметить такую особенность стиля ученого как предпочтение указывать имя и фамилию или только фамилии авторов, к чьим работам она апеллирует в ходе своего повествования. Такой прием способствует снижению степени официальности коммуникативного пространства, придавая речи нейтрально-обиходную окраску. В некоторых публикациях, в частности, в интервью прием ссылки на авторитетный источник отсутствует. По мнению О.А. Жумаевой, целью диалога субъектов речевого взаимодействия выступает знакомство адресата с позицией и личным мнением адресанта, т.е. одним из главных признаков интервью выступает характеристика интервьюируемого, который является нередко общественно значимой личностью [Жумаева 2014: 15].

Кроме тактики апелляции к авторитетному мнению стратегия аргументации может быть представлена в виде лексических приемов обозначения значимости вынесенной на обсуждение проблемы, что связано со стремлением автора убедить адресата в необходимости рассмотрения выбранной темы [Пискунова 2012: 72]. Для научных публикаций характерно использование клишированных оборотов, которые реализуют функцию воздействия на слушателя или читателя, характеризуясь своей относительной устойчивостью, привычностью, прежде всего, для подготовленного адресата [Ведякова 2018: 42]. Композиционная стабильность научных жанров на лексическом уровне обусловлена коллективным творчеством, а также многолетним опытом представителей научного сообщества, который помогает исследователям в привычной для подготовленного адресата форме описывать те или иные этапы научного исследования при помощи клише [Там же]. В научных публикациях Т.В. Черниговской этот прием не является доминирующим, но присутствует как средство аргументации. В качестве примера приведем фрагмент из научной статьи «Nature vs. Nurture в усвоении языка» [Черниговская 2009]:

Это свидетельствует о том, что функции в мозгу локализованы лишь отчасти, что мозг – сложнейшая из всех мыслимых система с огромными компенсаторными возможностями.

В научно-популярных публикациях описываемый прием также может сохраняться. Приведенные ниже примеры из текста лекции ученого «Язык и сознание. Что делает нас людьми» [Черниговская 2008б] демонстрируют способы аргументативного воздействия на аудиторию посредством клишированных речевых оборотов:

Интерес к ним в последние десятилетия продолжает расти как в отечественной, так и в международной науке.

Есть данные, из которых следует, что нейронная сеть обладает собственной свободой воли.

Стратегия обеспечения достоверности является ключевым элементом формирования текстов научного дискурса на прагматическом уровне. В анализируемых текстах данная стратегия реализуется также посредством тактики убеждения. Ученый использует акцентно-утвердительные вводные слова и конструкции (*понятно, что; очевидно, что; ясно, что* и др.), транслирующие адресату категорическую уверенность ученого относительно приведенной в статье информации. Стратегия обеспечения достоверности в публикациях Т.В. Черниговской реализуется также посредством ссылок на источники данных и фактический материал (*известны многочисленные свидетельства; нейрофизиологическими методами установлено; обследования взрослых здоровых людей показали* и т.п.).

Такие примеры многочисленны в научных статьях автора. В научно-популярных публикациях ученого эта тенденция сохраняется, в них автор часто приводит данные экспериментальных исследований. В лекции «Свобода воли и нейроэтика» [Черниговская 2015] Т.В. Черниговская ссылается на серию крупных открытий XX века, имеющих важное значение для науки, например, открытие зеркальных нейронов итальянским нейробиологом Джакомо Риццолатти:

Зеркальные нейроны – это такие системы в мозгу, которые включаются не тогда, когда вы сами что-то делаете, а когда вы наблюдаете за тем, что делают другие. Они считаются основой возникновения человеческого языка и коммуникаций, потому что это основа имитации.

Приведенный отрывок иллюстрирует также проявление одной из главных тактик реализации стратегии обеспечения доступности – тактики объяснения. В научных публикациях пояснения к теоретическим положениям или описываемым явлениям могут содержать примеры. Так, в статье ««До опыта приобрели черты...» Мозг человека и породивший его язык» [Черниговская 2014а: 50] ученый поясняет на примере сложность поставленной проблемы:

В случае с дешифровкой мозговых кодов, как это формулирует Дубровский, ситуация пока неоптимистична <...>. К примеру, натрийкалиевый баланс необходим животным клеткам для поддержания осморегуляции, для транспорта некоторых веществ, например, сахаров и аминокислот.

При этом автор может обращаться к адресату, своего рода призывая обратиться к примерам из их собственных знаний или ощущений [Черниговская 2014а: 90-91]:

У каждого из нас в памяти есть вехи, чтобы не затеряться в своем ментальном пространстве, – вроде пирожных «Мадлен», которые Пруст виртуозно использует в романе «В поисках утраченного времени»: <...> их вкусом закодировано для него детство <...>.

Используются также пояснения на языковых примерах [Черниговская 2008а: 301]:

<...> компоненты моторных актов выстраиваются последовательно, но нельзя представить себе включенность их в себя самих, подобно тому, что мы делаем в синтаксисе: Маша удивилась, что Петя не знает, что Нина лгала Саше.

Специальная терминология является неотъемлемой частью научных публикаций. Использование специальной терминологии предоставляет возможность ученому излагать информацию в лаконичном, строгом и официальном формате согласно правилам научного дискурса. Кроме того, выбранная автором терминология указывает на научные интересы автора и высокий уровень компетентности в рамках изучаемого вопроса [Нужнова и др. 2019: 60], является продуктивным источником для реконструкции существенных признаков языковой личности ученого [Седых, Бузинова 2022: 1252].

В трудах ученых наблюдаются тенденции к использованию терминов без каких-либо комментариев или с пояснениями к ним. В работах Т.В. Черниговской отмечаются оба подхода. Так, например, в статье «Язык, мозг

и компьютерная метафора» [Черниговская 2007] к термину *энграммы памяти* нет пояснения, поскольку статья рассчитана на специалиста, кроме того, термин трактуется однозначно:

О распределённости функций в мозге говорят и энграммы памяти: один и тот же когнитивный объект оказывается компонентом сразу нескольких ассоциативных множеств – и по оси сенсорных модальностей, и по осям разного рода парадигматических и синтагматических связей.

Заметной особенностью является использование автором терминов на иностранном языке, так, например, *Williams-синдром*, *Sturge-Weber-синдром*, *Savant-синдромом* и т.д. [Черниговская 2009: 207]:

Подобные примеры иногда встречаются и в научно-популярных публикациях. В таких случаях автор, несомненно, рассчитывает на фоновые знания адресата. В научной статье «... пирожное его окликнуло: семиотика запахов и память» [Черниговская 2014б] иноязычные фразы включены в названия разделов: *Quodcunque ostendis mihi sic, incredulous odi (Horat); Hyperosmia as Hypersemia; Nose, Brain, and Langage.*

Многозначность термина или существование различных его интерпретаций требует уточнения. В таком случае ученый дает пояснения: *референтивная (коммуникативная) функция* [Черниговская 2007].

Значимыми тактиками презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе являются объяснение и упрощение, поскольку адресат не всегда владеет достаточными фоновыми знаниями о транслируемой научной информации. Объяснения применяются, в частности, при трактовке термина путем использования общедоступной языковой формы или сравнений, а также образных средств [Воронцова 2013: 27-28]. В проанализированных текстах выявлены различные формы пояснений терминов – расшифровку, перевод (в случае с иноязычными терминами), либо использование примера [Черниговская 2020]:

<...> дефолтное состояние мозга. Дефолт здесь имеется в виду не в экономическом смысле, а когда мозг работает по инструкции «поступай так, если нет других указаний».

Представление научной информации в доступной форме достигается ученым при помощи примеров, в том числе, из личного опыта [Черниговская 2022]:

*На днях я включила телевизор, там шел фильм «Двухсотлетний человек». Он о роботе, который постепенно становился все более человекообразным. Поскольку он не спал, его оставляли на ночь в подвале и выключали свет. Тогда и я подумала: «Как же он там без света?». На самом деле ответ подводит нас к эмпатии и так называемой *theory of mind*, то есть способности ставить себя на место другого существа.*

Следует подчеркнуть такую особенность научно-популярных текстов Т.В. Черниговской как использование в интервью и публичных лекциях примеров объемного содержания, с привлечением экспериментальных данных и собственных эмоционально-оценочных или образных комментариев, что, несомненно, привлекает адресата и служит основой для своеобразия стиля ученого.

Идиостиль ученого проявляется не менее ярко в реализации стратегии самопрезентации. Необходимо отметить, что научная статья как отдельный жанр относится к формальному типу научного дискурса и предполагает оформление и репрезентацию нового знания при помощи «эмпирического репертуара средств», который предусматривает исключительно безличный формат изложения материала. Фигура автора, его идеи, субъективное мнение или отношение к объекту речи в рамках формального научного дискурса не должны выходить на первый план, а присутствовать в тексте в скрытой непрямой форме [Кубрак 2011: 99]. В текстах научных статей Т.В. Черниговской стратегия самопрезентации реализуется посредством применения нескольких тактик. Рассмотрим примеры, демонстрирующие использование тактики авторизации, которая преимущественно характерна

для научно-популярного дискурса и предполагает употребление местоимений первого лица [Черниговская 2005; Черниговская 2014а]:

Я во многом солидарна с позицией автора, так как недолюбиваю неленивых ученых.

Я вовсе не хотела бы быть понята как адепт отказа от научной парадигмы вообще.

Эксплицитное проявление авторского «я» в текстах научных статей помогает ученому открыто позиционировать себя как ведущего субъекта коммуникативной деятельности и акцентировать внимание адресата на авторской точке зрения. Частое использование авторизованных конструкций также указывает на стремление ученого дополнительно усилить свое обоснование и несет в себе отпечаток проявления авторского идиостиля.

В рамках научных статей традиционно принято использовать местоимение первого лица множественного числа «мы» для эгоидентичного обозначения автора – мы-авторское, мы-скромности [Сулейманова, Тивьяева 2022: 213]. Наряду с этим употреблением местоимение «мы» способно выражать взаимодействие с адресатом, т.е. оно характеризуется двойственностью референции, обладая инклюзивным и эксклюзивным прочтением. Инклюзивное «мы» «включает потенциального Другого в свое дискурсивное пространство <...>, «приглашает» академическое сообщество к диалогу», эксклюзивное «не дискурсивно и не диалогично по своей природе» [Сулейманова, Чернова 2020: 167].

Поскольку тексты научных статей рассчитаны на репрезентацию новой информации в рамках академического сообщества, сфера научной деятельности которого совпадает со сферой автора, ученый соотносит себя с определенным профессиональным сообществом. Используя тактику единения с адресатом, автор обращает внимание на общность интересов, ценностей, идей, целей, а иногда и определенных проблем, решение которых возможно найти лишь совместными усилиями.

Приведенный ниже пример из научной статьи Т.В. Черниговской [Черниговская 2009] демонстрирует употребление местоимения «мы» в значении совместного обозначения автора и читателя:

Чем больше мы узнаём о гемисферных механизмах обеспечения когнитивных процессов, тем менее очевидна их латерализация в левом полушарии.

Актуализация средств выражения авторского присутствия в научно-популярном дискурсе имеет свои особенности. В анализируемых текстах активно используется местоимение я, подчеркивающее выражение своей точки зрения или определенных позиций [Черниговская 2013]:

Я склонна считать, что показанное в нейрофизиологических экспериментах опережение мозгом сознания ставит под сомнение наличие свободы воли разве что у Minimal Self и никак не затрагивает Extended Self.

Местоимение я занимает значительное место в устном интервью Т.В. Черниговской, представленном в письменном виде. Ученый выражает тем самым свою точку зрения по дискуссионным вопросам или делится примерами из личного жизненного опыта: *я не соглашусь никогда; я не вижу другого пути; я бы все-таки настолько остро вопрос не ставила; я знакома с ним, читала его прекрасные книги* и т.д. [Черниговская 2001; Черниговская 2022]. В текстах лекций также применяется тактика апелляции к личному опыту: *я привожу студентам такой пример; я когда два года назад читала лекции, я произносила не то, что сейчас* [Черниговская 2008].

В научно-популярных текстах также используется местоимение мы, интерпретируемое как ‘научное сообщество, ученые’ с включением авторского присутствия [Черниговская 2010]:

Мы пока не понимаем, что вдруг позволило мозгу внезапно стать несравненно более эффективным <...>.

Применение рассмотренных коммуникативных тактик способствует эффективному достижению цели, которая заключается в контроле и регулировании информации о себе как об ученом, а также о данных,

приведенных в тексте. Использование коммуникативной стратегии самопрезентации может указывать на сознательное стремление ученого к управлению впечатлением адресата, а также намерение выстроить в сознании читателя то или иное представление не только о себе, но и об объекте речи.

Стратегия взаимодействия с адресатом осуществляется при помощи нескольких тактик – коммуникативного равенства, адресации, постановки вопроса, эмоционального воздействия. Тактика коммуникативного равенства проявляется в использовании *мы*, означающего ‘я и вы’, ‘мы с вами’. Как было отмечено ранее, в научных публикациях местоимение *мы* подразумевает сообщество ученых, т.е. взаимодействие автора и читателя-специалиста в области определенной научной сферы. Инклюзивное местоимение *мы* может также означать ‘мы, люди’, прежде всего, в контексте исследований развития человека и его языка: [Черниговская 2009]:

Ясно, конечно, что конструировать некоторую «объективную» картину мира могут и другие существа (иначе они не могли бы выжить), и в этом смысле – у нас и у них есть некая «грамматика мышления» <...>.

В большей степени в этом значении местоимение *мы* представлено в научно-популярных текстах, отражающих общение ученого с представителем издания в интервью или с аудиторией, которой предназначена публичная лекция или научно-популярная статья. Приведем примеры из перечисленных жанров [Черниговская 2022; Черниговская 2013]:

*<...> единственные ли **мы** существа на планете, которые имеют дело со знаками?*

*<...> **мы** не только осознающие, мы еще осознаем, что осознаем <...>.*

Характерной для научно-популярного дискурса является тактика адресации [Скорик 2009: 24], языковым средством выражения которой выступает, прежде всего, местоимение второго лица *вы* [Черниговская 2022]:

***Вы** попросту не сможете ни о чем договориться с носителями, например, китайского языка, если **вы** ничего не знаете о китайской культуре.*

Используемые ученым прямые обращения к адресату выполняют контактоустанавливающую функцию или привлечения внимания [Черниговская 2008; Черниговская 2010]:

Вернемся к вопросам, поставленным в начале <...>.

Давайте вспомним о механизмах памяти и обучения в процессе развития человека.

Одним из средств организации диалогового общения с адресатом является прием постановки вопроса. В научных статьях Т.В. Черниговская активно использует риторические вопросы, например [Черниговская 2009; Черниговская 2014a]:

Стоит ли по-прежнему быть в плену бинарного способа мышления с необходимостью выбирать между полярными взглядами: мутация или отбор? модулярность или нейронная сеть?

Риторический вопрос представляет собой вопросительное предложение, включающее эмоционально усиленное утверждение или отрицание. Авторское суждение уже заложено в самой конструкции, а вопросительная форма предложения обеспечивает экспрессивность данного стилистического приема. Его применение в тексте статьи дает возможность ученому создать иллюзию живого общения с читателем.

Наиболее широко в текстах научных статей представлены примеры использования медитативных вопросов, которые являются средством выражения размышления, а не запроса или репрезентации той или иной информации [Черниговская 2009]:

Предельно сложно организованный человеческий мозг – это зеркало для мира, или он сам формирует мир? Важен он миру или только самому индивидууму для обеспечения жизнеспособности? Зачем нам его повторять?

Медитативные вопросы выражают авторский поиск смысла, желание дойти до сути описываемых явлений. Ученый не дает ответы на поставленные вопросы, а демонстрирует мыслительный ход своих

рассуждений, освещая проблемы, решение которых еще только предстоит найти. Автор также применяет данный тип вопросов для формирования темы повествования, а иногда использует в качестве связующих элементов между информационными блоками статей.

В научно-популярном дискурсе преобладают риторические вопросы. По мнению О.А. Сулеймановой, конструкции с риторическим вопросом «маскируют» диалог, придавая динамизм повествованию и повышая иллюкативную силу высказывания путем привлечения адресата к активному «слушанию» и к попытке ответить на заданный вопрос [Сулейманова 2019: 107].

В научно-популярной статье Т.В. Черниговской [Черниговская 2022] риторические вопросы выступают в качестве приема вовлечения адресата в коммуникативный акт, являясь своего рода текстуальным «голосом» автора [Hyland 2011: 197]:

<...> что для человека важнее? Мир материальный, столы, стулья, бифштексы и машины, или мир ментальный, духовный, если вам больше нравится, тот, который не распадается на молекулы и атомы?

В интервью риторический вопрос выступает косвенной просьбой принять выраженную в нем идею в качестве отправной точки для дальнейшего рассуждения, способом приглашения адресата к совместному рассмотрению проблемы. Так, например, в следующем фрагменте из интервью ученого [Черниговская 2022]:

Поэтому, отвечая на ваш вопрос, я позволю себе задать свой: математика у людей такова, потому что у нас мозг такой, или математика в принципе – это совершенный язык Вселенной, а наш мозг оказался способен кое-что в ней понять?

Тактика использования риторических вопросов предполагает также совместное обсуждение, что выражается в использовании местоимений «вы» или «мы» в обращении к собеседнику или аудитории и создает, как уже отмечалось, эффект равенства позиций адресанта и адресата. Такие вопросы,

в частности, встречаются в тексте лекции «Язык и сознание. Что делает нас людьми» [Черниговская 2008б]:

А с чего мы взяли, что все, принадлежащие к нашему биологическому виду, этим обладают?

Вы догадываетесь, какого размера мозг у муравья или у тли?

Характерными для реализации стратегии взаимодействия с адресатом являются вопросно-ответные комплексы, которые придают тексту оттенок разговорности и облегчают восприятие информации адресатом, вовлекая его в коммуникацию. В научно-популярном дискурсе вопросно-ответные комплексы используются ученым наиболее активно [Черниговская 2008]:

То, что мы воспринимаем какие-то волны и частоты, – это факт. Но мы их воспринимаем, как звонкое, кислое или ароматное. Почему? Это субъективный опыт. Такого, похоже, нет у животных.

Данный стилистический прием также эмоционально окрашивает текст и направляет адресата к той или иной авторской иллюкативной цели. В научных публикациях Т.В. Черниговской такой коммуникативный прием свидетельствует о намерении ученого вслед за постановкой вопроса представить свой вариант ответа на него [Черниговская 2007]:

Может ли компьютер моделировать юмор? Скорее нет, чем да, но если и да, то что-то простое и потому не очень смешное или – перебором маловероятных вариантов – недекодируемое.

Следует отметить еще одну черту индивидуального стиля Т.В. Черниговской – частое использование автором риторического восклицания, выступающего в качестве реализации тактики эмоционального воздействия на адресата. В рамках научного дискурса восклицательные предложения рассматриваются скорее как авторское отклонение от нейтральной формы изложения информации и визуально выделяются из общей повествовательной канвы научных статей, привлекая внимание читателя. В анализируемых научных статьях риторические восклицания характеризуются тесным взаимодействием эмоционального и интеллектуального компонентов

содержания. Использование данного стилистического приема демонстрирует стремление автора выделить значимые в смысловом отношении фрагменты текста, а также заставить читателя переосмыслить ранее приведенную автором информацию [Черниговская 2014а]:

Понятно, что язык живого – физико-химический, но это не та информация, которая нам поможет справиться с вышеозначенными проблемами: ведь текст, написанный на этом языке, надо «перевести»!

В научно-популярном дискурсе данный прием представляет собой эмоционально окрашенное высказывание, транслирующее кульминационную точку накала авторских чувств [Черниговская 2015; Черниговская 2020]:

Но во сне происходит главная работа по упаковке, упорядочению мозга. Если это происходит без сознания, получается, что даже порядок в мозгу наводится без нашего участия!

И если бы мы знали, какой совет дать! Советов много, но их цена маленькая, потому что либо они теоретического плана, либо это банальные вещи.

Средством эмоционального воздействия на адресата служит словесная образность. Такой прием характерен для авторских стратегий Т.В. Черниговской и встречается в научных публикациях [Черниговская 2016]:

Другая сеть связана с воображением. Фигурально говоря, она ассоциирована с почти медитативным состоянием, когда по мозгу «гуляет» неуправляемая мысль (flow state). В этом состоянии зоны мозга, ответственные за концентрацию внимания, «отдыхают». Это чрезвычайно ценное состояние, именно в нем делаются открытия. Описано интересное состояние REST — random episodic silent thought — мысль, которая случайно на что-то набредает.

Широкое применение образных средств свойственно научно-популярному дискурсу [Черниговская 2008; Черниговская 2020]:

И ведь мозг ведет (с кем-то) диалог... А кто с кем говорит («не ходила бы ты туда»...)?

Если напирать на мозг, он откажется. Для популярности можно назвать это ленью. Лень – хорошая вещь. Если бы не тошно было коромыслом воду носить, то так бы и носили.

Среди авторских приемов образности ученого заметную роль выполняет ирония, способствующая осуществлению тактики эмоционализации [Черниговская 2008; Черниговская 2013]:

Было объявлено, что ген грамматики найден! Если он найден, то мы закрываем Нобелевский комитет, поскольку все нобелевские премии мы отдаем этому человеку.

И что? – А ничего. Пока не видно ни Паскалей, ни Леонардо, ни Шопенгауэров.

Проявлением идиостилия ученого является также использование в научно-популярном дискурсе прецедентных имен и высказываний (*страдания юного Вертера, тургеневские барышни, лишние люди, рахметовы и франкенштейны, шариковы и ганнибалы лектеры с молчащими ягнятами*), а также элементов разговорной речи (*Если же мы будем рассматривать их с точки зрения науки, то карты – на бочку. Нужны доказательства.*).

Наглядно данные о характере проявления идиостилия ученого в контексте реализации авторских стратегий представлены в виде таблицы (Таблица 2). Курсивом обозначены отличительные для соответствующего типа дискурса языковые средства.

Таблица 2. Характеристики идиостилия Т.В. Черниговской в контексте реализации авторских стратегий в научном и научно-популярном дискурсе.

Стратегии	Тактики и приемы	Научный дискурс	Научно-популярный дискурс
композиционная	прием композиционного построения текста	<i>обязательные компоненты текста как репрезентанта научного дискурса, оригинальный заголовок, эпиграф</i>	предтекст, вводящий в тему и проблему исследования: оригинальный заголовок, эпиграф

информи- рования	тактика информирования, тактика актуализации фоновых знаний, тактика объяснения	приведение научных данных и фактов, ссылки на результаты экспериментов, интертекстуальность, <i>подстрочные ссылки, цитирование, самоцитирование</i>	<i>гипотезы</i> и результаты экспериментов, ассоциации и аналогии, интертекстуальные отсылки, ссылки на источники, <i>обращение к прецедентным именам и высказываниям</i>
	прием вставных (текстосмысловых) элементов в скобках	дополнения, уточнения, ссылки, трактовки терминов, краткие примеры, переводы, <i>цитаты</i>	дополнения, уточнения, ссылки, трактовки терминов, краткие примеры, переводы
аргументации	тактика убеждения, тактика апелляции к оценке, тактика апелляции к авторитетному мнению, источнику	<i>вводные слова с семой «знание» и выражения уверенности, акцентно-утвердительные вводные слова, средства эмотивной и познавательной оценки, клишированные обороты, средства интенсификации, ссылки на авторитетные источники и результаты экспериментов, подстрочные ссылки, цитирование, самоцитирование</i>	акцентно-утвердительные вводные слова, оценочная лексика, эмоционально-оценочная лексика, средства эмотивной оценки, клишированные обороты, <i>ссылки на авторитетное лицо или источники, гипотезы и результаты экспериментов</i>
	прием вставных (текстосмысловых) элементов в скобках	<i>авторские замечания, выражение субъективного мнения, ссылки на авторитетное мнение или источники, эмоционально-оценочные элементы (редко), краткие примеры, цитаты</i>	выражение субъективного мнения, ссылки на авторитетное мнение или источники, <i>количественные данные, гипотезы, эмоционально-оценочные элементы, краткие примеры</i>
обеспечение достоверности	прием конкретизации сведений и источников	ссылки на источники данных, на фактический материал, экспериментальные данные, научные открытия	ссылки на источники данных, на фактический материал, экспериментальные данные, научные открытия
обеспечение доступности	тактика объяснения	пояснения, примеры, <i>апелляция к опыту адресата, факты, языковые примеры, пояснения к терминам</i>	пояснения, примеры <i>объемного содержания, образные комментарии, примеры из личного опыта, факты, языковые примеры, пояснения к терминам, перевод</i>

			<i>терминов на иностранных языках</i>
самопрезентации	тактика авторского присутствия	<i>безличный формат, авторское «я», «мы» ('я, включенное в круг специалистов'), самоупоминание, адресно-маркированные вводные слова (на мой взгляд и др.)</i>	авторское «я», «мы» ('я, включенное в круг специалистов'), самоупоминание, адресно-маркированные вводные слова (<i>на мой взгляд</i> и др.)
взаимодействия с адресатом	тактика коммуникативного равенства	«мы», «наше» в значении 'я и вы', 'мы с вами'	«мы», «наше» в значении 'я и вы', 'мы с вами'
	тактика адресации		местоимение «вы», прямые обращения к адресату
	тактика постановки вопроса	риторический вопрос, <i>медитативный вопрос</i> , вопросно-ответный комплекс	риторический вопрос, <i>вопрос к адресату</i> , вопросно-ответный комплекс
	тактика эмоционального воздействия	риторическое восклицание, словесная образность	риторическое восклицание, словесная образность, <i>ирония</i>

Таким образом, проведенный анализ публикаций Т.В. Черниговской показал, что тексты научного и научно-популярного дискурса характеризуются наличием коммуникативных стратегий и тактик, способствующих вовлечению адресата в процесс восприятия предоставляемой автором информации. Отличительная особенность стратегической направленности публикаций ученого проявляется в выражении авторской позиции, которая реализуется посредством использования языковых средств авторизации, апелляции к личному опыту, приемов комментирования и оценивания, в том числе, с помощью языковых средств эмотивности и образности. Стратегия обеспечения доступности проявляется в стремлении ученого применять более широко средства экспликации и экземплификации, апелляции к личному опыту или опыту адресата.

В научных публикациях отражается главенствование стратегии аргументации, реализация которой осуществляется посредством тактик

цитирования, апелляции к авторитетному мнению, информационным источникам, сведениям о научных открытиях в исследуемой области, в использовании приемов убеждения с помощью вводных слов, а также в доминировании научной терминологии. Перечисленные тактики в текстах научно-популярного дискурса реализуют стратегию обеспечения достоверности.

В реализации тактик, направленных на взаимодействие с адресатом, проявляется тенденция к диалогизации, которая достигается с помощью тактических приемов адресации и установления коммуникативного равенства, постановки риторических и медитативных вопросов, активного применения вопросно-ответных комплексов, сопровождаемых использованием языковых средств эмоционального воздействия.

Яркая индивидуальность языковой личности Т.В. Черниговской характеризуется высоким уровнем эмоциональности, что проявляется в образности речи, а также в использовании неординарных названий публикаций и эпиграфов в предтекстовой части. По мнению А.В. Колмогоровой, языковое проявление эмоции зависит не только от природы этого явления, но и от норм и моделей, бытующих в различных сферах социума, а для индивида – от его социального статуса [Колмогорова 2021: 357-358]. Ученый довольно часто отходит от устоявшихся норм создания как научных, так и научно-популярных текстов, стремясь к авторской открытой модальности и яркой экспрессии. Избегая монотонности и однообразия, Т.В. Черниговская использует целый ряд стилистических приемов, придающих повествованию динамичность, образность и диалогичность, что способствует расширению прагматической направленности авторских работ, а также отражает их экспрессивность. Идиостиль ученого проявляется в уникальных и нетипичных для того или иного дискурса способах и формах реализации композиционной стратегии, стратегий самопрезентации и взаимодействия с адресатом.

Количественный анализ публикаций Т.В. Черниговской демонстрирует сравнительные данные о языковых средствах, которые занимают различные позиции в зависимости от типа дискурса и участвуют в формировании идиостиля ученого (Таблица 3).

Полученные результаты указывают на значительные дискурсивные различия текстов научного и научно-популярного дискурса. Прежде всего, это касается таких показателей, как ссылки на источники, клише, комментарии и термины без пояснений. Такие итоги являются ожидаемыми, поскольку свидетельствуют о соответствии рассмотренных текстов соответствующим стилям.

Количество использованных вставных элементов в скобках вдвое больше в научном дискурсе, что объясняется характером научной информации в тексте, требующей дополнений, уточнений или комментариев, а также пояснений к терминам. В научно-популярном дискурсе значительная часть вставок представлена в текстах статьи и лекций, при этом пояснения и комментарии в основном имеют эмоционально-оценочный характер. В интервью, предполагающем диалог с собеседником, вставочные элементы содержат обращения к адресату: *если вы учились ..., не путайте с самопожертвованием!*

Таблица 3. Сравнительные количественные данные о языковых средствах в научных и научно-популярных публикациях Т.В. Черниговской

Языковые средства	Научный дискурс (25,5 тыс. слов)	Научно-популярный дискурс (25,7 тыс. слов)
ссылки на авторитетное лицо	83	70
ссылки на источники	149	57
ссылки на экспериментальные данные, теории	20	23
самоупоминание	29	17
вводные слова	79	120
акцентно-вероятностные вводные элементы	20	26
клише	51	11
примеры	50	46
комментарии	155	68

вставные элементы в скобках	164	84
термины без пояснения	236	102
пояснение термина	54	52
цитаты	37	40
оценочная лексика (нейтральная)	69	66
оценочная лексика (критика)	29	8
лексика эмоциональной оценки	74	69
образность	97	137
местоимение «я»	19	230
местоимение «мы» (эгоидентичное)	50	92
местоимение «мы» («мы с вами») / «наш»	28/16	143/41
местоимение «вы»	-	45
обращение к адресату	2	6
риторический вопрос	26	132
вопросно-ответный комплекс	14	31
риторическое восклицание	18	33
апелляция к фоновым знаниям	13	17
прецедентные феномены		15
разговорная лексика	-	7

Данные об использовании ученым вводных элементов указывают на значительное их превышение в научно-популярном дискурсе. В научном дискурсе преобладают акцентно-утвердительные вводные слова, акцентирующие внимание на высказывании, достоверности информации, примерах, субъективной позиции автора. Акцентно-вероятностные вводные элементы в публикациях Т.В. Черниговской занимают незначительное место, что свидетельствует о демонстрации уверенности и доказательности позиции ученого относительно высказываемых положений.

Использование личных местоимений «я», «мы» и «вы» также отвечает принятым правилам: в научном стиле реже используется местоимение «я» (свойственно авторитетным ученым), чаще – «мы» эгоидентичное (как ‘я’ или ‘научное сообщество, ученые’). Высокий показатель употребления в научно-популярном дискурсе местоимений «я» и «мы» эгоидентичного (‘я, включенное в круг специалистов’), а также инклюзивного местоимения «мы» выявляет такое свойство речевого поведения ученого как стремление, с одной стороны, к авторскому присутствию, с другой – к вовлечению адресата в диалог. Диалогичность стиля ученого подчеркивается также высоким показателем использования риторических вопросов. Риторические средства (риторический

вопрос, риторическое восклицание) и вопросно-ответные комплексы, выступающие средством эмоционального размышления, в большей степени представлены в научно-популярном дискурсе, но занимают свое место и в научных текстах, указывая на характерное для языковой личности ученого взаимодействие интеллектуального и эмоционального в речеобразовании.

В целом представленные количественные данные показывают, что ученый отходит от устоявшихся норм написания научных статей, стремясь к авторской открытой модальности и яркой экспрессии. Это проявляется в использовании оценочной и образной лексики, объем которой не уступает употреблению в научно-популярных публикациях.

2.2.2. Сравнительный анализ проявления идиостиля в научных и научно-популярных текстах С.А. Бурлак

Показательным для сравнительного анализа средств, характеризующих формирование авторской индивидуальности в разнонаправленных типах текстов, является пример трансформации научного дискурса в научно-популярный. Проблема адаптации научного материала к аудитории, выходящей за рамки научного сообщества, решается посредством перемещения смыслового материала из одного контекста в другой, который имеет иную организацию и иные коммуникативные цели. Ориентируясь на адресата, автор формирует текст путем модификации научного стиля в научно-популярный, перестраивает коммуникативные стратегии и тактики.

Рассмотрим данный аспект на примере сравнения текстов научной статьи С.А. Бурлак, опубликованной в университетском издании [Бурлак 2012], и научно-популярной статьи, размещенной на Интернет-портале [Бурлак 2015]. Базовый и производный текст имеют общее название «Время появления звучащей речи по данным антропологии», что отражает их взаимосвязь. Предназначенный для неспециалистов текст, созданный на основе научной статьи, претерпел отдельные изменения, в том числе, в

способах реализации отдельных коммуникативных тактик и приемов аналогичных стратегий.

Изменение тактик наблюдается, в первую очередь, в реализации композиционной стратегии. Обязательными компонентами текста научной статьи являются заголовок, аннотация, основная часть, заключение, список литературы, ссылки и т.д. Главным отличием композиционного построения текста в научно-популярном издании является его деление на рубрики, свидетельствующее о стремлении автора сегментировать информацию с целью обеспечения доступности ее восприятия: *Роль положения гортани в формировании человеческого языка, Роль дыхания при речи, Роль слухового анализатора, Работа полушарий мозга при речи, «Ген речи», Влияние технологии производства орудий на становление речи.* Обращает на себя внимание отсутствие ссылок на литературные источники и библиографического списка, что соответствует традициям научно-популярного жанра. Такие компоненты текста, как заголовок и заключение, сохранены. Что касается полноты воспроизведения базового текста, то в научно-популярном варианте отмечается отсутствие ряда фрагментов, содержащих обзор научных гипотез и некоторые фактические данные, а также детального описания результатов исследования со ссылками и использованием специальной терминологии. Так, в частности, опущена большая часть абзаца научной статьи [Бурлак 2012: 111], которая содержит подробное описание роли речевых органов в формировании членораздельной речи с использованием ссылок на теоретические работы, цитирования (*Как пишет Н. Пинкер, «до недавнего изобретения приема Геймлиха <...>»*) и специальных терминов (*гоминиды, «крайние» гласные, жестовый язык*).

В то же время научно-популярный текст содержит вставки, отражающие дополнительную информацию и новые сведения о предмете исследования. В этом видится различное проявление стратегии информирования: в научном дискурсе автор, подчиняясь стандартам научных публикаций и ориентируясь на специалиста, предоставляет полное описание

необходимых данных и результатов исследования. В научно-популярном дискурсе преобладают приемы объяснения, дополнения и обобщения, не требующие обязательных отсылок к авторству идей и научных выводов [Рянская, Шевченко, 2021].

В анализируемых вариантах различия проявляются также в реализации стратегии аргументации. В научном дискурсе, согласно М.В. Покотыло, коммуникативная стратегия аргументации предполагает дискуссионную состязательность, которая проявляется в тактиках цитирования, апелляции к авторитетному мнению для укрепления собственных позиций по дискутируемой проблеме, демонстрации логичности и последовательности излагаемых положений [Покотыло 2017а: 170-171]. В анализируемой научной статье подобные тактики проявляются в использовании вводных слов (*как отмечал В.В. Бунак, как показывают данные, во-первых, во-вторых*). С их помощью указаны источники подтверждения рассматриваемых положений и логический порядок изложения аргументов. Использование пояснений, заключенных в скобках, является авторской особенностью и отражено в обеих разновидностях текстов.

В научно-популярном варианте статьи С.А. Бурлак маркеры логики изложения и выражения авторской позиции, а также сравнения точек зрения по рассматриваемой проблеме сохраняются, то есть, как и в научной статье, проявляется тактика «размежевания» [Копыл 2013: 155-156]. При этом, как правило, ссылки на источники отсутствуют или используется такой указатель как *авторы этой точки зрения*. В данном случае выражение заменяет ссылку на конкретного исследователя, имеющуюся в научной статье: *М. Хаузер и его соавторы*. Тем не менее, в нескольких случаях ученый придерживается тактики апелляции к авторитетному лицу как дополнительному источнику, что положительно влияет на восприятие информации [Арсеньева 2021: 243-244]:

Важное значение для определения времени формирования членораздельной звучащей речи имеет недавнее исследование Б. де Бура, направленное на выявление функции горловых мешков.

Косвенное цитирование считается выражением более высокой степени субъективности и, следовательно, дискурсивной ценности [Quero 2019: 250]. Прямое цитирование выступает в качестве «дополнительного ресурса для укрепления собственных исследовательских позиций» [Покотыло 2017а: 170-171]. Некоторые цитаты в производном тексте сохранены, в основном без ссылок на источник. Статус научно-популярного журнала позволяет автору опираться на фоновые знания адресата, который мотивирован на получение научной информации [Воронцова 2013: 27]:

<...> люди могут проводить достаточно тонкие фонетические различия, например, мы способны не перепутать такие похожие звуки, как b и p.

Анализ текстов свидетельствует о стремлении ученого с помощью языковых примеров подтвердить достоверность научных фактов или наглядно объяснить научное явление. Так, в обоих вариантах с помощью конкретных примеров объясняется суть «эффекта Мак-Гурка»:

К распознаванию звуков речи может подключаться также зрительный анализатор, чему свидетельством известный «эффект Мак-Гурка»: если дать человеку прослушать слог ba и при этом показать ему губы, произносящие ga, он, автоматически сделав соответствующую поправку, воспримет услышанное как слог da <...>.

Данный пример свидетельствует об общности отдельных тактик реализации аналогичных стратегий в обеих разновидностях дискурса.

А.Ю. Багиян отмечает, что в произведениях научно-популярного дискурса авторы стремятся использовать приемы, ориентированные на решение задач популяризаторского и просветительского характера. Среди таких приемов – употребление детерминологизированных единиц, пояснение термина с помощью доходчивых языковых средств [Багиян 2014: 141-142].

Исследователи часто прибегают к переформулированию терминологических единиц или целых блоков информации. Такой прием используется не только в передаче знаний из научной области неспециалистам, но и в узкоспециализированных и аргументативных текстах, отдаленных от задач популяризации [Preite 2020: 21]. В рамках популяризации переформулирование выполняет разъясняющую функцию и может быть представлено в форме объяснения или расширения информации. Так, например, в обоих вариантах дается краткое толкование термина «хирема», обозначающего минимальный структурный элемент жестовой речи:

Каждый жест-слово состоит из незначимых элементов – хирем, а из слов, как и в устном языке, составляются словосочетания и предложения.

Пояснение к терминам могут приводиться в скобках:

<...> у человека имеются подбородочные ости (места прикрепления подбородочно-язычной мышцы) <...>

В результате сжатия базового текста в научно-популярном варианте количество терминов сокращается, хотя некоторые из них относятся к специальной сфере и требуют пояснений, например: *синаптическая пластичность, область симфиза, премоторная кора, базальные ядра.*

Т.Н. Хомутова подчеркивает, что отдельные коммуникативные стратегии научного дискурса не используются в чистом виде, так как изложение информации невозможно без ее оценки и стремления выразить свою точку зрения [Хомутова 2015: 20]. Иными словами, убеждение может сочетать аргументацию с эмоциональным воздействием, способным повлиять на мнение другого человека [Fernández-Ulloa 2019: 3]. Очевидно также, что оценка является неотъемлемой частью научно-популярного дискурса, о чем свидетельствует материал сравниваемых статей. Особенность проявления оценочности в анализируемых текстах заключается в том, что в основном автор выражает несогласие с определенными утверждениями или гипотезами, используя соответствующие речевые

обороты (это не вполне верно, предположение... едва ли может претендовать на обоснованность).

Таким образом, сравнительный анализ научной статьи С. А. Бурлак и ее варианта в виде научно-популярного текста позволяет выявить, с одной стороны, их взаимодействие в отношении реализации основных коммуникативных стратегий, с другой – определенные отличия в использовании тактик и приемов, которые обусловлены требованиями и традициями жанра. Обнаруженные различия касаются композиционной организации текстов, их содержания, характера цитирования и подачи некоторых специальных терминов.

В обобщенном виде результаты проведенного сравнительного анализа представлены в следующей таблице (Таблица 4):

Таблица 4. Особенности реализации коммуникативных стратегий в научной и научно-популярной статьях С.А. Бурлак «Время появления звучащей речи по данным антропологии»

Стратегии	Научный дискурс	Научно-популярный дискурс
композиционная	<i>Наличие стандартных компонентов текста.</i>	<i>Разделение текста на рубрики, отсутствие ссылок на источники и списка литературы.</i>
информирования	<i>Обзор научных гипотез, полнота описания, детализация исследования. Тактика расширения информации.</i>	<i>Исключение отдельных фрагментов, содержащих научные дискуссии, отсылок к авторству идей.</i>
аргументации	<i>Цитирование, апелляция к авторитетному мнению. Представление точек зрения по проблеме, выражение авторского мнения. Тактика апелляции к фоновым знаниям.</i>	<i>Включение новых данных, дополняющих аргументативную часть. Незначительны ссылки на авторитет и цитаты. Представление точек зрения по проблеме, выражение авторского мнения. Тактика апелляции к фоновым знаниям.</i>
обеспечения доступности	<i>Переформулирование терминов. Прием экспликации на примерах.</i>	<i>Переформулирование терминов. Наличие гиперссылок к терминам в Интернет-источнике. Прием экспликации на примерах.</i>
оценочная	<i>Авторские оценки с преобладанием критики.</i>	<i>Авторские оценки с преобладанием критики.</i>

Обращение к другим публикациям С.А. Бурлак (с 2011 по 2022 гг.) позволяет более подробно охарактеризовать особенности идиостиля ученого в контексте реализации авторских стратегий в научном и научно-популярном дискурсе.

Стратегия информирования, трактуемая как интерпретация старых и сообщение новых знаний, как правило, без выражения авторского отношения к излагаемому материалу [Хомутова 2015: 20; Копыл 2013: 14], в работах С.А. Бурлак проявляется в синтезе тактик оценивания, объяснения и расширения информации. Согласно Т.А. Воронцовой, тактика расширения информации используется в случае, если адресант не уверен в достаточности фоновых знаний адресата [Воронцова 2013: 27]. Специфика содержания научных текстов С.А. Бурлак, которые посвящены проблемам становления человеческого языка, требует привлечения дополнительных доказательных данных, поэтому такая тактика служит для усиления аргументации в пользу авторской гипотезы. Таким образом, наблюдается интеграция двух стратегий – информирования и аргументации.

Научная статья С.А. Бурлак «К вопросу о происхождении языка» [Бурлак 2011] является примером сочетания нескольких тактических приемов. Автор в начале статьи формулирует свою позицию, используя оценочную лексику:

Гипотеза музиланга, которую отстаивает А. А. Казанков, красива, но чрезвычайно спорна. Настоящая статья содержит альтернативную и, на наш взгляд, лучше обоснованную концепцию глоттогенеза.

В дальнейшем, опираясь на авторитетные источники и экспериментальные данные, ученый реализует тактику опровержения мнения оппонента или тактики, называемые «анализ-плюс» и «анализ-минус» [Копыл 2013: 156], с помощью как оценочных, так и других языковых средств, в частности, вводных слов и конструкций – собственного мнения (*на наш взгляд*), доказательности (*как отмечает один из авторов находки; как*

показывают наблюдения) или достоверности (данные генетики указывают на то, что).

Иллюстрацией соединения в одной части текста нескольких тактических приемов служит следующий фрагмент текста, в котором представлены маркеры степени достоверности, оценки, аргументации и пояснения [Бурлак 2018б]:

По-видимому, его вывод о том, что для нормальной человеческой коммуникации наличие синтаксически оформленного подчинения не обязательно, верен. И, как показывает пример из Зоценко, язык пиреха в этом смысле не уникален. Отметим также, что каждый из этих рассказов абсолютно нормален с точки зрения обычной структуры устной речи: основной синтаксической единицей устной речи является ЭДЕ (элементарная дискурсивная единица) <...>.

Из приведенного примера следует, что автор прибегает не только к критическим оценкам, но и к положительным, служащим компонентом аргументации своих суждений.

Анализ научно-популярных публикаций ученого, включающих жанры научно-популярной статьи, интервью и публичной лекции, показал, что в них также представлено совмещение различных коммуникативных тактик, отражающих авторские предпочтения в их выборе. Так, в тексте лекции «Механизмы языковых изменений» [Бурлак 2013а], комментируя отрывок из «Поучения» Владимира Мономаха, автор прибегает к пояснениям и к ссылке на авторитетный источник:

Лютый зверь... (кто такой «лютый зверь», – это некоторая отдельная история, об этом есть работа Ф.Б. Успенского «Лютый зверь на Руси и в Скандинавии» // Славяноведение. 2004. Т. 2. С. 88-105) вскочил ко мне на бёдра и коня со мною поверг («поверг» сейчас не употребляется по отношению к таким вот обычным приметам: можно кого-то повергнуть в недоумение, например, – слово «повергнуть» ушло в более высокий регистр, стало более абстрактным <...>).

Отметим, что жанры научно-популярных текстов допускают использование приема эмоциональной оценки. Так, в опубликованном в интернет-издании «Антропогенез.ру» интервью «Язык буквально пронизан идеей кооперации» С.А. Бурлак эмоционально высказывает свое отношение к любительскому подходу в вопросе этимологии, призывая обратиться к авторитетному изданию:

А вообще про таких горе-лингвистов и про то, как их отличать от нормальных исследователей, можно подробно прочитать в книге Андрея Анатольевича Зализняка «Из заметок о любительской лингвистике» (М.: Русский Миръ, 2010. Серия: Литературная премия Александра Солженицына).

Для авторского стиля С.А. Бурлак характерно использование вставных элементов, заключенных в скобках. Согласно Е.А. Пантелеевой, вставки вносят значимый для автора прагматический комментарий, без которого невозможно адекватное восприятие передаваемой информации [Пантелеева 2005: 224-225]. К ним относятся, прежде всего, текстосмысловые, т.е. поясняющие, уточняющие или дополняющие содержание [Пантелеева 2005: 225]. В проанализированных научных и научно-популярных публикациях вставки могут содержать дополнения, уточнения, расшифровку или краткие примеры, а также трактовки терминов [Бурлак 2011; Бурлак 2016]:

В любом языке (в том числе в жестовых языках глухонемых) существуют слова, единственное назначение которых состоит в указании на синтаксические связи в предложении (например, союз и) <...>.

<...> та же Уошо научила своего приёмного сына Лулиса некоторому количеству знаков амслена (американского жестового языка). Но всё же шимпанзе гораздо хуже людей передают полученные навыки.

Текстосмысловые вставные элементы могут повышать степень достоверности информации за счет цитируемого источника [Пантелеева 2005: 226]. Вставки со ссылками на авторов и литературные источники

активно используются ученым. Приведем такой пример из лекции «Механизмы языковых изменений» [Бурлак 2013]:

Один иностранец, изучавший русский язык, жаловался, мол, почему два таких одинаковых слова «тесный» и «честный» записываются настолько по-разному (этот пример приводит В.А. Плунгян в своей книге «Почему языки такие разные», но не будем про иностранцев).

Стратегия обеспечения достоверности передаваемых знаний реализуется в публикациях С.А. Бурлак при помощи ссылок не только на источники или авторов, но и на фактические и экспериментальные данные. В научных статьях ученого ссылки на экспериментальные данные занимают большое место, что объясняется не только особенностью идиостиля, но и характером исследовательского материала. Об этом свидетельствует фрагмент статьи «Глоттогенез как результат самоорганизации» [Бурлак 2021: 200], в котором приводятся конкретные сведения:

Как показали эксперименты К. Цубербюлера и его коллег [Slocombe, Zuberbühler, 2005; Clay, Zuberbühler, 2009], обезьяны достоверно различают пищевые крики, вырвавшиеся у их сородичей при виде пищи разного типа.

В научно-популярных публикациях могут отсутствовать ссылки на конкретные источники данных. Так, в научно-популярной статье «Что такое врожденная грамотность» [Бурлак 2016в] поясняется следующее:

Это показали наблюдения над людьми с разделенными полушариями: в норме (у правшей) языковую информацию может обрабатывать только левое полушарие.

В большинстве случаев ученый указывает авторов проведенных исследований или экспериментов. Примером может служить интервью ученого «Язык буквально пронизан идеей кооперации» [Бурлак 2016г], в котором таких ссылок несколько: *широко известны опыты Э. Мензела; К. Слокомбе и К. Цубербюлер показали, что; Сара Бойзен и ее коллеги провели эксперимент* и т.д.

Как мы предположили выше, особенности материала публикации могут влиять на выбор тактических приемов выражения степени достоверности и языковых средств их реализации. В частности, в текстах С.А. Бурлак, посвященных эволюции человеческого языка, содержатся рассуждения гипотетического характера, которые предшествуют сделанным выводам. В таких случаях наблюдается использование таких вводных слов, как *по-видимому*, *возможно*, *вероятно* и т.п., которые обозначены Е.А. Пантелеевой как акцентно-вероятностные [Пантелеева 2005: 227]. Она рассматривает вводные слова как коммуникативно-прагматическую категорию, которая включает в себя общее содержание субъективного, а также оценочного отношения адресанта, а в качестве отдельных задач акцентно-вероятностных вводных элементов указывает усиление гипотетичности высказывания, представление хода рассуждений, выражение следствия из указанных в тексте положений, изменение степени категоричности высказывания [Пантелеева 2005: 227]. И.П. Хутиыз отмечает, что дискурсивные слова *по-видимому*, *возможно* могут выступать маркерами степени объективности информации [Хутиыз 2010: 74].

В нижеследующем примере из научной статьи контекст позволяет охарактеризовать роль вводного слова как выражения возможности существования рассматриваемого явления, подтверждаемой косвенными доказательствами [Бурлак 2021: 205]:

*Соответственно, потомки ранних Ното, архантропы, уже должны были быть в какой-то степени способны к волевому управлению звуком. **Возможно**, они могли общаться при помощи голофраз, как современные дети раннего возраста, не столько описывая таким образом те или иные ситуации, сколько выражая свои эмоции по их поводу.*

В следующих случаях акцентно-вероятностные вводные элементы подчеркивают вероятность выводов или степень категоричности высказывания [Бурлак 2018а: 162; Бурлак 2018б: 22-23]:

Вероятно, складывание праиндоевропейской надежной системы не было одномоментным, а представляло собой постепенный процесс, и ответвление анатолийских и тохарских языков могло произойти на любом его этапе.

В целом ряде случаев Эверетт, по-видимому, неверно анализирует собранный им материал (Nevins et al., 2009a).

Вводное слово *наверное* в отрывке из интервью «Первыми заговорили гейдельбергские» [Бурлак 2019] выражает следствие из отмеченных в тексте положений:

*Кроме того, у нас и у неандертальцев одинаковый ген FOXP2, который очень важен для речи. <...> Раз у неандертальцев и у нас он такой же (а там очень нетривиальные изменения), то, **наверное**, он был таким же уже у нашего общего предка.*

В целом материал публикаций С.А. Бурлак показал, что в научно-популярных текстах акцентно-вероятностные вводные элементы представлены в меньшей степени. По всей видимости, это объясняется тем, что в научных текстах отражены полемика, рассуждения и доказательства истинности при изложении научных данных, а стратегической задачей популяризации научных знаний является демонстрация полученных результатов, изложение четкой позиции.

Стратегия обеспечения доступности, как было отмечено ранее, реализуется посредством тактики объяснения, в том числе, при помощи комментариев и пояснений в скобках. При этом ученый избегает использования метатекстовых маркеров (*нужно пояснить, разберемся в...*), сигнализирующих о неравенстве адресанта и адресата [Воронцова 2013: 28].

В изучении особенностей проявления авторского стиля ученого особое место занимает вопрос использования терминов. Было показано, что специальные научные понятия могут сопровождаться пояснениями. Такие случаи не единичны. Например, в научной статье «К вопросу о происхождении языка» представлено подробное описание механизма

эволюции, который носит название «эффекта Болдуина» [Бурлак 2011: 107]. Примечательно, что в данном тексте даются пояснения только к лингвистическим терминам *голофраза*, «*жесткий*» и «*свободный*» *порядок слов*, *иконические знаки*. Предположительно это связано с тем, что статья опубликована в журнале «Историческая психология и социология истории», который рассчитан на специалистов определенной научной сферы.

В целом С.А. Бурлак не придерживается жесткого правила толкования терминов, предполагая, по-видимому, что одни из них общеизвестны, а другие требуют трактовки. Как было отмечено в сравнительном анализе одноименных статей (научной и научно-популярной), в них используются приемы переформулирования или кратких трактовок. В некоторых работах, в частности, в научной статье «Глоттогенез как результат самоорганизации» [Бурлак 2021] пояснения к терминам практически отсутствуют, что свидетельствует об ориентации автора на адресата – специалиста в данной научной области:

Например, в развитии слухового анализатора (который является лишь одним из множества необходимых для работы языка компонентов) участвуют слуховая плакода, зачаток рудиментарной жаберной щели, элементы подъязычной и челюстной висцеральных дуг, мезодерма головы и невральная эктодерма <...>.

К использованию С.А. Бурлак терминов в научно-популярных публикациях добавим несколько наблюдений. Прежде всего, отметим, что трактовка термина может заключаться не только в пояснении в скобках, но и в объяснении с помощью широкого контекста или с привлечением примеров. Такие случаи отмечены в тексте публичной лекции [Бурлак 2013а]:

Форма л-причастия (жили) + глагол быть в прошедшем времени – это плюсквамперфект, «преждепрошедшее» время.

<...> одного [η] может оказаться достаточно для того, чтобы активировать всю идею сап. (Для знакомых с нейробиологией скажу, что это правило Хэбба).

Заметим, что некоторые пояснения к терминам были сделаны ученым по просьбе аудитории.

В текстах интервью ученый не всегда прибегает к объяснениям терминов, возможно, потому что рассчитывает на определенный уровень подготовки журналиста к беседе по заданной теме. Тем не менее, отдельные понятия трактуются автором:

*Когда какой-то знак возникает впервые, он должен быть **иконичным**, то есть, похожим на то, что он обозначает, – это необходимо, чтобы его поняли прямо сразу, без подготовки.*

Заметной особенностью авторского стиля С.А. Бурлак является тактика экземплификации, которая занимает важное место как в научном, так и в научно-популярном дискурсе в качестве средства обеспечения доступности. Так, описание того, что представляет собой понятие «сигналы-комментарии», содержит следующий пример [Бурлак 2021: 200]:

Подобного типа речевые акты есть и у современных людей – их описывают словами типа «вырвалось у такого-то» (или «не удержался такой-то»), поскольку возникают они практически произвольно (например, человек, подойдя к окну и увидев последствия ночной метели, может воскликнуть: «Эк снегу-то навалило!»).

Очевидно, что в силу специфики жанра особенно насыщен примерами текст публичной лекции. В частности, для иллюстрации исторических изменений в ударении слов автор обращается к литературным произведениям:

У Грибоедова мы читаем:

*Что радикальные потребны тут лекарства,
Желудок дольше не варит.*

Или у Пушкина:

*Печной горшок тебе дороже,
Ты пищу в нём себе варишь.*

По мнению Н.А. Пром, фактуализация нового знания связана с его интериоризацией в картину мира адресата. Лингвистическими способами такой адаптации выступают апелляции к эмоциям, юмору и т.д. [Пром 2021: 138]. К этим средствам можно отнести обращение к общим знаниям коммуникантов. Такой случай отмечен в лекции:

Может быть, кто-нибудь из старшего поколения помнит про козу рогатую... Помните?

<...>

Забодает. Получаются, как говорили у нас в детском саду, «нескладушки-неладушки». А на самом деле, это остаток того древнего времени, когда надо было сказать забодёт.

Используя подобные примеры, С.А. Бурлак апеллирует к фоновым знаниям или личному опыту адресата, а также указывает на ситуации из своей жизни.

При сравнении научных и научно-популярных текстов ученого выявляются особенности реализации стратегий самопрезентации и взаимодействия с адресатом. Обращение к научным статьям показывает, что автор в целом придерживается в них традиций научного стиля, используя большей частью безличный формат подачи материала. Примеры, указывающие на авторское присутствие, единичны. Обнаруживается довольно редкое употребление местоимения первого лица множественного числа *мы* как эгоидентичного обозначения в качестве тактики соотнесения себя с профессиональным сообществом, например [Бурлак 2012а: 110; Бурлак 2015а]:

*В современном же русском **мы** видим три маркировки – самоударность (↓), правоударность (→) и левоударность (←) – и ещё некоторое количество дополнительных помет <...>.*

Более употребительными являются адресно-маркированные вводные слова, выражающие прикрепленность мнения или оценки [Пантелеева 2005: 227] к адресанту – *на мой взгляд, на наш взгляд, с моей точки зрения, с нашей*

точки зрения, по нашему мнению, и др. Так автор выражает собственное мнение, реализуя прагматическую установку самопрезентации [Бурлак 2012: 136-137]:

С моей точки зрения, дело здесь в том, что язык представляет собой одну из составляющих адаптации к «когнитивной нише».

Эксплицитное проявление авторского «я» наиболее выражено в научной статье С.А. Бурлак «Происхождение языка: разные подходы», опубликованной в рубрике «Дискуссия о происхождении языка [Бурлак 2013]. Полемический характер статьи диктует использование разнообразных средств авторизации, поэтому в тексте представлены личные местоимения я, мы, адресно-маркированные вводные слова, выражающие авторское мнение, лексика самооценки, ссылки на собственные работы:

Наиболее важным, на мой взгляд, является противопоставление, связанное с тем, какого рода информацию животные «считывают» со своих сородичей.

Хотя, конечно, несовершенства есть. И ящерицы-круглоголовки не слишком хорошо понимают друг друга (о чем честно написано в моей книге на с. 223) <...>.

В научно-популярных текстах общение с адресатом от первого лица допустимо и ученый использует этот прием в ходе изложения текста, в трансляции примеров, иллюстрирующих отдельные положения, в изложении собственного мнения, в комментариях и вставочных элементах. Иллюстрацией реализации таких функций может служить текст публичной лекции «Механизмы языковых изменений», в которой авторское «я» широко представлено [Бурлак 2013]:

Я, когда рассказываю о языковых изменениях, часто задаю вопрос так: «Вот, происходят языковые изменения. Кто заметил, как у меня это произошло в предыдущей фразе?»

Анализ текстов интервью С.А. Бурлак позволил выявить лишь отдельные случаи использования местоимения «я». В интервью «Язык

буквально пронизан идеей кооперации» [Бурлак 2016] «я» подчеркивает наличие собственной точки зрения, а также выступает средством самопрезентации:

По гипотезе Данбара, язык возник в качестве замены грумингу. Но я, честно говоря, скептически отношусь к этой идее.

В своей книге о происхождении языка, которая скоро выйдет в издательстве «Корпус», я ставила задачу набрать факты, которые нельзя не учитывать.

Автор более склонен к употреблению местоимения «мы» в значении ‘я, включенное в круг ученых, специалистов в этой научной области’:

Например, мы видим, что в гоминидной линии наблюдается рост мозга в тех местах, где у нас «речевые зоны» – зона Брока и зона Вернике. <...>.

Подобные примеры встречаются и в тексте интервью «Первыми заговорили гейдельбергские» [Бурлак 2019]:

Про мозг мы теперь тоже много знаем.

Случаи использования местоимения «я» в этом интервью также единичны и указывают на выражение автором своего мнения и на самопрезентацию:

Мне кажется, что самый главный ключевой поворотный пункт, после которого уже начинается отсчет настоящего языка, – тот момент, когда язык обретает свойство, которое я называю достаиваемостью.

Таким образом, степень выраженности авторского присутствия в текстах публикаций С.А. Бурлак зависит от их жанра. Наибольшее проявление авторского «я» характерно для статьи полемического содержания и публичной лекции.

Проявление стратегии взаимодействия с адресатом в публикациях С.А. Бурлак имеет свои особенности в зависимости от дискурсивной характеристики текста. Тактика авторизации, демонстрирующая интересубъектное взаимодействие с адресатом [Супоницкая 2016: 136], и

тактика коммуникативного равенства (контактоустанавливающая) [Арсеньева 2013б: 293] реализуются посредством использования местоимений или средств адресации. В проанализированных научных статьях С.А. Бурлак взаимодействие с адресатом проявляется очень редко. В нескольких случаях оно осуществляется с помощью инклюзивного местоимения «мы» в значении ‘мы с вами, люди’ и притяжательного местоимения «наш», так, например, в следующем случае [Бурлак 2012]:

*Если бы подъязычная кость располагалась у нас иначе, **мы** были бы способны произносить не больше различающихся звуков, чем, например, шимпанзе.*

Следует отметить, что ученый чаще предпочитает употреблять существительные «люди», «человек». Так, в следующем предложении указано не «наша способность», а «способность людей»:

*Именно этим объясняется **способность людей** по-разному реагировать на одно и то же сообщение.*

Тактика коммуникативного равенства, реализуемая при помощи инклюзивного местоимения «мы», позволяет обеспечить вовлеченность адресата в обсуждаемую проблему. Такие примеры встречаются в научной статье «Язык пираха и разговорная речь» [Бурлак 2018б]:

*Между тем, если обратиться не к письменному языку, а к устной, разговорной речи, в особенности – к разговорно-бытовому регистру, **мы увидим** крайне похожие феномены.*

В отличие от научных статей, в научно-популярных текстах публикаций С.А. Бурлак интерсубъектное взаимодействие представлено более широко. Местоимения «мы» обозначает не только ‘мы с вами’, но и ‘мы, люди современной эпохи’:

Как показали недавние исследования, таким же, как у нас, вариантом этого гена обладали и неандертальцы.

Безусловно важное место в стратегической организации научно-популярных публикаций С.А. Бурлак занимает тактика адресации. Средством

ее реализации может выступать местоимение второго лица «вы» при обращении к одному или нескольким адресатам:

Если вас заставят перестать согласовывать по лицу глаголы в настоящем и будущем времени, – вы не сумеете этого сделать.

Употребление местоимения «вы» может служить приемом приглашения к совместному поиску истины или имитации диалога:

А если я вам скажу, что ещё его называют «мобилтсрф», вы мне поверите? Правильно, нет – дурацкое какое-то слово «мобилтсрф», кто ж такое выговорит!

Прямые обращения к адресату выполняют контактоустанавливающую функцию или привлечения внимания:

Итак, посмотрим, как появляются новые слова.

И асид, и нама, и суто, и даже, возможно, бали имеют соответствия в русском языке. Но, согласитесь, так сразу этого не видно.

Взаимодействие с адресатом наиболее заметно в публичной лекции и интервью, однако в статьях научно-популярного жанра такая тактика также присутствует.

Еще одним средством общения с адресатом является постановка вопроса. Ученый использует риторические вопросы, которые могут служить основой для дальнейших рассуждений, способом привлечения к совместному обсуждению проблемы. В рассмотренных научных статьях вопросы являются медитативными, демонстрирующими поиск сути явления. Так, в своих рассуждениях в научной статье «К вопросу о происхождении языка» А.С. Бурлак использует риторические вопросы, которые, на наш взгляд, относятся не к проявлению диалогичности, а, скорее, к выражению собственного мнения [Бурлак 2011: 96-97]:

Может быть, действительно существовал язык, который примерно в это время вытеснил все остальные языки Homo sapiens, каковы бы они ни были?

В статье «Происхождение языка: разные подходы» постановка следующего вопроса указывает на ход рассуждений [Бурлак 2013б: 395]:

Но если изменения были медленными и постепенными, то как же могла в итоге получиться система, столь разительно отличающаяся от первоначальной?

В научно-популярных публикациях, в частности, в публичной лекции и интервью встречаются вопросы, обращенные непосредственно к адресату, к аудитории [Бурлак 2013а]:

Некоторые глаголы изменили своё спряжение: теперь мы говорим бодаю, бодает, бодал, а тогда было – боду́, бо́ль. Может быть, кто-нибудь из старшего поколения помнит про козу рогатую... Помните?

Одним из средств реализации тактики взаимодействия с адресатом в публикациях С.А. Бурлак являются вопросно-ответные комплексы. В научных статьях они служат для вовлечения адресата в ход рассуждений, направленных на формулирование выводов, как, например, в статье «Происхождение языка: разные подходы» [Бурлак 2013б: 396]

Но если изменения были медленными и постепенными, то как же могла в итоге получиться система, столь разительно отличающаяся от первоначальной? Тот, кто знаком с философией (или хотя бы сдавал когда-то марксизм), легко заметит здесь сформулированный Ф. Энгельсом (на основе идей Г. Гегеля) закон перехода количественных изменений в качественные.

В научно-популярных публикациях ученого, в частности, в текстах лекций и интервью, активное использование вопросно-ответных комплексов объясняется тем, что они отражают непосредственное общение автора с адресатом. Основные функции этого коммуникативного приема – установление контакта с собеседниками, облегчение восприятия научной информации. Приведем пример из текста публичной лекции С.А. Бурлак «Механизмы языковых изменений» [Бурлак 2013]:

Что же поменялось? Поменялись правила того, как мы обходимся с этими словами, что мы с ними делаем, как мы их произносим, как мы их склоняем и спрягаем, как мы составляем из них предложения.

Одним из приемов диалогичности в публикациях С.А. Бурлак выступает риторическое восклицание, которое демонстрирует эмоциональное отношение автора к содержанию высказываемого и направлено на привлечение внимания адресата. В научных статьях такие употребления крайне редки, что соответствует традициям научного стиля. В статье «Падежные системы в тохарских и анатолийских языках» [Бурлак 2018: 162] восклицание использовано для подчеркивания важного факта, на который следует обратить внимание:

Это означает, что та падежная система, которая восстанавливается из сопоставления индоевропейских языков в узком смысле, должна была сформироваться в некоторый период между распадом праностратического и распадом узкоиндоевропейского. Об этом свидетельствует и то, что для показателей многих индоевропейских падежей (но не номинатива, аккузатива и генитива!) предполагается происхождение от наречных формантов <...>.

В научно-популярных публикациях восклицания встречаются чаще, поскольку тексты отражают, большей частью, живое общение ученого с адресатом. Но и в статьях научно-популярного содержания эмоциональное проявление авторской речи также наблюдается. Примером может служить статья «Сам ты скрыт (Ещё раз о любительской лингвистике)» [Бурлак 2016]:

Ведь такой приставки в русском языке нет. Ну, хорошо, а «мобилизм» его могут назвать? Суффикс -изм-то точно есть!

Почему так происходит? Да просто по привычке! И эта привычка очень важна – она позволяет говорить и понимать, не вызубривая все слова наизусть <...>.

Особое место в идиостиле С.А. Бурлак занимает образность. Этот стилистический прием очень редко используется автором в научных статьях.

Такой пример выявлен, в частности, в статье «Происхождение языка: разные подходы» [Бурлак 2013: 408]:

Нетривиальная связь между мышлением и речью проявляется еще и в том, что наш человеческий язык оказывается фактически «игрой в угадайку»: смысл каждого речевого произведения представляет собой совместное творчество говорящего и слушающего (или пишущего и читающего).

В научно-популярном дискурсе с помощью образности ученый стремится доступно объяснить сложные научные понятия или рассматриваемые явления:

Таким образом, глаголы хотеть, иметь, начать, быть, стать как бы начали между собой соревнование – кому быть показателем будущего времени? Кто выиграет это соревнование, было, надо сказать, совершенно неочевидно. В разных языках выигрывают разные.

Для придания образности автор использует поговорки:

<...> как в сказке говорится, «нос вытащишь – хвост увязнет» – в одной подсистеме наведёшь порядок, в другой возникнет дисбаланс.

А вот ещё одна история из серии «не было гвоздя, подкова пропала». Началось всё с того, что музыкальное ударение сменилось силовым.

Подводя итог проведенному анализу научных и научно-популярных публикаций С.А. Бурлак, отметим следующее.

Сравнение стратегий и тактик, реализуемых одним и тем же автором, С.А. Бурлак, в научном и научно-популярном текстах, свидетельствует о тенденции к синтезу отдельных тактик и приемов в реализации коммуникативных стратегий, об ориентированности на адресата при их выборе и обеспечении взаимодействия с адресатом посредством широкого диапазона тактических приемов.

Наглядно данные о характере проявления идиостиля ученого в контексте реализации авторских стратегий представлены в виде таблицы

(Таблица 5). Курсивом обозначены отличительные для соответствующего типа дискурса языковые средства.

Таблица 5. Характеристики идиостиля С.А. Бурлак в контексте реализации авторских стратегий в научном и научно-популярном дискурсе.

Стратегии	Тактики и приемы	Научный дискурс	Научно-популярный дискурс
композиционная	прием композиционного построения текста	<i>обязательные компоненты текста</i>	<i>свободное построение текста, рубрикация текста</i>
информирования	синтез тактик объяснения, расширения информации	<i>апелляция к фоновым знаниям, ссылки на авторитетные источники и результаты экспериментов, гипотезы, пояснения к терминам, расширение информации</i>	ссылки на авторитетные источники и результаты экспериментов, гипотезы, пояснения к терминам, <i>дополнения и пояснения, не требующие обязательных ссылок, объемные примеры</i>
	прием вставных (текстосмысловых) элементов в скобках	дополнения, уточнения, краткие примеры, расшифровка аббревиатуры, трактовка терминов, эмоционально-оценочные элементы	дополнения, уточнения, краткие примеры, расшифровка аббревиатуры, трактовка терминов, эмоционально-оценочные элементы, <i>ссылки на авторов и литературные источники</i>
аргументации	тактики убеждения, оценивания, приемы дискуссионной состязательности	<i>цитирование, обращение к авторитетному лицу или экспертному мнению, логические аргументы, приемы опровержения мнения, авторская оценка, примеры, клише</i>	обращение к авторитетному лицу или экспертному мнению, логические аргументы, клише, <i>эмоционально-оценочная лексика</i>
	прием вставных (текстосмысловых) элементов в скобках	краткие примеры и <i>выводы</i> , ссылки на источники или данные, <i>комментарии, отражающие авторское мнение, цитаты</i> , эмоционально-оценочные элементы	краткие примеры, эмоционально-оценочные элементы, <i>ссылки на авторов и литературные источники, апелляция к наглядным экспериментам</i>
обеспечение достоверности	прием конкретизации сведений и источников	ссылки на фактический материал и экспериментальные данные	ссылки на фактический материал и экспериментальные данные, <i>отсутствие конкретного источника</i>

			<i>(редко)</i>
	прием выражения гипотетичности высказывания	акцентно-вероятностные вводные элементы	<i>редко: акцентно-вероятностные вводные элементы</i>
обеспечение доступности	тактика объяснения	факты, языковые примеры, апелляция к фоновым знаниям, пояснения к терминам	факты, языковые примеры, апелляция к фоновым знаниям, пояснения к терминам, <i>примеры из литературных источников, примеры из личного опыта</i>
самопрезентации	тактика авторского присутствия	<i>безличный формат, «мы» как эгоидентичное обозначение (редко), адресно-маркированные вводные слова, авторское «я» (редко)</i>	<i>авторское «я», «мы» ('я, включенное в круг специалистов'), адресно-маркированные вводные слова</i>
взаимодействия с адресатом	тактика intersubъектного взаимодействия, коммуникативного равенства	«мы», «наше» в значении 'мы с вами, люди'	«мы», «наше» в значении 'мы с вами, люди'; <i>«мы» как 'мы, люди современной эпохи'</i>
	тактика адресации		местоимение «вы», прямые обращения к адресату
	тактика постановки вопроса	риторический вопрос, <i>медитативный вопрос</i> , вопросно-ответный комплекс	риторический вопрос, <i>вопрос к адресату</i> , вопросно-ответный комплекс
	тактика эмоционального воздействия	риторическое восклицание (<i>редко</i>), словесная образность (<i>редко</i>)	<i>риторическое восклицание, словесная образность, поговорки</i>

Данные таблицы показывают, что сходные коммуникативные стратегии по-разному реализуются в научном и научно-популярном дискурсе. Требования к научному жанру определяют выбор тактик и приемов, направленных на обеспечение истинности и достоверности информации, аргументативной доказательности и высокой степени точности в представлении результатов научного поиска. В текстах научно-популярного дискурса реализация коммуникативных тактик и приемов расширяется за счет усиления доступности в передаче знаний, достижения коммуникативного равенства, в том числе путем эмоционального

воздействия. Стратегическая организация научно-популярных текстов направлена на привлечение внимания читателя к научной информации, на установление взаимодействия с адресатом, на вовлечение его в процесс научного познания.

Проведенный сравнительный анализ позволил выявить ряд особенностей, присущих стилю именно этого автора. Ученый ориентируется на уровень подготовленности адресата к восприятию научных знаний, что проявляется в использовании приема пояснения отдельных терминов или понятий, а также комментирования, направленного на уточнение излагаемых аспектов или внесение дополнительной информации. В обоих видах дискурса в авторской оценке заметно проявление критики, при этом выражение собственной точки зрения обосновывается посредством цитирования, обращения к авторитетным источникам и подтверждения с помощью ссылок на экспериментальные данные. Следует отметить стремление ученого к привлечению конкретных примеров, которые служат иллюстративным приемом подачи информации, а также средством обеспечения доступности. Характерным для авторского стиля является также употребление акцентно-вероятностных вводных слов, выражающих такое отношение к достоверности сообщаемого, как гипотетичность или смягчение категоричности. Эта особенность обусловлена характером научных исследований С.А. Бурлак, связанных с происхождением языка, и, следовательно, предполагающих выдвижение и обсуждение научных гипотез.

Количественные сравнительные данные наглядно демонстрируют активность языковых средств, используемых в публикациях С.А. Бурлак и участвующих в формировании идиостиля ученого (Таблица 6).

Таблица 6. Сравнительные количественные данные о языковых средствах в научных и научно-популярных публикациях С.А. Бурлак

Языковые средства	Научный дискурс (29,1 тыс. слов)	Научно-популярный дискурс
-------------------	-------------------------------------	------------------------------

		(28,6 тыс. слов)
ссылки на авторитетное лицо	53	64
ссылки на источники	136	10
ссылки на экспериментальные данные, теории	53	15
самоупоминание	17	2
вводные слова	386	160
акцентно-вероятностные вводные элементы	204	45
клише	144	39
примеры	100	173
комментарии	385	255
вставные элементы в скобках	498	259
термины без пояснения	267	153
пояснение термина	16	51
цитаты	79	11
оценочная лексика (нейтральная)	49	60
оценочная лексика (критика)	33	10
лексика эмоциональной оценки	16	28
самооценка	7	-
образность	65	134
местоимение «я»	47	88
местоимение «мы» (эгоидентичное)	2	26
местоимение «мы» ('мы с вами') / «наш»	16/11	154/30
местоимение «вы»	2	60
обращение к адресату	5	45
риторический вопрос	9	30
вопросно-ответный комплекс	3	27
риторическое восклицание	6	20
апелляция к фоновым знаниям	1	13

Полученные результаты указывают на высокий показатель использования вставочных элементов, комментариев, примеров и средств взаимодействия с адресатом.

Индивидуальная особенность стиля ученого проявляется в активном использовании вставных элементов в скобках и комментариев, занимающих значительное место, прежде всего, в научном дискурсе. В этом видится стремление ученого расширить информативное поле текста за счет дополнительных пояснений. Полученные данные свидетельствуют также о преобладании вводных элементов в научном дискурсе, где особое место занимают акцентно-вероятностные вводные слова, усиливающие гипотетичность излагаемых положений.

Заметно значительное количество употреблений терминов без пояснений. Активное использование примеров позволяет ученому компенсировать отсутствие трактовок терминов, а также наглядно иллюстрировать теоретические положения, представленные в публикациях ученого. В научно-популярном дискурсе наиболее репрезентативными и яркими являются языковые примеры, предполагающие взаимодействие с аудиторией или собеседником.

Существенные показатели употребления в научно-популярном дискурсе личных местоимений «я» и «вы», инклюзивного «мы», а также обращений к адресату говорят о направленности речевого поведения ученого на установление контакта с аудиторией и обеспечение кооперативного типа общения.

2.2.3. Сравнительный анализ проявления идиостиля в научных и научно-популярных публикациях С. Пинкера (S. Pinker)

Сравнительный анализ англоязычных статей с позиции проявления индивидуальных речевых особенностей языковой личности осуществлялся на примере текстов научных [Pinker 2004; Pinker 2007a; Pinker 2010;] и научно-популярных [Pinker 2000; Pinker 2007b; Pinker 2014a; Pinker 2014b; Pinker 2015;] статей канадского ученого и популяризатора науки Стивена Пинкера.

Рассмотренные статьи С. Пинкера соответствуют требованиям научного и научно-популярного стиля и жанра, вместе с тем отражают индивидуальные особенности языковой личности ученого.

Обращение к структуре и построению текстов статей позволило выявить некоторые особенности реализации автором композиционной стратегии. Значимым элементом любого текста является заголовок, выполняющий информативную и аттрактивную роль. Информативность и привлекательность заголовка определяет дальнейшую судьбу всей статьи,

так как в большинстве случаев читатель отбирает интересующий его материал на этапе прочтения названий. Кроме того, современная система поиска публикаций в онлайн базах данных основана на сканировании и обработке ключевых слов именно заголовка, что делает его центральным элементом научной работы [Hyland, Zou 2022: 50].

Заголовки проанализированных текстов научных статей отличаются лаконичностью, строгостью и, как правило, состоят из номинативного предложения: *Clarifying the logical problem of language acquisition* (Рассмотрение логической проблемы овладения языком. *Перевод здесь и далее – Ю.Ш.*); *Toward a Consilient Study of Literature* (На пути к последовательному изучению литературы).

Заголовок *The cognitive niche: Coevolution of intelligence, sociality, and language* (Когнитивная ниша: коэволюция интеллекта, социальности и языка) является кратким, но достаточно информативным. Он состоит из двух частей, одна из которых представляет собой пояснение. Конструкция с пояснительной частью после двоеточия расширяет информационный потенциал заголовка и повышает значимость научной работы.

Краткость, лаконичность и информативность также присущи заголовкам текстов анализируемых научно-популярных статей. Отличие заключается в их определенной оригинальности, что, безусловно, привлекает внимание читателя неспециалиста. Одним из способов сделать заголовок более выразительным является включение в него экспрессивных элементов: *The Irregular Verbs* (Неправильные глаголы); *Passive Resistance* (Пассивное сопротивление). Часть заголовков представляет собой распространенные предложения: *Many of the alleged rules of writing are actually superstitions* (Многие из предполагаемых правил письма на самом деле являются суевериями); *Words Don't Mean What They Mean* (Слова не означают то, что они означают).

Заголовок *The Source of Bad Writing* (Причина плохого письма) с прагматической точки зрения подразумевает вопрос, ответ на который

читатель сможет найти, прочитав статью. Название привлекает внимание своей креативностью, которая проявляется в использовании ученым приемов, подчеркивающих расхождение со стандартной формой. Лексема *Bad* в названии указывает на то, что статья построена в формате «плохих советов». Заголовки подобного рода способствуют снятию акцента с научности текста и вызывают интерес интригующим названием.

Анализируемый заголовок имеет подзаголовок: *The «curse of knowledge» leads writers to assume their readers know everything they know* («Проклятие знания» заставляет писателей предполагать, что их читатели знают все, что известно им самим). Являясь элементом паратекстового пространства, подзаголовок выполняет функцию необходимого уточнения и взаимодействует с заголовком. Он развивает мысль, презентованную в названии статьи, предоставляя адресату дополнительную информацию о теме публикации [Хэчжэнь 2017: 126]. В приведенном примере экспрессивность подзаголовка подчеркивается метафорой *«curse of knowledge»*. Метафоричность свойственна англоязычному научно-популярному дискурсу. Данное стилистическое средство добавляет выразительности и привлекательности. В предтекстовой части статьи «Passive Resistance» также имеется подзаголовок, построенный на антитезе, что создает интригу: *The active voice isn't always the best choice* (Активный залог не всегда лучший выбор).

В проанализированных научных статьях ученого подзаголовков отсутствует. Информационно значимой в них является аннотация, которая характеризуется самодостаточностью, предоставляя адресату начальные опорные сведения о теме работы [Хомутова, Силкина 2018: 21]. Как в русскоязычных, так и в англоязычных научных статьях структура и объем текста аннотации определяются правилами, принятыми в соответствующем издании. Следует отметить, что в ряду анализируемых научных статей С. Пинкера лишь одна из них имеет аннотацию, причем отличающуюся

нестандартной формой, в частности, тем, что представляет собой скорее вступительную часть, содержащую постановку проблемы [Pinker 2010].

Анализ текстов научных и научно-популярных статей С. Пинкера позволил выявить следующие особенности их стратегической организации. В реализации стратегий информирования и аргументации в научных текстах наблюдается проявление нескольких тактик, прежде всего, апелляции к авторитетному источнику [Pinker 2010: 8996]:

Linguists such as Ray Jackendoff, George Lakoff, and Len Talmy have long noticed that constructions associated with concrete scenarios are often analogically extended to more abstract concepts. – Лингвисты, такие как Рэй Джекендофф, Джордж Лакофф и Лен Тэлми, давно заметили, что конструкции, связанные с конкретными сценариями, часто аналогично распространяются на более абстрактные понятия.

Ссылки на авторитетное лицо или источники информации могут сопровождаться цитированием и самоцитированием [Pinker 2010: 8993; Pinker 2004: 952]:

The upshot, claimed Wallace, was that «a superior intelligence has guided the development of man in a definite direction, and for a special purpose». – В результате, утверждал Уоллес, «высший разум направил развитие человека в определенном направлении и с особой целью».

There are indeed criteria that differentiate them (Pinker, 1989), but they have nothing to do with «syntactic frame competition» <...>. – Действительно, существуют критерии, которые их различают (Пинкер, 1989), но они не имеют ничего общего с «конкуренцией синтаксических фреймов» <...>.

В рассматриваемых научно-популярных публикациях С. Пинкера наблюдаются немногочисленные ссылки на источники, которые подтверждают точку зрения автора или дополняют излагаемые факты [Pinker 2015; Pinker 2014a]:

In short order I was gratifyingly defended by a number of linguists and language columnists (including Lane Greene, Oliver Kamm, Arnold Zwicky, and

Ben Zimmer) <...>. – Вскоре меня с удовлетворением поддержали несколько лингвистов и журналистов (включая Лейна Грина, Оливера Камма, Арнольда Цвикки и Бена Циммера) <...>.

The passive voice has long been dismissed as a hallmark of turgid prose. «Many a tame sentence», wrote Strunk and White in «The Elements of Style», «can be made lively and emphatic by substituting a transitive in the active voice for some such perfunctory expression as there is, or could be heard». – Страдательный залог долгое время считался отличительной чертой напыщенной прозы. «Многие скучные предложения, – писали Странк и Уайт в «Элементах стиля», – можно сделать живыми и выразительными, заменив переходное слово в активном залоге на какое-нибудь такое небрежное выражение, которое есть или могло бы быть услышано».

В научных работах С. Пинкера заметно употребление комментариев и вставных элементов в скобках, необходимых для реализации нескольких стратегий – информирования, аргументации и обеспечения доступности. Они могут содержать такие текстосмысловые элементы как уточнения, дополнения, краткие примеры, пояснения к терминам [Pinker 2004: 950; Pinker 2007a: 163; Pinker 2010: 8995]:

<...> it uses symbols such as «gift» and «recipient» each of which much be unpacked as further sequences of phrases and words (the pony, the pretty pony, the pretty pony with a black tail, the same kind of pony that I gave her, etc.). – <...> в нем используются такие символы, как «подарок» и «получатель», каждый из которых может быть распакован в виде дальнейших последовательностей фраз и слов (пони, симпатичная пони, симпатичная пони с черным хвостом, такая же пони, которую я ей подарил, и т.д.).

And it frames a family of empirical hypotheses, namely whether each of these faculties is an adaptation (a product of Darwinian natural selection), a by-product of adaptations (sometimes called «spandrels»), or the result of genetic drift or other random evolutionary processes. – И это формирует семейство эмпирических гипотез, а именно, является ли каждая из этих способностей

адаптацией (продуктом дарвиновского естественного отбора), побочным продуктом адаптаций (иногда называемых «спандрелами») или результатом генетического сдвига или других случайных эволюционных процессов.

Вставные элементы в скобках, используемые ученым в научно-популярных текстах, позволяют указать сокращенный вариант названия или языковой пример, внести уточнения или дополнения [Pinker 2014a; Pinker 2015]:

The verb changes to a participle (eat becomes eaten), which must be introduced by a form of be or get, or lurk in a subordinate clause (Stung by the review, he never wrote again). – Глагол меняется на причастие (*есть* становится *съеденным*), которое должно быть введено в форме *be* или *get*, или скрываться в придаточном предложении (*Уязвленный рецензией, он больше никогда не писал*).

But as a scientist who studies language for a living (and who has had to unlearn the bad habits of academic writing) I long ago developed my own opinions on why so much prose is so egregious. – Но как у ученого, который зарабатывает на жизнь изучением языка (и которому пришлось отказаться от вредных привычек академического письма), у меня давным-давно сложилось собственное мнение о том, почему так много прозы настолько вопиющей.

Среди вставок, позволяющих автору внести дополнительную субъективную информацию, важную роль играют акцентно-вероятностные вводные слова (*may be, perhaps, probably* и т.п.) и конструкции (*it can be, I think, I believe, I sense that* и т.п.). Широкое их использование в анализируемых публикациях отражает тематическую направленность исследований, построенных на гипотетических теориях.

В реализации стратегий информирования и аргументации идиостиль ученого проявляется посредством синтаксического построения текста. Так, научная статья «The cognitive niche: Coevolution of intelligence, sociality, and language» [Pinker 2010] начинается с уступительного сложноподчиненного предложения, выводя препозитивное придаточное при помощи союза

although в первую часть синтаксической конструкции. В предложениях данного типа придаточная часть сообщает информацию, вопреки которой совершается действие, отображенное в главном предложении, а яркость значению уступки добавляет союз с уступительной функцией в начале предложения [Золинова 2018: 228]. С помощью союзов данной категории реализуется тактический прием авторской оценки, отображающей ее логическую сторону. Таким образом, используя уступительные союзы, автор выражает свою позицию или отношение к взаимосвязанным или противопоставляемым событиям или явлениям. С. Пинкер неоднократно использует данную синтаксическую конструкцию:

Although adaptations to the cognitive niche confer obvious advantages in any natural environment, they are insufficient for reasoning in modern institutions such as science and government. – **Несмотря на то, что** адаптация видов в рамках когнитивной ниши предоставляет очевидные преимущества в любой природной среде, этого понимания все равно недостаточно для поднятия этого вопроса в современных научных или правительственных кругах.

Выбор одной и той же синтаксической модели построения фраз с союзом *although* является одним из приемов, характеризующих идиостилевые доминанты языковой личности ученого. Предпочтение в выборе данной конструкции обусловлено, с одной стороны, наличием языковых ресурсов в оформлении рассуждений в рамках научного стиля, требующего четкой структурированности и логической связанности языковых единиц внутри предложения или между предложениями. С другой стороны, использование предложений данного типа позволяет ученому реализовать стратегию аргументации, демонстрируя прием противопоставления противоположных идей.

Выражение авторской точки зрения в научных статьях С. Пинкера тесно связано с тактикой оценочности, содержащей как одобрение, так и критику [Pinker 2004: 949; Pinker 2007a: 169]:

MacWhinney is to be commended for reopening questions about the logical problem of language acquisition in the light of new data and models. Unfortunately, his discussion is marred by technical errors, false dichotomies, and inadequate attention to detail. – МакВинни **заслуживает похвалы** за то, что он вновь поднял вопросы о логической проблеме овладения языком в свете новых данных и моделей. **К сожалению**, его обсуждение омрачено техническими ошибками, ложными дихотомиями и недостаточным вниманием к деталям.

I think all three beliefs are false, and that ultimately they may damage this nascent field. – Я думаю, что все три убеждения **ложны** и что в конечном счете они могут нанести ущерб этой зарождающейся области.

В научно-популярных текстах автор активно прибегает к оценочности, которая часто имеет эмоциональный характер, например [Pinker 2015]:

Contrary to the ubiquitous moaning about the imminent demise of the language, this is not a new problem. – Вопреки повсеместным стенаниям по поводу неминуемой кончины языка, **это не новая проблема**.

I was not so surprised, because that magazine has a long history of publishing haughty dismissals of dictionaries and other works on language that are informed by modern linguistics. – Я не был так уж удивлен, потому что этот журнал имеет долгую историю публикации **высокомерных** отзывов о словарях и других работах по языку, основанных на современной лингвистике.

Indeed, the most positive review of all was from the editor of an academic journal who was fed up with the muddy prose in the submissions she had to deal with and commanded contributors to the journal to buy it. – Действительно, самый положительный отзыв из всех был от редактора академического журнала, **сытой по горло мутной прозой** в материалах, с которыми ей приходилось иметь дело, и приказавшей авторам журнала купить его.

Некоторые отличительные черты идиостиля ученого выявляются в способах реализации одновременно нескольких стратегий – информирования

и обеспечения достоверности, а также доступности. Одной из таких авторских особенностей является многократное использование относительных предложений с местоимениями *who* и *which* в научных и научно-популярных текстах, например [Pinker 2010]:

*The second hypothesis is that humans possess an ability of metaphorical abstraction, **which** allows them to coopt faculties that originally evolved for physical problem-solving and social coordination <...>. – Вторая гипотеза заключается в том, что люди обладают способностью к метафорической абстракции, **которая** позволяет им использовать способности, изначально развившиеся для решения физических проблем и социальной координации <...>.*

Синтаксический вид конструкции, представленный в примере, относится к аппозитивному классу относительных предложений. С семантической точки зрения аппозитивные предложения служат для передачи дополнительной фоновой информации об объекте речи. Кроме того, их употребление способствует достижению текстового разнообразия и семантической ясности. Использование относительных предложений характерно для научного дискурса, содержание которого связано с необходимостью вносить дополнения и авторские пояснения к излагаемой информации, терминам и понятиям. Местоимения *which* и *who* превращают структуру относительных предложений в объектно-ориентированную, что способствует более легкому усвоению информации читателем.

Неотъемлемыми компонентами научного и научно-популярного дискурса являются термины. Ориентируясь на компетентного читателя, автор научного текста употребляет термины, не прибегая к пояснениям: *ASPM gene, microcephaly, orthogenetic theory* [Pinker 2010: 8995,8996] и т.п.

В анализируемых научно-популярных публикациях С. Пинкера специальные термины практически отсутствуют. Можно привести в качестве примера использование термина, значение которого можно понять лишь благодаря контексту [Pinker 2014b]:

In explaining any human shortcoming, the first tool I reach for is Hanlon's Razor. – При объяснении любого человеческого недостатка первым инструментом, к которому я прибегаю, является принцип бритвы Хэнлона.

Следующие фрагменты содержат наименования, которые будут понятны адресату, знакомому с латинскими выражениями или новыми технологиями [Pinker 2015]:

*While I am fascinated by the linguistic exuberance of the **vox populi**, I'd be the first to argue that having prescriptive rules is desirable, indeed indispensable, in many arenas of writing.* – Хотя я очарован лингвистическим изобилием **vox populi**, я был бы первым, кто заявил бы, что наличие предписывающих правил желательно, даже необходимо, во многих сферах письменной деятельности.

*Once you understand that prescriptive rules are the conventions of a specialised form of the language, most of the **iptivist** controversies evaporate.* – Как только вы поймете, что предписывающие правила – это условности специализированной формы языка, большинство противоречий между айптивистами исчезнет.

Свои особенности в публикациях С. Пинкера имеет стратегия самопрезентации. Авторское присутствие в тексте является важным индикатором идиостиля ученого. Как было отмечено ранее, тенденция к обезличенности характерна для научной коммуникации, поэтому отсутствие ссылок на собственное «я» рассматривается как одно из средств научного убеждения, независящего от позиции автора. Что касается научных публикаций С. Пинкера, то в них наблюдается активное использование личного местоимения первого лица *I*. Данный факт свидетельствует о идиостилевой особенности языковой личности ученого, предпочитающего эксплицитировать авторское «я».

Отдельные исследования маркеров самоупоминания в англоязычных научных статьях показывают, что компетентные, опытные авторы, используя местоимения «we», «I», а также «my», «our», «us», описывают процедуру

исследования, выражают свою уверенность в излагаемых результатах, подчеркивают убедительность аргументов и тем самым проявляют свою идентичность [Firdaus et al. 2021: 44].

Примеры использования личного местоимения первого лица в публикациях С. Пинкера указывают на определенные функциональные и прагматические особенности их употребления в научном и в научно-популярном текстах. В частности, в научном дискурсе автор может выступать в роли участника дискуссии, о чем свидетельствуют употребления конструкций, позволяющих выразить собственное мнение (*I believe, я считаю*). Личное местоимение *I* подчеркивает неоспоримость авторской позиции и усиливает воздействие на адресата.

В анализируемых научно-популярных текстах употребление личного местоимения первого лица *I* также может выступать приемом авторского присутствия. Так, в публикации «Неправильные глаголы» автор подчеркивает местоимением свое личное отношение к обсуждаемой теме [Pinker 2000]:

I like the irregular verbs of English, all 180 of them, because of what they tell us about the history of the language and the human minds that have perpetuated it. – Мне нравятся неправильные глаголы английского языка, все 180 из них, из-за того, что они рассказывают нам об истории языка и человеческих умах, которые ее увековечили.

В другой статье употребление местоимения *I* связано с реализацией приема апелляции к личному опыту: ученый делится с читателем ситуациями из своей жизни, подкрепляя теорию фактами из реальной жизни [Pinker 2014b]:

I go to a website for a trusted-traveler program and have to decide whether to click on GOES, Nexus, GlobalEntry, Sentri, Flux or FAST –bureaucratic terms that mean nothing to me. – Я захожу на веб-сайт программы доверенных путешественников и должен решить, выбрать ли GOES, Nexus, GlobalEntry,

Sentri, Flux или FAST – бюрократические термины, которые для меня ничего не значат.

Примером использования местоимения *I* в качестве повествования от первого лица может служить статья «Many of the alleged rules of writing are actually superstitions», посвященная проблеме правил письма [Pinker 2015]. Авторское присутствие выражается в ссылках на личный опыт и в выражении своего отношения к рассматриваемым вопросам:

After two decades of writing popular books and articles about language, I've learned that people have strong opinions on the quality of writing today, with almost everyone finding it deplorable. – После двух десятилетий написания популярных книг и статей о языке **я узнал**, что сегодня у людей сложилось твердое мнение о качестве письма, и почти все считают его прискорбным.

*The last straw in my decision to sit down and write the book was getting back a manuscript that had been mutilated by a copy editor who, **I could tell**, was mindlessly enforcing rules that had been laid out in some ancient style book as if they were the Ten Commandments.* – Последней каплей в моем решении сесть и написать книгу стало возвращение рукописи, которая была изуродована редактором, который, **я могу сказать**, бездумно применял правила, изложенные в какой-то древней книге, как если бы они были десятью заповедями.

В целом частотность языковой репрезентации авторского присутствия указывает на лингво-социальную важность реализации языковой личности автора для получения возможности ознакомить читателя с индивидуально-авторской картиной мира.

Стратегия взаимодействия с адресатом в анализируемых публикациях ученого проявляется, прежде всего, в реализации категории диалогичности, предполагающей выражение позиции адресанта и направленности его речи на адресата [Прохватилова 2021: 178]. Одним из проявлений диалогичности является использование вопросно-ответных комплексов. В приведённом ниже фрагменте из научной статьи С. Пинкер задает комплексный вопрос,

ответ на который является своего рода приглашением адресата к дальнейшему рассмотрению гипотез и к последующим рассуждениям совместно с автором текста [Pinker 2010]:

Nonetheless it is appropriate to engage the profound puzzle he raised; namely, why do humans have the ability to pursue abstract intellectual feats such as science, mathematics, philosophy, and law, given <...>? I suggest that the puzzle can be resolved with two hypotheses. – Тем не менее, необходимо рассмотреть значимый вопрос, который он поднял; а именно, почему люди обладают способностью заниматься абстрактной интеллектуальной деятельностью, такой как наука, математика, философия и юриспруденция <...>? Я полагаю, что раскрыть данный вопрос возможно при помощи двух гипотез.

Стратегическая направленность научного текста заключается в аргументированном изложении авторских идей, убеждении адресата-профессионала в достоверности научных результатов и вовлеченности читателя в ход авторских рассуждений. Поэтому взаимодействие автора научного текста с научным сообществом является не просто коммуникативным приемом, но и способом репрезентации способностей языковой личности ученого выражать субъективное мнение, а также побуждать читателя к совместным рассуждениям [Викулова и др. 2021: 209-210].

Стремление автора к участию в процессе статусной коммуникации определяет научный стиль и привлекает внимание читательской аудитории, поощряя реальное взаимодействие адресанта и адресата [Викулова и др. 2021: 206-207]. В следующем примере автор ставит вопросы, разворачивая повествование в виде диалога между «своей» и «чужой» речью, аргументированно раскрывает свою позицию [Pinker 2004: 952]:

The general problem is that MacWhinney leaves the key assumptions unstated. He invokes «competition» without specifying which entities compete with which other ones. (What about synonymous words, or synonymous constructions,

especially in free-word-order languages?) He invokes «item-based learning» without specifying what the «items» are (rote word strings? constructions? what defines a construction?). – Общая проблема заключается в том, что МакВинни оставляет ключевые допущения невысказанными. Он ссылается на «конкуренцию», не уточняя, какие объекты конкурируют с какими другими. (А как насчет синонимичных слов или синонимичных конструкций, особенно в языках со свободным порядком слов?) Он обращается к «обучению на основе элементов», не уточняя, что это за «элементы» (заученные строки слов? конструкции? что определяет конструкцию?).

Взаимодействие с адресатом в научно-популярных публикациях С. Пинкера также проявляется прежде всего в использовании вопросно-ответных комплексов, которые в такого рода текстах призваны заинтересовать адресата и вызвать у него ощущение непосредственного участия в дискуссии, создавая в тексте полемическую ситуацию [Баранова 2012: 124]. Так, в следующем фрагменте актуальность вопроса и некатегоричный ответ на него побуждают читателя к полемике, к прочтению последующих рассуждений автора [Pinker 2014]:

Why is so much writing so bad? Why is it so hard to understand a government form, or an academic article or the instructions for setting up a wireless home network? The most popular explanation is that opaque prose is a deliberate choice. – Почему вокруг так много плохо написанных текстов? Почему так сложно понять стандартную форму государственного документа, научную статью или инструкцию по настройке беспроводной домашней сети? Самое простое объяснение этому явлению состоит в том, что усложнение текста – это осознанный выбор автора.

В следующем диалоге с читателем ученый, предполагая, какой мог бы быть ответ на поставленный вопрос, создает ситуацию дискуссии [Pinker 2014]:

How can we lift the curse of knowledge? The traditional advice-always remember the reader over your shoulder – is not as effective as you might think. –

Как снять проклятье знания? Традиционный совет «всегда помнить о своем читателе» не так эффективен, как вы могли бы подумать.

Вопросительное предложение в данном примере возвращает читателя к основной теме работы и привлекает внимание к ключевому вопросу статьи. Автор использует риторический вопрос в качестве дискуссионного феномена, и, предугадывая ответ адресата в следующем предложении, ученый устанавливает контакт с читателем.

Постановка вопроса служит также основанием для выражения и обоснования своего мнения [Pinker 2015]:

Why would the New Yorker (and a handful of like-minded literary critics) have such a problem with the seemingly congenial project of applying new scholarship to improving the clarity and grace of modern prose? My own theory is that their recoil is a symptom of what CP Snow called the «Second Culture» of literary intellectuals and critics. – Почему у The New Yorker (и горстки литературных критиков-единомышленников) возникли такие проблемы с, казалось бы, близким по духу проектом применения новых научных знаний для улучшения ясности и изящества современной прозы? Моя собственная теория заключается в том, что их отторжение является симптомом того, что К.П. Сноу назвал «Второй культурой» литературных интеллектуалов и критиков.

Необходимо отметить, что диалогичность является ключевым признаком научно-популярного стиля, а средства выражения данной категории проявляются в более явной ориентированности на адресата, чем в текстах научного стиля. Прием проявления интерсубъектного взаимодействия в анализируемых научно-популярных статьях выступает многократное употребление местоимения *you*, выступающего маркером непосредственного обращения к читателю [Pinker 2014]:

If you are like me you will find yourself thinking. – Если вы такой же, как я, то начнете думать.

*Much advice on writing has the tone of moral counsel, as if being a good writer will make **you** a better person.* – Большое количество советов по написанию текстов даются с позиции нравственности, как будто если вы будете хорошим писателем, то сразу станете и хорошим человеком.

Анализ приведенных примеров позволяет прийти к заключению о стремлении автора сделать своего читателя главным героем повествования. Автор, обращая адресата в непосредственного участника процесса рассуждений по поводу рассматриваемой проблемы, расширяет границы его личного опыта.

Следует указать, что доля использования местоимения второго лица в научных статьях ученого, по сравнению с научно-популярными текстами, незначительна. Следующий пример, использованный автором для иллюстрации своих идей, представляет собой случай многократного употребления местоимения *you* в связанных между собой предложениях [Pinker 2010]:

*If I give **you** a fish (a rival good), I no longer have the fish; as the saying might have gone, **you** cannot eat your fish and have it. But if I teach **you** to fish, it does not mean that I am now amnesic for the skill of fishing; that valuable commodity now exists in twice as many copies.* – Если я отдам вам свою рыбу (как эксклюзивный продукт), у меня ее больше не будет; иными словами, нельзя съесть рыбу и одновременно остаться при ней. Но если я научу вас ловить рыбу, то это не будет значить, что я тут же сам забуду, как это делать; таким образом, этот ценный навык удвоился.

Обращение к читателю научной статьи способствуют достижению эффекта присутствия адресата в тексте. В приведенном выше примере местоимение второго лица позволяет автору конкретизировать и персонифицировать ситуацию, приводя вымышленный пример, что подтверждается использованием конструкций условного наклонения (*If I give you.../ But **if** I teach you...*). Такой прием является действенным способом взаимодействия с адресатом, установления с ним контакта.

Тактика коммуникативного равенства во взаимодействии с адресатом, которая реализуется с помощью местоимения первого лица множественного числа «we» (в значении ‘мы с вами’), наблюдается в текстах научно-популярного дискурса, например [Pinker 2000]:

So, every time we use an irregular verb, we are continuing a game of Broken Telephone that has gone on for more than five thousand years. – Поэтому каждый раз, когда **мы** используем неправильный глагол, **мы** продолжаем игру в сломанный телефон, которая продолжается уже более пяти тысяч лет.

В качестве приема реализации стратегии взаимодействия с адресатом ученый активно использует словесную образность, в том числе, в анализируемых научных статьях [Pinker 2007a: 165; Pinker 2010: 8994]

The analogy of cultural change as to biological evolution leaves the human mind out of the picture entirely. To use an apposite cliché, this is like Hamlet without the Prince of Denmark. – Аналогия культурных изменений с биологической эволюцией полностью исключает человеческий разум из общей картины. Используя подходящее клише, это похоже на Гамлета без принца Датского.

Journalists say that when a dog bites a man, that is not news, but when a man bites a dog, that is news: the power of grammar is that it allows us to convey news, by arranging familiar words in novel combinations. – Журналисты говорят, что когда собака кусает человека, это не новость, но, когда человек кусает собаку, это новость: сила грамматики в том, что она позволяет нам передавать новости, выстраивая знакомые слова в новые сочетания.

Первый фрагмент содержит образное сравнение, иллюстрирующее два разных эволюционных процесса. Во втором случае яркий пример наглядно демонстрирует иерархические конфигурации в грамматике.

Эмоциональная насыщенность характерна для научно-популярных публикаций С. Пинкера. В них наблюдаются не только образность, но и ирония, а также игра слов. Обратимся к примерам. Рассматривая особенности

неправильных глаголов, ученый прибегает к приему персонификации, наделяя глаголы определенными действиями [Pinker 2000]:

I especially like the way that irregular verbs graciously relinquish their past tense forms in special circumstances, giving rise to a set of quirks that have puzzled language mavens for decades <...>. – Мне особенно нравится, как неправильные глаголы любезно отказываются от своих форм прошедшего времени в особых обстоятельствах, порождая ряд причуд, которые десятилетиями озадачивали знатоков языка <...>.

But many of the irregulars can sleep securely, for they have two things on their side. One is their sheer frequency in the language. – Но многие из неправильных могут спать спокойно, потому что на их стороне две вещи. Одной из них является их абсолютная частота в языке.

Применение такого стилистического приема решает задачу обеспечения доступности в изложении материала и делает непростую тему привлекательной.

Иногда ученый иронизирует по поводу того, что не было допущено ошибок в речи [Pinker 2000]:

I even enjoyed a (gotcha!) moment when an editor of the venerated Chicago Manual of Style used who's in place of whose. – Мне даже понравился (попался!) момент, когда редактор уважаемого Чикагского руководства по стилю использовал «кто есть кто» вместо «чей».

В другой статье, посвященной пассивному залогу, автор в своем ироничном замечании использует игру слов [Pinker 2014a]:

Yes, bad writers overuse the passive. But the passive is not just something that is overused by bad writers. – Да, плохие писатели злоупотребляют пассивом. Но пассив – это не то, чем злоупотребляют плохие писатели.

В целом особенности стратегической организации научного и научно-популярного дискурса данной языковой личности проявляются в таких авторских приемах, как использование средств художественной выразительности, наличие диалогичности, отображение своей точки зрения

при помощи определенных грамматических структур. Отличительная особенность реализации коммуникативных стратегий в научно-популярном дискурсе проявляется в большем разнообразии приемов и коммуникативных ходов, направленных на взаимодействие с адресатом. Примеры объемного содержания, образные средства, включающие персонификацию, иронию, игру слов, а также апелляция к собственному опыту позволяют ученому расширит возможности проявления индивидуального стиля.

Наглядно данные сравнительного анализа отражены в таблице характеристик идиостиля С. Пинкера в контексте реализации авторских стратегий (Таблица 7).

Таблица 7. Характеристики идиостиля С. Пинкера в контексте реализации авторских стратегий в научном и научно-популярном дискурсе.

Стратегии	Тактики и приемы	Научный дискурс	Научно-популярный дискурс
композиционная	прием композиционного построения текста	<i>обязательные компоненты текста как репрезентанта научного дискурса, оригинальный заголовок</i>	предтекст, вводящий в тему и проблему исследования; оригинальный заголовок
информирования	тактики объяснения, уточнения и дополнения	интерпретация, уточнение содержания терминов, примеры, <i>ссылки на экспериментальные данные, теории, цитирование, самоцитирование</i>	научная терминология (<i>редко</i>), интерпретация, уточнение содержания термина, <i>ссылки на источники</i> , примеры
	прием вставных (текстосмысловых) элементов в скобках	<i>комментарии, дополнения, уточнения, ссылки на научные и литературные источники, трактовка терминов, аббревиатуры, примеры</i>	дополнения, уточнения, эмоционально-оценочные элементы, примеры
аргументации	тактика убеждения, тактика апелляции к оценке, тактика апелляции к авторитетному мнению	выражение авторской позиции, оценка, приемы эмотивной оценки, ссылки на авторитетные источники, <i>ссылки на экспериментальные данные, теории, цитирование,</i>	выражение авторской позиции, оценка, эмоционально-оценочная лексика, приемы эмотивной оценки, <i>ссылки на авторитетное лицо или текстовые</i>

		<i>самоцитирование</i>	<i>источники</i>
	прием вставных (текстосмысловых) элементов в скобках	выражение авторской позиции, <i>ссылки на авторитетное лицо или данные</i> , примеры	выражение авторской позиции, <i>эмоционально-оценочные элементы</i> , примеры
обеспечение достоверности	прием конкретизации сведений и источников	ссылки на текстовые источники, <i>на фактический материал</i> , примеры	ссылки на текстовые источники, <i>на фактический материал</i> , примеры
обеспечение доступности	тактика объяснения	пояснения, примеры, факты, <i>языковые примеры, пояснения к терминам</i>	пояснения, примеры <i>объемного содержания</i> , факты, <i>языковые примеры</i>
самопрезентации	тактика авторского присутствия	<i>безличный формат</i> , авторское «я», самоупоминание	авторское «я», самоупоминание, <i>примеры из личного опыта</i>
взаимодействия с адресатом	тактика коммуникативного равенства	«мы», «наше» в значении 'я и вы', 'мы с вами' (редко)	«мы», «наше» в значении 'я и вы', 'мы с вами'
	тактика адресации	местоимение «вы» (редко)	местоимение «вы», <i>прямые обращения к адресату</i>
	тактика постановки вопроса	риторический вопрос, <i>медитативный вопрос</i> , вопросно-ответный комплекс (редко)	риторический вопрос, <i>вопрос к адресату</i> , вопросно-ответный комплекс
	тактика эмоционального воздействия	словесная образность	словесная образность, <i>персонификация, риторическое восклицание, ирония, игра слов</i>

Результаты количественного анализа используемых С. Пинкером языковых средств отражены в таблице (Таблица 8), демонстрирующей сравнительные данные и указывающей на особенности индивидуального авторского стиля ученого.

Таблица 8. Сравнительные количественные данные о языковых средствах в научных и научно-популярных публикациях С. Пинкера

Языковые средства	Научный дискурс	Научно-популярный
-------------------	-----------------	-------------------

	(10 тыс. слов)	дискурс (10,2 тыс. слов)
ссылки на авторитетное лицо	48	4
ссылки на источники	35	10
ссылки на экспериментальные данные, теории	1	
самоупоминание	10	7
вводные слова	56	11
акцентно-вероятностные вводные элементы	41	-
клише	19	5
примеры	37	42
примеры из личного опыта	-	5
комментарии	93	5
вставные элементы в скобках	118	23
термины без пояснения	120	4
пояснение термина	12	2
цитаты	20	5
оценочная лексика (нейтральная)	65	7
оценочная лексика (критика)	19	27
лексика эмоциональной оценки	16	21
образность	48	45
местоимение «я»	31	21
местоимение «мы» (эгоидентичное)	15	-
местоимение «мы» ('мы с вами') / «наш»	5/0	20
местоимение «вы» / «ваше»	6	25/13
обращение к адресату	1	8
риторический вопрос	11	3
вопросно-ответный комплекс	2	12
риторическое восклицание	-	2
апелляция к фоновым знаниям	-	-

Демонстрируемые данные указывают на то, что наиболее высокие показатели использования имеют вставные элементы в скобках, комментарии и вводные слова, свидетельствующие о такой особенности речевого поведения ученого как стремление к пояснениям и выражению своей позиции. В соответствии с нормами научного стиля ученый использует большое количество специальных терминологических единиц, не прибегая к их пояснению (*abductive, domain-specificity, mental module, the linguistic adaptations comprise, the combinatorial apparatus for grammar, the syntact* и т.д.). В научно-популярных текстах их количество незначительно. Практически равное количество в рассматриваемых дискурсах составляют

примеры, что указывает на стремление ученого иллюстрировать высказывания, повышая уровень достоверности и доступности информации.

Существенное место в обоих дискурсах занимают оценочная лексика и образные средства. Обращает на себя внимание тот факт, что критическая оценка наблюдается не только в научных статьях, но и в научно-популярных публикациях ученого. Значительное количество употреблений образных средств подчеркивает такое индивидуальное свойство личности, как возможность отойти от строгости научного контекста. Показателем активного взаимодействия с адресатом в научно-популярном дискурсе является довольно заметное употребление инклюзивного местоимения «мы» и местоимения «вы», а также вопросно-ответных комплексов.

В целом проанализированные работы С. Пинкера отличаются отступлениями от академического стиля, о чем упоминает сам ученый. Независимо от типа дискурса способы реализации авторских стратегий направлены, прежде всего, на выражение авторской позиции и на взаимодействие с адресатом. Выявленные особенности являются значимыми параметрами языковой личности ученого, отвечающими показателям индивидуальности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Проведенное исследование языковых особенностей реализации коммуникативных стратегий и тактик в научных и научно-популярных публикациях известных ученых показало, что проявление языковой индивидуальности авторов строится с учетом коммуникативно-прагматической направленности и жанрово-стилевой специфики. Количественный анализ языковых средств проявления идиостиля ученых в научном и научно-популярном дискурсе позволил обнаружить различную степень их присутствия в анализируемых дискурсах.

2. Важной общей чертой научного дискурса является акцентирующее внимание к сообщаемой информации, к ее достоверности, что выражается в использовании приемов конкретизации сведений и источников, апелляции к авторитетному лицу, а также к доступности, о чем свидетельствует большой объем комментариев в скобках. На фоне представления научного знания в максимально объективной форме в публикациях ученых обнаруживается тенденция к отступлению от традиционных норм научного стиля, состоящему в стремлении к открытой авторской модальности, к проявлению образности и экспрессивности.

3. Отличительной чертой научно-популярного дискурса является преобладание тактик ориентирования на адресата, на активное взаимодействие с ним. Установлено, что ученые активно обращаются к тактике диалогизации, используя приемы постановки вопроса, побуждения к совместным обсуждениям или размышлениям, а также употребляя местоимения «вы» и «мы» (в значении 'мы с вами').

4. Выявлено, что несмотря на общность стратегической организации рассмотренных текстов в использовании тактических приемов и их языкового воплощения обнаруживается индивидуальный авторский подход. Характерное для ученых стремление выразить свое отношение к передаваемой информации реализуется при помощи тактики оценки и

приема включения вводных элементов. В идиостиле Т.В. Черниговской оценочная лексика занимает важное место и преобладают эмоционально-оценочные компоненты. В работах С.А. Бурлак и С. Пинкера более заметны критические оценки. Среди вводных элементов, позволяющих авторам внести дополнительную субъективную информацию, важную роль играют акцентно-вероятностные вводные слова и конструкции. Широкое их использование в анализируемых публикациях С.А. Бурлак и С. Пинкера отражает тематическую направленность исследований, построенных на гипотетических теориях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование представляет собой попытку изучения проявления идиостиля ученого в научном и научно-популярном дискурсе с позиций дискурсивного анализа и коммуникативной лингвистики. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Проявление идиостиля ученого в контексте научной и популяризаторской публикационной деятельности связано с представлением о специфике научного и научно-популярного дискурса, в пространстве которых реализуются индивидуализированные способы передачи научных знаний. Рассмотрение актуальных на сегодняшний день трактовок понятия «дискурс» позволило заключить, что дискурс содержит многоуровневую характеристику, включает объединение текстов как продуктов коммуникативной деятельности, относящихся к конкретной сфере, отражает коммуникативную ситуацию и намерения адресанта. В ходе сравнительного анализа были установлены основания для разграничения научного и научно-популярного дискурса, которыми служат цели и интенции субъекта коммуникации, адресованность профессионалу или неспециалисту; способ взаимодействия с адресатом. Установлено, что применительно к научно-популярному дискурсу коммуникативные стратегии обозначаются как стратегии популяризации. Таким требованиям отвечают тактики и приемы повышения доступности изложения, снижения категоричности, экземплификации, диалогизации, эмоционализации, экспликации и упрощения.

Выявлено, что дискурс обладает связью с конкретным стилем и жанром, что в совокупности определяет особенности его разновидностей. Научно-популярный стиль рассматривается как разновидность научного стиля, что подтверждается такими общими чертами как использование общенаучной лексики и терминологических единиц. Специфика стилей проявляется в выборе языковых средств. Установлено, что жанровое разнообразие научных и научно-популярных текстов подчиняется таким

закономерностям как реализация отдельного жанра разными стилями и употребление одного и того же стиля в разных жанрах.

Определено, что идиостиль предстает как индивидуализированный комплекс языковых средств, направленных на формирование представлений о концептуальном мире ученого, и составляет часть характеристики его языковой личности. Языковая личность предстает как субъект коммуникации, который передает свою идентичность посредством индивидуального языкового оформления речи. В работе принято положение о том, что важной составляющей проявления индивидуальности посредством речевого поведения являются разноуровневые языковые средства, репрезентирующие коммуникативные стратегии и тактики, допустимые к применению в конкретном дискурсе.

Проведенный сравнительный анализ языковых особенностей реализации коммуникативных стратегий и тактик в рассмотренных научных и научно-популярных публикациях ученых указывает на отдельные различия в репрезентации идентичных стратегий в зависимости от авторских целевых установок и интенций. Доказывается, что специфика проявляется в выборе коммуникативных тактик, которые предполагают использование разных приемов, соответствующих конкретным коммуникативным задачам. В научном дискурсе ученые усиливают тактику убеждения и аргументации посредством цитирования, подстрочных ссылок, вводных слов и вставных элементов, а также расширяют тактические приемы постановки вопроса за счет включения медитативного вопроса. Для научно-популярного дискурса характерно повышение доступности изложения и взаимодействия с адресатом путем использования объемных или образных примеров, экспликации терминов, апелляции к личному опыту или опыту адресата, средств диалогизации, эмоционально-экспрессивных средств.

Комплексный подход к исследованию идиостиля ученого определил единицы анализа и методы их описания. В исследовании была предложена методика описания языковых единиц, используемых в научных и научно-

популярных публикациях, которая включала извлечение языковых единиц разного уровня на основе изучения их потенциала к выражению авторских стратегий и тактик; осуществление классификации выявленных языковых средств в соответствии со способами реализации коммуникативно-прагматических задач и с учетом жанровой разновидности текстов. Количественный анализ языковых средств проявления идиостиля ученых в научном и научно-популярном дискурсе позволил обнаружить различную степень их присутствия в анализируемых дискурсах и выявить присущие авторскому стилю языковые доминанты.

На основе представленных заключений об особенностях используемых учеными языковых средств сделаны следующие выводы. Значительное дискурсивное различие касается таких показателей, как ссылки на источники, цитаты, клише, комментарии и термины без пояснений. Их преобладание в научном дискурсе свидетельствует о соответствии авторских публикаций установленным требованиям. Установлено, что заметным приемом в обеих разновидностях дискурса выступает активное включение вводных и вставочных элементов. В научном дискурсе преобладают акцентно-утвердительные вводные слова, акцентирующие внимание на высказывании, подтверждении фактов, достоверности информации, примерах, подтверждении фактов, согласии, сравнении точек зрения, подчеркивании субъективной точки зрения, обобщении. Доминируя в научно-популярных публикациях отечественных ученых, вводные элементы сохраняют те же функции и вместе с тем оптимизируют общение с адресатом. Активность использования акцентно-вероятностных элементов характерна для ученых, чьи публикации отличаются направленностью исследований, в которых преобладают гипотетические теории (С.А. Бурлак, С. Пинкер). Вставные элементы в скобках, занимающие значительное место, прежде всего, в научном дискурсе, позволяют ученым привлечь внимание к информации, требующей дополнений, уточнений или комментариев, а также пояснений к

терминам. Вставки в популярных лекциях и интервью содержат комментарии эмоционально-оценочного характера или обращения к адресату.

Выявлено, что потребление личных местоимений «я» и «мы» (как ‘я’ или ‘научное сообщество, ученые’) соответствует степени проявления самопрезентации ученого и подчеркивает его индивидуальную особенность. Существенный процент использования в научно-популярном дискурсе инклюзивного местоимения «мы» в значении ‘мы с вами’, ‘мы, люди’ свидетельствует о стремлении авторов достичь большего прагматического эффекта во взаимодействии с адресатом. Выраженными средствами диалогичности, характерной для научно-популярного стиля, выступают риторические вопросы и восклицания, а также вопросно-ответные комплексы, отражающие состояние эмоционального размышления. Выявляется присущая всем трем авторам тенденция к использованию эмоционально-оценочных и образных средств, которые вносят разнообразие в сдержанный стиль научного дискурса и расширяют возможности установления контакта в публичном общении с адресатом посредством занимательных и наглядных форм представления научной информации.

Полученные количественные результаты свидетельствуют о присущих авторскому стилю языковых доминантах. Ключевыми характеристиками идиостиля Т.В. Черниговской являются: композиционное построение дискурса с использованием нестандартных форм предтекстовой части; предпочтительные тактики оценивания и эмоционализации; доминантное употребление языковых средств образности, частотное присутствие личных местоимений первого лица при реализации стратегии взаимодействия с адресатом. Отличительные черты идиостиля С.А. Бурлак проявляются в синтезе тактик при реализации стратегий; доминантном употреблении вставных элементов, высокой частотности использования акцентно-вероятностных вводных единиц, примеров, а также инклюзивного «мы» в научно-популярном дискурсе. Идиостиль С. Пинкера характеризуется преобладанием тактик авторского присутствия, оценочности и

диалогичности; высоким показателем вставочных элементов, стремлением к экземплификации и образности при реализации стратегии взаимодействия с адресатом.

В целом результаты проведенного исследования позволяют выделить следующие общие особенности идиостиля ученых: следование основным требованиям стиля в рамках соответствующего дискурса, отступление от устоявшихся норм в направлении эмоционально-образного выражения авторской позиции и проявление присущих каждой из языковых личностей индивидуальных черт, отображенных в научном и научно-популярном дискурсе.

Перспективы настоящего исследования видятся в возможности дальнейшего исследования идиостиля ученых с учетом расширения эмпирического материала – привлечения к изучению других жанров научного и научно-популярного дискурса. В частности, интерес представляет специфика проявления индивидуального авторского стиля в монографическом труде, а также в ситуации непосредственного общения с адресатом. Перспективным представляется продолжение исследования в аспекте изучения концептуальных доминант языковой личности ученого.

Прикладной аспект проведенного исследования заключается в возможности применения основ дискурсивного подхода к текстообразованию в курсах по выбору по проблемам лингвистики текста, дискурсивного анализа, методологии лингвистических исследований, лингвистической прагматики. Материал исследования в перспективе может быть дополнен и переработан в методические рекомендации к исследовательской работе с источниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаева, О. Б. Стратегия самопрезентации адресанта как компетентного ученого в лингводидактическом дискурсе / О. Б. Адаева // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2014. – № 2. – С. 186–188. – Текст: непосредственный.
2. Акаева, Э. В., Винокурова, Т. Н. Диалогичность научного текста в английском языке / Э. В. Акаева, Т. Н. Винокурова // Вестник самарского университета. История, педагогика, филология. – 2019. – № 1. – С. 132–135. – Текст: непосредственный.
3. Аксенова, А. В. Стратегия самопрезентации как средство формирования имиджа в разных видах дискурса / А. В. Аксенова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2013. – № 15. – С. 109–114. – Текст: непосредственный.
4. Алексеева, Л. М., Мишланова, С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа: монография / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002. – 200 с. – Текст: непосредственный.
5. Алефиренко, Н. Ф. Проблема соотношения речевого жанра и дискурса / Н. Ф. Алефиренко // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2009. – № 2. – С. 53-61. – Текст: непосредственный.
6. Амерханова, О. О., Сысоев, П. В. Обучение письменному научному дискурсу аспирантов на основе тандем-метода / О. О. Амерханова, П. В. Сысоев // Язык и культура, НИ ТГУ. – 2016. – № 4(36). – С.149-169. – Текст: непосредственный.
7. Ариас, А-М. Стилль текста и текстовый дизайн: к определению понятий / А-М. Ариас // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. – 2016. – № 2(54). – С. 40-42. – Текст: непосредственный.

8. Арсеньева, Т. Е. Коммуникативная тактика сообщения новостей в просветительском радиодискурсе (на материале программы «Говорим по-русски») / Т. Е. Арсеньева // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – С. 12-14. – Текст: непосредственный.

9. Арсеньева, Т. Е. Научные новости в непрофильных медиа: дополнительная экспертиза как признак качественного материала / Т. Е. Арсеньева // Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа. – Вып. 8. – СПб.: Медиапайр, 2021. – 410 с. – Текст: непосредственный.

10. Арсеньева, Т. Е. Реализация тактики коммуникативного равенства в просветительском радиодискурсе (на материале программы «говорим по-русски») / Т. Е. Арсеньева // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 5(42). – С. 293-296. – Текст: непосредственный.

11. Афинская, З. Н. О языковой личности эмигранта / З. Н. Афинская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 11(804). – С. 39-48. – Текст: непосредственный.

12. Ашимова, А. Ф. Идиостиль как проявление языковой личности автора на примере романа «Доктор Живаго» / А. Ф. Ашимова // Вестник Минского университета. – 2013. – № 3. – С. 1-6. – Текст: непосредственный.

13. Багиян, А. Ю. Детерминологизация английской технической терминологии в научно-популярном дискурсе: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Александр Юрьевич Багиян. – Пятигорск, 2014. – 173 с. – Текст: непосредственный.

14. Багиян, А. Ю. Проблемы детерминологизации на различных функциональных уровнях научного стиля речи / А. Ю. Багиян // Университетские чтения. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск, 2013. – С. 7-13. – Текст: непосредственный.

15. Багиян, А. Ю., Нерсесян, Г. Р. Прагма-коммуникативный анализ оценочности как основополагающего инструмента формирования

интенционального межсубъектного диалога / А. Ю. Багиян, Г. Р. Нерсесян // *Studia Humanitatis*. – 2018. – № 3. – С. 1-19. – Текст: непосредственный.

16. Бажалкина, Н. С. Текст в системе дискурса / Н. С. Бажалкина // *Вестник МГОУ. Серия: Русская философия*. – 2016. – № 1(65). – С. 156-160. – Текст: непосредственный.

17. Байкалова, М. А., Подберезкина, Л. З. Языковая игра в оглавлении научно-популярных изданий (на материале текстов современных русских ученых-популяризаторов) / М. А. Байкалова, Л. З. Подберезкина // *Экология языка и коммуникативная практика*. – 2019. – № 3. – С. 29-38. – Текст: непосредственный.

18. Баранова, И. И. Категория диалогичности и способы ее выражения в научно-популярном тексте / И. И. Баранова // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. – 2012. – № 3(155). – С. 119-125. – Текст: непосредственный.

19. Бейлинсон, Л. С. Функции институционального дискурса / Л. С. Бейлинсон // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. – 2009. – С. 142-147. – Текст: непосредственный.

20. Богданова, О. Ю. Заголовок как элемент текста / О. Ю. Богданова // *Вестник Костромского государственного университета*. – 2007. – № 1. – С. 116-119. – Текст: непосредственный.

21. Болотнов, А. В. К вопросу о понятии «коммуникативный стиль» языковой личности / А. В. Болотнов // *Речевая коммуникация в современной России: Материалы III Международной конференции*. – Омск, 2013. – Т.1. – С. 180-188. – Текст: непосредственный.

22. Болотнов, А. В. Самопрезентация языковой личности в публичном дискурсе: когнитивно-стилистический аспект / А. В. Болотнов // *Вестник ТГПУ*. – 2012. – № 10(125). – С. 169-173. – Текст: непосредственный.

23. Болсуновская, Л. М., Найдина, Д. С. Способы выражения позиции автора в научном и научно-популярном дискурсах / Л. М. Болсуновская, Д. С. Найдина // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 2. – С. 3413-3416. – Текст: непосредственный.

24. Бычков, Д. М. Компетенции субъектов научной коммуникации / Д. М. Бычков // *Стратегические коммуникации в современном мире: от теоретических знаний к практическим навыкам*. Сборник трудов конференции. – Саратов, 2018. – С. 397-402. – Текст: непосредственный.

25. Ведякова, Н. А. Понятия актуальности, значимости, новизны в рамочных клише русского научного текста / Н. А. Ведякова // *Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки*. – 2018. – № 10(420). – Вып. 114. – С. 42-48. – Текст: непосредственный.

26. Викулова, Л. Г., Рянская, Э. М., Герасимова, С. А. Прагматика дискурсивных жанров предисловие и введение к французскому и русскому философским словарям: сравнительный анализ / Л. Г. Викулова, Э. М. Рянская, С. А. Герасимова // *Русистика и компаративистика: Сборник научных трудов по филологии* / Гл. ред. С. А. Васильев. – Вып. XV. – М.: Книгодел, 2021. – С. 197-218. – Текст: непосредственный.

27. Виноградов, А. С. Метатекстовые включения как способы репрезентации интегративной индивидуальности в научном дискурсе (на материале текстов российских лингвистов): специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Алексей Сергеевич Виноградов. – Вологда, 2017. – 22 с. – Текст: непосредственный.

28. Витязева, Ю. А. Коммуникативная стратегия «Привлечение и удержание внимания» в медиадискурсе на примере научно-популярного сериала / Ю. А. Витязева // *Вестник Томского государственного университета*. – 2016. – № 403. – С. 5-9. – Текст: непосредственный.

29. Воронцова, И. А. Прецедентность как маркер авторского стиля / И. А. Воронцова // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 2(21). – С. 123-129. – Текст: непосредственный.

30. Воронцова, Т. А. Научно-популярный дискурс в современных российских СМИ (проблемы жанра и стиля) / Т. А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 88. – 2014. – № 6(335). – С. 38–42. – Текст: непосредственный.

31. Воронцова, Т. А. Стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе / Т. А. Воронцова // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – Вып. 86. – 2013. – № 37(328). – С. 26-29. – Текст: непосредственный.

32. Выровцева, Е. В., Исакова, Т. Б. Формирование авторского стиля журналиста в процессе обучения / Е. В. Выровцева, Т. Б. Исакова // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2017. – № 2. – С. 125-132. – Текст: непосредственный.

33. Галанова, О. А. Жанр научной статьи как форма культуры / О. А. Галанова // Journal of Siberian Medical Sciences. – 2013. – № 6. – С. 1-7. – Текст: непосредственный.

34. Галанова, О. А. Обучение стратегиям научной дискуссии на иностранном языке в неязыковом вузе: специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Ольга Александровна Галанова. – Екатеринбург, 2003. – 28 с. – Текст: непосредственный.

35. Гребенюк, Н. И., Гусаренко, С. В. Стилистика русского научного дискурса: учеб. пособие / Н. И. Гребенюк, С. В. Гусаренко. – Ставрополь, 2020. – 140 с. – Текст: непосредственный.

36. Гричин, С. В. Авторский замысел в аспекте авторизации / С. В. Гричин // Мир науки, культуры, образования: языкознание и

литературоведение. – 2013. – № 6(43). – С. 320-324. – Текст: непосредственный.

37. Гричин, С. В., Демешкина, Т. А. Авторизация в тексте научного произведения: когнитивно-дискурсивный аспект / С. В. Гричин, Т. А. Демешкина // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2016. – №6(44). – С. 5-19. – Текст: непосредственный.

38. Грушевская, Е. С. Институциональный дискурс как пространство реализации категории адресатности / Е. С. Грушевская // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь: Кубанский государственный университет, 2017. – № 2. – С. 173-178. – Текст: непосредственный.

39. Дайнеко, П. М. Стратегии самопрезентации эксперта в институциональной интернет-коммуникации (когнитивно-прагматический аспект) / П. М. Дайнеко // Вестник МГЛУ. – 2010. – Вып. 5(584): Языковое существование человека и этноса. – С. 136-154. – Текст: непосредственный.

40. Данилевская, Н. В. Об особом статусе оценки в научном тексте / Н. В. Данилевская // Вестник пермского университета, 2013. – № 2(22). – С. 37-43. – Текст: непосредственный.

41. Дивеева, Н. В. Рекреативная функция популяризации науки и формы ее реализации / Н. В. Дивеева // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. – № 2. – 2014. – С. 95-101. – Текст: непосредственный.

42. Должич, Е. А. Межтекстовые связи и способы их маркирования в испанском научном дискурсе / Е. А. Должич // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2010. – № 4. – С. 31-35. – Текст: непосредственный.

43. Дружинина, В. В. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А. Ф. Лосев): специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Варвара Валентиновна Дружинина. – Краснодар, 2004. – 24 с. – Текст: непосредственный.

44. Дружинина, В. В., Ворожбитова, А. А. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А.Ф. Лосев): монография / В. В. Дружинина, А. А. Ворожбитова. – Москва: Изд-во «Флинта», 2019. – 148 с. – Текст: непосредственный.

45. Егерев, С. В. Является ли журнальное и авторское самоцитирование стратегией повышения заметности? / С. В. Егерев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8, Науковедение: Реферативный журнал. – 2019. – № 4. – С. 152-160. – Текст: непосредственный.

46. Егорова, Л. А. К вопросу об определении понятия «научно-популярный дискурс» / Л. А. Егорова // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2009. – № 1. – С. 42-46. – Текст: непосредственный.

47. Ежова, Т. В. Лингвистические особенности научного дискурса / Т. В. Ежова // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. – 2011. – № 2(58). – С. 86-90. – Текст: непосредственный.

48. Ефремова, Н. В. Внутренняя диалогичность в медицинских научных текстах / Н. В. Ефремова // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Языкознание. – № 2(26). – 2015. – С. 74-79. – Текст: непосредственный.

49. Ефремова, Н. В., Белова, Е. Н. Репрезентация научной картины мира автора через текст / Н. В. Ефремова, Е. Н. Белова // Вестник удмуртского университета. Серия история и философия. – 2021. – Т. 31. Вып. 3. – С. 495-500. – Текст: непосредственный.

50. Жумаева, О. А. Роль адресата в многомерном процессе коммуникации (на материале жанра интервью) / О. А. Жумаева // Издательство Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – Т.14. – № 2. – С.12-17. – Текст: непосредственный.

51. Замощанский, И. И., Конашкова, А. М., Красавин, И. В., Пырьянова, О. А. Научные коммуникации: ученый в современном обществе / И. И. Замощанский, А. М. Конашкова, И. В. Красавин, О. А. Пырьянова //

Известия уральского федерального университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 3. – С. 30-41. – Текст: непосредственный.

52. Занина, Е. Л. Самопрезентация адресанта в англоязычном письменном научном дискурсе / Е. Л. Занина // *Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. статей. Вып. 6.* / науч. ред. И. Ю. Щемелева. – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 134-144. – Текст: непосредственный.

53. Золинова, Е. В. Различия в употреблении союзов *though* и *although* в уступительных сложноподчиненных предложениях современного английского языка (на материале публицистики) / Е. В. Золинова // *Вестник Костромского государственного университета.* – 2018. – № 3. – С. 228-230. – Текст: непосредственный.

54. Иванова, Е. В. К проблеме исследования экологического дискурса / Е. В. Иванова // *Политическая лингвистика.* – Вып. 3(23). – Екатеринбург, 2007. – С. 134-138. – Текст: непосредственный.

55. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с. – Текст: непосредственный.

56. Иссерс, О. С. Речевое воздействие: учеб. Пособие / О.С. Иссерс. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с. – Текст: непосредственный.

57. Казанцева, Е. А., Фаткуллина, Ф. Г., Валиахметова, Э. К. Теоретические подходы к исследованию институционального дискурса / Е. А. Казанцева, Ф. Г. Фаткуллина, Э. К. Валиахметова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2018. – № 9(87). – С. 82-85. – Текст: непосредственный.

58. Карасик, В. И. Дискурсивная персонология / В. И. Карасик // *Язык, коммуникация и социальная среда.* Воронеж: ВГУ, 2007. – С.78-86. – Текст: непосредственный.

59. Карасик, В. И. Сетевая языковая личность / В. И. Карасик // *Вестник Московского государственного лингвистического университета.*

Гуманитарные науки. – 2021. – № 6(848). – С. 33-45. – Текст: непосредственный.

60. Карасик, В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2015. – 431 с. – Текст: непосредственный.

61. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 447 с. – Текст: непосредственный.

62. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Книжный дом «Либроком», 2014. – 261 с. – Текст: непосредственный.

63. Кацитадзе, И. М., Христанова, Н. В. К проблеме речевых планов актуализации причинных отношений в разных речевых жанрах (на материале текстов монографий и статей российских социологов) / И. М. Кацитадзе, Н. В. Христанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11(65). – С. 109-111. – Текст: непосредственный.

64. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – Вып. № 2. – С. 3-21. – Текст: непосредственный.

65. Киселев, А. Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе (на материале немецкого языка): специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Антон Юрьевич Киселев. – Самара, 2012. – 23 с. – Текст: непосредственный.

66. Киселев, А. Ю. Стратегии модализации в научно-популярном дискурсе / А. Ю. Киселев // Вестник СамГУ. – 2011. – № 1/2(82). – С. 120-132. – Текст: непосредственный.

67. Кислицына, Н. Н. Концепция языковой личности в переводоведении / Н. Н. Кислицына // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2012. – С. 146-152. – Текст: непосредственный.

68. Кловак, Е. В. Авторская модальность как один из компонентов идиостиля / Е. В. Кловак // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – 2014. – № 2. – С. 47-53. – Текст: непосредственный.

69. Кобозева, И. М. Союзы как маркеры риторических отношений в дискурсе: русский союз «и» / И. М. Кобозева // L'analisi linguistica e letteraria. – 2011. – Том 19. – № 2. – С. 365-387. – Текст: непосредственный.

70. Ковалев, Н. С., Коровина, З. А. О соотношении коммуникативных установок автора и адресата в учебном тексте / Н. С. Ковалев, З. А. Коровина // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2010. – № 2-12. – С. 19-26. – Текст: непосредственный.

71. Ковригина, Е. А. Коммуникативная стратегия самопрезентации в дискурсе интернет-интервью: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Елена Александровна Ковригина. – Кемерово, 2010. – 25 с. – Текст: непосредственный.

72. Ковригина, Е. А. Реализации стратегии самопрезентации интервьюируемым (на материале американского интернет-интервью) / Е. А. Ковригина // Вестник БГУ. – 2009. – № 11. – С. 43-46. – Текст: непосредственный.

73. Когут, С. В. Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе / С. В. Когут // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 2. – С. 157-163. – Текст: непосредственный.

74. Когут, С. В., Резанова, З. И. Функционирование дискурсивных маркеров / С. В. Когут, З. И. Резанова // Вестник ТГУ. Филология. – 2015. – № 1(39). – С. 62-79. – Текст: непосредственный.

75. Кожанов, Д. А. Язык науки в механизмах создания смыслов в художественном тексте / Д. А. Кожанов // Филология и человек. – 2013. – № 4. – С. 1-6. – Текст: непосредственный.

76. Кожина, М. Н., Дускаева, Л. Р., Салимовский, В. А. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М.: Флинта. – 2011. – 464 с. – Текст: непосредственный.

77. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи: учеб. пособие / М. Н. Кожина. – Пермь, 1986. – 92 с. – Текст: непосредственный.

78. Колмогорова, А. В., Курилова, Е. В. Речевые характеристики соционических типов интернет-комментаторов через призму корпусного анализа (на материале испанского языка) / А.В. Колмогорова, Е.В. Курилова // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2022. – № 3. – С. 178-194. – Текст: непосредственный.

79. Колмогорова, А. В. Человек «чувствующий» через призму социальных сетей: черты к языковому портрету / А. В. Колмогорова // Национальная безопасность и молодежная политика: киберсоциализация и трансформация ценностей в VUCA-мире: материалы Международной научно-практической конференции. – Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно- педагогического университета, 2021. – С. 357-361. – Текст: непосредственный.

80. Копыл, Д. А. Коммуникативно-прагматическая структура современного англоязычного научного текста / Д. А. Копыл // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 4. – С. 150-158. – Текст: непосредственный.

81. Копыл, Д. А. Современный англоязычный научный дискурс: коммуникативно-прагматический потенциал убеждения: специальность 10.02.04 «Германские языки», специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дарья Алексеевна Копыл. – Ростов-на-Дону, 2013б. – 26 с. – Текст: непосредственный.

82. Корниенко, Е. Р. Идиолект и идиостиль: к вопросу о соотношении понятий / Е. Р. Корниенко // Филология: научные исследования. – 2019. – № 1. – С. 265-271. – Текст: непосредственный.

83. Корниенко, Е. Р. Полидискурсивный портрет языковой личности: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация доктора филологических наук / Елена Реговна Корниенко. – Архангельск, 2021. – 452 с. – Текст: непосредственный.

84. Корниенко, Е. Р. Текст сквозь призму философии М. М. Бахтина / Е. Р. Корниенко // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 128-133. – Текст: непосредственный.

85. Костяшина, Е. А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве популярного медицинского журнала: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Екатерина Аркадьевна Костяшина. – Томск, 2009. – 29 с. – Текст: непосредственный.

86. Костяшина, Е. А. Дискурсивная организация картины мира научно-популярного медицинского журнала / Е. А. Костяшина // Вестник ТГУ. – 2010. – № 3(11). – С. 41-47. – Текст: непосредственный.

87. Костяшина, Е. А. Функциональное взаимодействие научного, медицинского и научно-популярного дискурсов в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала / Е. А. Костяшина // Вестник Томского гос. ун-та. – 2008. – № 306. – С. 7-10. – Текст: непосредственный.

88. Котюрова, М. П., Баженова, Е. А., Кушнина, Л. В., Соловьева, Н. В., Тихомирова, Л. С. Дискурсивные основания речеведения: научный текст – новое знание – перевод: монография / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова, Л. В. Кушнина, Н. В. Соловьева, Л. С. Тихомирова. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. – 300 с. – Текст: непосредственный.

89. Котюрова, М. П., Тихомирова, Л. С., Соловьева, Н. В. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого: монография / М. П. Котюрова, Л. С. Тихомирова, Н. В. Соловьева. – М.: Флинта, 2019. – 394 с. – Текст: непосредственный.

90. Кравцова, Е. В. Научный дискурс как вид институционального типа дискурса / Е. В. Кравцова // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 25. – С. 130-131. – Текст: непосредственный.

91. Кубрак, Т. А. Научный дискурс и проявление в нем интенции самопрезентации субъекта / Т. А. Кубрак // Дискурс в современном мире: Психологические исследования / под ред. Н. Д. Павловой и И. А. Зачесовой. – М.: Институт психологии РАН. – 2011. – С. 98–122. – Текст: непосредственный.

92. Кубрак, Т. А. Речевое выражение самопрезентации и ее место в интенциональной структуре дискурса / Т. А. Кубрак // Вестник РГУ им. И. Канта. – 2008. – № 11. – С. 40-47. – Текст: непосредственный.

93. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова // Ин-т. языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с. – Текст: непосредственный.

94. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности: монография / Е.С. Кубрякова. – Изд-е 3. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 158 с. – Текст: непосредственный.

95. Кузьмина, Е. М. Субъективная модальность в научном дискурсе: семантика и средства выражения: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Екатерина Михайловна Кузьмина. – Санкт-Петербург, 2011. – 25 с. – Текст: непосредственный.

96. Кузнецова, Л. Н. В. В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: лингвориторический аспект (на материале текстов о языке и стиле русских писателей: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лариса Николаевна Кузнецова. – Майкоп, 2013. – 23 с. – Текст: непосредственный.

97. Кузнецова, Л. Н., Ворожбитова, А. А. В. В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: лингвориторический аспект (на материале текстов о языке и стиле русских писателей): монография / Л. Н. Кузнецова, А. А. Ворожбитова. – Изд-е 2. – М.: ФЛИНТА, 2023. – 169 с. – Текст: непосредственный.
98. Липгарт, А. А. К проблеме языковедческого описания публицистического функционального стиля / А. А. Липгарт // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Издательство МГУ, 2003. – С. 161-166. – Текст: непосредственный.
99. Лиходкина, И. А. Проблема передачи авторского стиля при переводе романа М. Уэльбека «Возможность острова» (“la possibilité d'un île”) на русский язык / И. А. Лиходкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3(81). – С. 127-130. – Текст: непосредственный.
100. Мамаева, С. А. Коммуникативные стратегии ученых / С. А. Мамаева // Научная периодика: проблемы и решения. – 2011. – № 3(3). – С. 6-11. – Текст: непосредственный.
101. Манапова, В. Э. Проблема субъекта в межкультурной коммуникации / В. Э. Манапова // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Философия, социология и культурология. – 2013. – № 2(78). Том 2. – С. 245-247. – Текст: непосредственный.
102. Марьина, О. В. Вставные конструкции как показатель расчленения текста (на материале русских прозаических текстов 1980-2000-х годов) / О. В. Марьина // Филология и человек. – 2009. – № 4. – С. 1-4. – Текст: непосредственный.
103. Медведкова, Е. С. Идиостиль и идиолект автора исторического романа (на примере произведений В. И. Костылева) / Е. С. Медведкова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2016. – № 1. – С. 124-132. – Текст: непосредственный.

104. Менджерицкая, Е. О. Дискурс vs функциональный стиль: что есть язык СМИ? / Е. О. Менджерицкая // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 13(228). – Вып. 54. – С. 99-102. – Текст: непосредственный.
105. Морева, А. Н. Типология речевых масок в жанре литературной рецензии (на материале «Литературной газеты») / А. Н. Морева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 1(1). – С. 442-447. – Текст: непосредственный.
106. Морева, А. Н., Петрова, Н. Е. Тактика самопрезентации в медиажанре литературной рецензии: речевые ходы и их прагматические функции / А. Н. Морева, Н. Е. Петрова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 6. – С. 110-117. – Текст: непосредственный.
107. Муранова, О. С. Способы выражения позиции автора в тексте научно-популярной статьи / О. С. Муранова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – С. 238-244. – Текст: непосредственный.
108. Мухин, М. Ю. Авторский тезаурус и сочетаемость слов: лексико-статистические модели индивидуального стиля / М. Ю. Мухин // Филологический класс. – 2019. – № 4(58). – С. 8-15. – Текст: непосредственный.
109. Мухин, М. Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова): специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Михаил Юрьевич Мухин. – Екатеринбург, 2011. – 43 с. – Текст: непосредственный.
110. Мухин, М. Ю. Нетипичная лексическая сочетаемость: формализация термина и анализ текста / М. Ю. Мухин // Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2015. – № 1. – С. 105-115. – Текст: непосредственный.

111. Нагиева, Е. Б. Стратегии говорящего и средства их языковой реализации в публичных лекциях / Е. Б. Нагиева // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11. – № 5. – С. 18-24. – Текст: непосредственный.
112. Напцок, Б. Р. Интертекстуальные стратегии в «готических» текстах (на материале английской прозы XVIII века) / Б. Р. Напцок // Вестник АГУ. – 2016. – № 3(182). – С. 114-121. – Текст: непосредственный.
113. Невзорова, М. С. Коммуникативное поведение равностатусных субъектов медицинского дискурса (на материале английского языка): специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мария Сергеевна Невзорова. – Волгоград, 2017а. – 22 с. – Текст: непосредственный.
114. Невзорова, М. С. Коммуникативная ситуация устного профессионального общения в рамках англоязычного медицинского дискурса / М. С. Невзорова // Научный диалог. – 2017. – № 3. – С. 68-80. – Текст: непосредственный.
115. Нестеров, А. В. Еще раз о цитировании и самоцитировании в публикационной академической коммуникации / А. В. Нестеров // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2017. – № 12-2. – С. 731-734. – Текст: непосредственный.
116. Нестерова, Н. Г. Диалогическое взаимодействие участников культурно-просветительской радиопрограммы / Н. Г. Нестерова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2015. – С. 253-257. – Текст: непосредственный.
117. Нестерова, Н. Г. Интернет-комментарий к радиопрограмме как коммуникативная единица радиотекста / Н. Г. Нестерова // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 2(16). – С. 138-151. – Текст: непосредственный.
118. Нужнова, Е. Е., Бабаева, Т. Б., Жуковская, Н. В. Стратегия аргументации в научном дискурсе / Е. Е. Нужнова, Т. Б. Бабаева, Н. В.

Жуковская // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2019. – № 2. – С. 57-64. – Текст: непосредственный.

119. Пантелеева, Е. А. Коммуникативно-прагматические свойства вставных конструкций) / Е.А. Пантелеева // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации: материалы Международной конференции. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 224-228. – Текст: непосредственный.

120. Парсамова, В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: на материале писем Ю. М. Лотмана: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Вероника Яковлевна Парсамова. – Саратов, 2004. 19 с. – Текст: непосредственный.

121. Пелевина, Н. Н. Авторские стратегии познавательно-коммуникативной деятельности как фактор текстообразования в научном и художественном дискурсах / Н. Н. Пелевина // Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова. – Абакан, 2008. – 151 с. – Текст: непосредственный.

122. Пелевина, Н. Н. Лингвистические средства формирования рецептивной программы научного текста / Н. Н. Пелевина // Омский научный вестник. – 2012. – № 4(111). – С. 167-171. – Текст: непосредственный.

123. Петрова, О. Г. Типы иронии в художественном тексте: концептуальная и контекстуальная ирония / О. Г. Петрова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2011. – С. 25-30. – Текст: непосредственный.

124. Пискунова, С. В. Семантика аргументации в информационном поле художественного текста / С. В. Пискунова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – № 4. – С. 71-76. – Текст: непосредственный.

125. Покотыло, М. В. Коммуникативные стратегии в научном дискурсе: функционально-прагматический потенциал и специфика

реализации / М. В. Покотыло // Гуманитарные и социальные науки. – 2017а. – № 2. – С. 167-173. – Текст: непосредственный.

126. Покотыло, М. В. Особенности коммуникативно-прагматического пространства научного дискурса / М. В. Покотыло // Международный научно-исследовательский журнал. – № 7(61). – Ч. 1. – 2017б. – С. 127-129. – Текст: непосредственный.

127. Пром Н.А. Адресатная адаптация медиатекста / Н.А. Пром // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2021. – № 4. – С. 136-148. – Текст: непосредственный.

128. Ракитина, С. В. Творческий диапазон ученого как языковой личности (на материале работ В. И. Вернадского) / С. В. Ракитина // Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2012. – № 3. – С. 64-68. – Текст: непосредственный.

129. Романова, И. Д. Когнитивные модели убеждения как основа механизма персуазивного воздействия в исследовании институционального дискурса (на материале английского языка) / И. Д. Романова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2020. – Вып. 11(840). – С. 207-216. – Текст: непосредственный.

130. Рянская, Э. М., Алексеева, Л. В. Прагматический компонент заголовков научных текстов (на примере англо - и русскоязычных публикаций по истории): монография / Э. М. Рянская, Л. В. Алексеева. – Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2020. – 99 с. – Текст: непосредственный.

131. Самарская, Т. Б., Поздеева, Т. В. Языковые средства создания идиостиля / Т. Б. Самарская, Т. В. Поздеева // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – № 116. – С. 129-138. – Текст: непосредственный.

132. Самойлова, И. В. К вопросу об изучении речевой индивидуальности автора научного текста / И. В. Самойлова // Материалы XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и

молодых ученых «Ломоносов 2007». – 2007. – С. 58-61. – Текст: непосредственный.

133. Самойлова, И. В. Периферийные речевые жанры научного текста в аспекте авторской индивидуальности: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ирина Валерьевна Самойлова. – Пермь, 2009. – 20 с. – Текст: непосредственный.

134. Сапега, А. В. Речевое поведение субъектов научной коммуникации / А. В. Сапега // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 1. – С. 85-90. – Текст: непосредственный.

135. Седых, А. П. Лингвосемиотический портрет кёнигсбергского затворника: Иммануил Кант / А. П. Седых // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – № 6. – С. 1884-1893. – Текст: непосредственный.

136. Седых, А. П., Бузинова, Л. М. «Дискурсная» языковая личность Ренатуса Картезиуса: пролегомены интерпретативной реконструкции / А. П. Седых, Л. М. Бузинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – № 4. – С. 1252-1259. – Текст: непосредственный.

137. Селезнева, Л. В. К вопросу о соотношении текста и дискурса / Л. В. Селезнева // Вестник СВФУ. – 2014. – Т. 11. – № 5. – С. 67-75. – Текст: непосредственный.

138. Селезнева, Л. В. Подготовка рекламного и PR-текста: учеб. пособие / Л. В. Селезнева. – М.: Юрайт, 2022. – 159 с. – Текст: непосредственный.

139. Сеченова, Е. Г. Статистико-вероятностная модель гендерообусловленного авторского «я» в научном дискурсе: специальность 10.02.21 «Прикладная и математическая лингвистика»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Екатерина Григорьевна Сеченова. – Тюмень, 2009. – 26 с. – Текст: непосредственный.

140. Сеченова, Е. Г. Языковые способы репрезентации автора в научном тексте / Е. Г. Сеченова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. – 2008. – Т. 1. – С. 535-539. – Текст: непосредственный.
141. Силантьев, И. В. Дискурс и жанр / И. В. Силантьев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Том 9. – Вып. 6: Журналистика. – С. 78-83. – Текст: непосредственный.
142. Силкина, О. М. Аннотация как жанр научного дискурса / О. М. Силкина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2018. – Том 15. – № 3. – С.70-76. – Текст: непосредственный.
143. Сковородников, А. П. О содержании понятия «этико-речевая компетенция» / А. П. Сковородников // Мир русского слова. – 2012. – № 4. – С. 20-27. – Текст: непосредственный.
144. Скорик, К. В. Адресованность и ответственность как составляющие категории диалогичности художественного текста / К. В. Скорик // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: Материалы всероссийской научно-практической конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2009. – С. 23-27. – Текст: непосредственный.
145. Смолина, Л. В. Метафоризация как вспомогательное средство репрезентации научной информации в научно-популярном дискурсе (на материале французского языка) / Л. В. Смолина // Wschodnioeuropejskie czasopismo naukowe. – 2016. – № 3. – С. 67-70. – Текст: непосредственный.
146. Сокальская, А. Н. Авторские новообразования в научном тексте / А. Н. Сокальская // Сборник научных трудов молодых ученых. – 2003. С. 173-176. – Текст: непосредственный.
147. Сокальская, А. Н. Словотворчество как компонент научного идиостиля Г. Д. Гачева: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук /

Анна Николаевна Сокальская. – Майкоп, 2007. – 22 с. – Текст: непосредственный.

148. Соколова, О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR / О. В. Соколова. – М.: Гнозис, 2014. – 304 с. – Текст: непосредственный.

149. Солодухо, А. С. Схема индивидуального вклада ученого в смысловое пространство научного психологического дискурса / А. С. Солодухо // Психологический журнал. – 2006 – № 4(12). – С. 29-33. – Текст: непосредственный.

150. Строева, Ю. Ю. Образ автора в англоязычном научно-популярном авиационном дискурсе / Ю. Ю. Строева // Современные проблемы науки и образования. – 2008. – № 3. – С. 134-142. – Текст: непосредственный.

151. Строева, Ю. Ю. Проблема понимания интертекстуальности научно-популярного дискурса в процессе межкультурной коммуникации / Ю. Ю. Строева // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12-3. – С. 644-647. – Текст: непосредственный.

152. Сулейманова, О. А. Особенности языковой личности в академическом дискурсе / О. А. Сулейманова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2019. – № 2(135). – С. 106-109. – Текст: непосредственный.

153. Сулейманова, О. А., Тивьяева, И. В. Личность Другого в академическом дискурсе / О. А. Сулейманова, О. А. Тивьяева // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 8. – Ч. 2. – С. 207-223. – Текст: непосредственный.

154. Сулейманова, О. А., Чернова В. Е. Информационно-медийная языковая личность в академическом пространстве / О. А. Сулейманова, В. Е. Чернова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2020. – Т. XVII. – Вып. 1. – С. 165-171. – Текст: непосредственный.

155. Супоницкая, Н. С. Способы языкового маркирования имплицитного «присутствия» автора в научном тексте / Н. С. Супоницкая. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 7(61) – Ч. 1. – С. 133-138. – Текст: непосредственный.

156. Сухая, Е. В. Дискурсивные стратегии популяризации научного знания / Е. В. Сухая // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. Ч. 2. – М.: Рема, 2012. – Вестник Московского гос. лингвист. ун-та. – Вып. 6(639). – Серия «Языкознание». – С. 212-219. – Текст: непосредственный.

157. Таланина, А. А. К вопросу о жанровом исследовании в дискурсивной лингвистике / А. А. Таланина // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 21. – С. 1518-1524. – Текст: непосредственный.

158. Толстова, Т. В. Жанр и корпус: современные подходы к изучению и преподаванию языка: монография / Т. В. Толстова. – Самара: Издательство Самарского университета, 2018. – 196 с. – Текст: непосредственный.

159. Туранова, А. Ю., Иванова, А. Г. Феномен языковой личности в антропоцентрической лингвистике: истоки, структура, перспективы развития / А. Ю. Туранова, А. Г. Иванова // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2016. – С. 34-38. – Текст: непосредственный.

160. Тырыгина, В. А. К основам жанра / В. А. Тырыгина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 3(11). – С. 66-73. – Текст: непосредственный.

161. Филоненко, Т. А. Аттрактивные заголовки в научной речи / Т. А. Филоненко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – С. 290-296. – Текст: непосредственный.

162. Филоненко, Т. А. Соотношение понятий «дискурс» и «функциональный стиль» / Т. А. Филоненко // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 1(32). – Ч. 1. – С. 156-158. – Текст: непосредственный.

163. Фирстова, Л. А. Стратегии и тактики создания институционального дискурса (на примере телепублицистики) / Л. А. Фирстова // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире. – 2008. – Т. 1. – С. 64-67. – Текст: непосредственный.
164. Фролова, А. А. Понятие дискурса в современных лингвистических исследованиях / А. А. Фролова // Современные исследования в области преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2018. – № 7. – С. 132-140. – Текст: непосредственный.
165. Фролова, Т. И. Академический курс «Социальная журналистика»: к вопросу о гуманизации профессионального образования журналистов / Т. И. Фролова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – С. 83-90. – Текст: непосредственный.
166. Хомутова, Т. Н. Стратегии научного дискурса: интегральный подход / Т. Н. Хомутова // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Лингвистика. – 2015. – Т.12. – № 3. – С. 15-22. – Текст: непосредственный.
167. Хомутова, Т. Н., Силкина, О. М. Макроструктура научной аннотации / Т. Н. Хомутова, О. М. Силкина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 4. – С. 21-30. – Текст: непосредственный.
168. Хутыз, И. П. Актуальные коммуникативные практики: контекст реальности в прагматике современного дискурса: монография / И. П. Хутыз. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2010. – 139 с. – Текст: непосредственный.
169. Хутыз, И. П. Системный анализ сходств и различий академического и научно-популярного дискурса / И.П. Хутыз // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании: сборник научных трудов / под ред. И. П. Хутыз. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. – С. 141-150. – Текст: непосредственный.

170. Хутыз, И. П., Петренко Ю. А. Дискурсивные категории оценки и диалогичности в академическом дискурсе // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2021. – № 3 (112). – С. 120-129. – Текст: непосредственный.

171. Хэчжэнь, Ф. Структура «заголовок – подзаголовок – лид – текст»: распределение информации / Ф. Хэчжень // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – С. 125-128. – Текст: непосредственный.

172. Чалбышева, А. В. Прагмалингвистический аспект речевых жанров научного стиля: на материале немецких и русских текстов подъязыка физики: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Анна Владимировна Чалбышева. – Ростов-на-Дону, 2006. – 16 с. – Текст: непосредственный.

173. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с. – Текст: непосредственный.

174. Шавлукова, Б. Ю. Знаковые качества пунктуации в текстах художественного и научного регистров: «авторская» пунктуация: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Белла Юрьевна Шавлукова. – Махачкала, 2008. – 27 с. – Текст: непосредственный.

175. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: монография / Е. И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с. – Текст: непосредственный.

176. Яковлева, И. Н., Колесникова, В. С. Сохранение экспрессивности при переводе метафоры в научно-популярном тексте / И. Н. Яковлева, В. С. Колесникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 1. – С. 41-50. – Текст: непосредственный.

177. Denia, E. Twitter as a research tool in science communication / E. Denia // *Revista Mediterránea de Comunicación*. – 2021. – № 12(1). – P. 289-301. – Text: direct.
178. Dobakhti, L., Hassan, N. A Corpus-based Study of Writer Identity in Qualitative and Quantitative Research Articles 3L / L. Dobakhti, N. Hassan // *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*. – 2017. – № 23(1). – P. 1-14. – Text: direct.
179. Enk, A., Power, K. What is a research article? Genre variability and data selection in genre research / A. van Enk, K. Power // *Journal of English for Academic Purposes*. – 2017. – № 29. – P. 1-11. – Text: direct.
180. Fernández-Ulloa, T. The Rhetoric of Persuasion. Talking to Our Emotions / T. Fernández-Ulloa // *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación*. – 2019. – № 80. – P. 3-6. – Text: direct.
181. Firdaus, S. F., Soemantri, Y. S., Yulawati, S. A corpus-based study of self-mention markers in English research articles / S. F. Firdaus, Y. S. Soemantri, S. Yulawati // *International Journal of Language Teaching and Education*. – 2021. – Vol. 5. – № 2. – Pp. 37-46. – Text: direct.
182. Hidalgo-Downing, L. Stance and intersubjective positioning across scientific discourse genres: Negative and modal epistemic discourse strategies / L. Hidalgo-Downing // *Lodz Papers in Pragmatics*. – 2017. – № 13(1). – P. 65-85. – Text: direct.
183. Hoque, Md. E. The Universal Grammar Theory: Noam Chomsky's Contribution to Second Language (SL) Education / Md. E. Hoque // *The Journal of EFL Education and Research*. – 2021. – № 2. – P. 57-62. – Text: direct.
184. Hyland, K. Disciplines and discourses: social interactions in the construction of knowledge / K. Hyland // *Parlor Press and the WAC Clearinghouse*. – 2011. – P. 193-214. – Text: direct.
185. Hyland, K., Zou, H. Titles in research articles / K. Hyland, H. Zou // *Journal of English for Academic Purposes*. – 2022. – V. 56. – P. 1-13. – Text: direct.

186. Liebert, W. A. Communicative strategies of popularization of science (including science exhibitions, museums, magazines) / W. A. Leibert // University College London. – 2019. – P. 399-416. – Text: direct.
187. Luzon, M. J. Bridging the gap between experts and publics: The role of multimodality in disseminating research in online videos. / M. J. Luzon // Iberica. – 2019. – № 37. – P. 167–192. – Text: direct.
188. Maingueneau, D. Parcours en analyse du discours / D. Maingueneau // Langage et Societe. – 2017. – № 160-161(2). – P. 129-143. – Text: direct.
189. Morton, P. G. Strategies for writing a research Article: An Editor’s Perspective / P. G. Morton // Nurse Author& Editor. – 2017. – № 27(1)5. – P. 1-14. – Text: direct.
190. Nichols, M. D., Petzold, A. M. A crisis of authority in scientific discourse / M. D. Nichols, A. M. Petzold // Cultural Studies of Science Education. – 2021. – P. 1-8. – Text: direct.
191. Preite, C. La reformulation intratextuelle et ses marqueurs dans les arrêts de la Cour de justice de l’Union européenne / C. Preite // Lingue Culture Mediazioni. – 2020. – № 7(1). – P. 19-37. – Text: direct.
192. Quero, S. L. El marcador discursivo ahora con verba dicendi en Twitter / S. L. Quero // Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación. – 2019. – № 77. – P. 243-260. – Text: direct.
193. Walter, S., Lörcher, I., Brüggemann, M. Scientific networks on Twitter: Analyzing scientists’ interactions in the climate change debate / S. Walter, I. Lörcher, M. Brüggemann // Public Understanding of Science. – 2019. – № 28(6). – P. 696-712. – Text: direct.
194. Zheltukhina, M. R., Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Gerasimova, S. A., Borbotko, L. A. Identity as an Element of Humanity: Axiological aspect / M. R. Zheltukhina, L. G. Vikulova, E. F. Serebrennikova, S. A. Gerasimova, L. A. Borbotko // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – № 11(17). – P. 10413-10422. – Text: direct.

Словари и энциклопедии

195. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим». – 2010. – 486 с. – Текст: непосредственный.

196. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с. – Текст: непосредственный.

197. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 696 с. – Текст: непосредственный.

198. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сквородникова. 3-е изд., стереотип. – М.: Флинта, 2011. – 480 с. – Текст: непосредственный.

199. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сквородникова. 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2014. – 852 с. – Текст: непосредственный.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Сведения о проанализированных публикациях авторов

Публикации Т.В. Черниговской

Название	Жанр	Количество словоупотреблений
Черниговская, Т. В. Неотвратимое настоящее // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2005. – Т. 2. – № 1. – С. 116-118.	научная статья	1290
Черниговская, Т. В. Язык, мозг и компьютерная метафора // Человек. – 2007. – № 2. – С. 63-75. –	научная статья	6428
Черниговская, Т. В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? (взгляд лингвиста и биолога) // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. – М.: Языки славянских культур, 2008а. – С. 289-306. –	научная статья	6432
Черниговская, Т. В. Homo semioticus — человек, порождающий смыслы. Интервью с Татьяной Черниговской // Портал «Научная Россия». 13.09.2022. – URL: https://scientificrussia.ru/ (дата обращения 14.11.2022).	научная статья	5356
Черниговская, Т. В. «До опыта приобрели черты...» Мозг человека и породивший его язык // Логос. – 2014а. – № 1(97). – С. 79-96.	научная статья	3183
Черниговская, Т. В. ... пирожное его окликнуло: семиотика запахов и память / Т. В. Черниговская // Мультиmodalная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования: Сб. статей под. ред. О. В. Фёдоровой. – М.: Буки Веди, 2014б. – С. 1–9.	научная статья	1477
Черниговская, Т. В. Языки человека: мозг и культура // Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации / Т. В. Черниговская, Е. Ю. Шелепин, О. В. Заширинская, Е. И. Николаева и др. / Под науч. ред. Т. В. Черниговской, Ю. Е. Шелепина, О. В. Заширинской. – СПб.: ВВМ, 2016. – С. 11–16.	статья в коллективной монографии	1430
Черниговская, Т. В. Психо - и нейролингвистика: Текст лекции / Т. В. Черниговская // Интернет-портал «Единое окно доступа к образовательным ресурсам». – 2001. – URL: http://window.edu.ru (дата обращения: 20.12.2021).	лекция	2900
Черниговская, Т. В. Язык и сознание. Что делает	лекция	6666

нас людьми // Полит.ру. – 2008б. – URL: http://polit.ru/article/2008/12/24/langmind/ (дата обращения 15.03.2023).		
Черниговская, Т. В. В поисках «грамматического» гена // Наука и жизнь. – 2010. – № 6. – URL: https://www.nkj.ru/archive/articles/18116 (дата обращения 16.03.2022).	интервью	1933
Черниговская, Т. В. Это не я – это мой мозг... Опасные времена для человеческого в человеке / Т. В. Черниговская // Интернет-журнал «Отечественные записки». – 2013. – № 1. – URL: https://strana-oz.ru/2013/1/eto-ne-ya---eto-moy-mozg/ (дата обращения: 20.12.2021).	научно-популярная статья	4512
Черниговская, Т. В. Свобода воли и нейроэтика // Почему наш мир таков, каков он есть. Природа. Человек. Общество. – М.: АСТ: CORPUS, 2015. – С. 41-59.	лекция	4969
Черниговская, Т. В. К мозгу надо относиться с уважением, он умнее нас / Т. В. Черниговская // Интернет-портал «Интерфакс». – 2020. – Режим доступа: https://www.interfax-russia.ru/northwest/exclusives/uchenyu-neyrologvist-b-tatyana-chernigovskaya-b-k-mozgu-nado-otnositsya-s-uvazheniem-on-umnee-nas (дата обращения: 20.12.2021).	интервью	1523
Черниговская, Т. В. Homo semioticus — человек, порождающий смыслы. Интервью с Татьяной Черниговской // Портал «Научная Россия». 13.09.2022. – URL: https://scientificrussia.ru/ (дата обращения 14.11.2022).	интервью	3204

Публикации С.А. Бурлак

Название	Жанр	Количество словоупотреблений
Бурлак, С. А. К вопросу о происхождении языка // Историческая психология и социология истории. – 2011. – Т. 4. – № 2. – С. 96–113.	научная статья	4915
Бурлак, С. А. Время появления звучащей речи по данным антропологии // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. – 2012а. – № 3. – С. 109–119.	научная статья	4146
Бурлак, С. А. Происхождение языка: разные подходы // Антропологический форум. – 2013б. – № 19. – С. 391–416. – URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/ (дата обращения: 12.03. 2023).	научная статья	7300
Бурлак, С. А. Влияние реализации тона на изменение количества акцентных маркировок // Интернет-	научная статья	2284

сборник к 80-летию А. А. Зализняка. – 2015а. – URL: http://www.inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Burlak.pdf (дата обращения: 20.02.2023).		
Бурлак, С. А. Падежные системы в тохарских и анатолийских языках // Вестник института востоковедения РАН. – 2018а. – № 4. – С. 159-163. –	научная статья	1240
Бурлак, С. А. Язык пираха и разговорная речь // Российский журнал когнитивной науки. – 2018б. – Т. 5 – № 1. – С. 22-26.	научная статья	3330
Бурлак, С. А. Глоттогенез как результат самоорганизации // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сборник научных трудов / М.: ИНИОН РАН, 2021. – Вып. 11. – С. 194–212.	научная статья	6075
Бурлак, С. А. Механизмы языковых изменений / С. А. Бурлак // Полит.ру. – 2013а. – URL: http://polit.ru/article/2013/06/30/burlak/ (дата обращения: 15.02.2023).	лекция	14400
Бурлак, С. А. Время появления звучащей речи по данным антропологии // Интернет-портал ПостНаука. – 2015б. – URL: http://postnauka.ru/longreads/38342 (дата обращения: 14.06.2021).	научно-популярная статья	3848
Бурлак, С. А. Что такое врождённая грамотность // ПостНаука. – 2016в. – URL: https://postnauka.ru/faq/66447 (дата обращения: 22.02.2023).	научно-популярная статья	812
Бурлак, С. А. Язык буквально пронизан идеей кооперации // Антропогенез.ру. – 2016г. – URL: https://antropogenez.ru/interview/200/ (дата обращения: 22.02.2023).	интервью	3265
Бурлак, С. А. «Агу» человечества // Машины и механизмы. Научно-популярный журнал. – 2016а. – № 10. – С. 62-68.	интервью	2180
Бурлак, С. А. Сам ты скрыт (Ещё раз о любительской лингвистике) // Антропогенез.ру. – 2016б. – URL: http://antropogenez.ru/article/918/ (дата обращения: 22.02.2023).	научно-популярная статья	1920
Бурлак, С. А. Первыми заговорили гейдельбергские // Троицкий вариант. – 2019. – № 13 (282). – URL: https://trv-science.ru/2019/07/02/burlak-gambschet/https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/434776/Pervymi_zagovorili_geydelbergskie (дата обращения: 15.02.2023).	интервью	2250
Бурлак, С. А. Человеческий язык как коммуникативная система-комментарий // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2012б. – № 8(88). – С. 132-145.	научная статья	4414

Публикации С. Пинкера

Название	Жанр	Количество словоупотреблений
Pinker, S. Clarifying the logical problem of language acquisition. – 2004. – URL: https://web.archive.org/web/20060417083326/http://pinker.wjh.harvard.edu/articles/papers/JCL%20MacWhinney%20commentary.pdf .	научная статья	1900
Pinker, S. So how does the mind work? // Mind and Language. – 2005. – № 20 (1). – Pp. 1-38. – URL: https://stevenpinker.com/files/pinker/files/so_how_does_the_mind_work.pdf .	научная статья	10770
Pinker, S. Toward a Consilient Study of Literature // Philosophy and Literature. – 2007a. – Vol. 31. – Number 1. – Pp. 162-178. – URL: https://muse.jhu.edu/article/213853/pdf?casa_token=8xMHbZon2UoAAAAA%3AfrFAQqJnTkirvqJEY7oFrcLeY8ajj1EZ82hNMIHD9V605EEO--29lwsnaF1-gVnZUSijaMGPAw .	научная статья	6544
Pinker, S. The cognitive niche: Coevolution of intelligence, sociality, and language // PNAS. – 2010. – Vol. 107. – Suppl. 2. – Pp. 8993-8999. – URL: https://www.pnas.org/doi/pdf/10.1073/pnas.0914630107 .	научная статья	7187
Pinker, S. Representations and decision rules in the theory of self-deception // Behavioral and Brain Sciences. – 2011. – № 34(1). – Pp. 35-37. – URL: https://www.researchgate.net/publication/49805056_Representations_and_decision_rules_in_the_theory_of_self-deception/ .	научная статья	1556
Pinker, S. The Irregular Verbs // Landfall. – March. – 2000. – URL: https://web.archive.org/web/20060204111153/http://pinker.wjh.harvard.edu/articles/media/2000_03_landfall.html .	научно- популярная статья	2090
Pinker, S. Words Don't Mean What They Mean // Time. – 2007b. – URL: http://blogs.shu.edu/english/files/2013/05/Stephen_Pinker_article.pdf .	научно- популярная статья	2791
Pinker, S. The Source of Bad Writing // The Wall Street Journal. – Sept. 25. – 2014b. – URL: https://www.wsj.com/articles/the-cause-of-bad-writing-1411660188 .	научно- популярная статья	1397
Pinker, S. Passive Resistance // The Atlantic. – Nov. – 2014a. – URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2014/11/passive-resistance/380787/ .	научно- популярная статья	1127
Pinker, S. Many of the alleged rules of writing are actually superstitions // The Guardian. – Oct. 06. –	научно- популярная	2808

2015. https://www.theguardian.com/books/booksblog/2015/oct/06/steven-pinker-alleged-rules-of-writing-superstitions .	–	URL:	статья	
--	---	------	--------	--

Приложение 2

Таблицы количественных данных о языковых средствах, характеризующих идиостиль языковой личности ученого

Таблица количественных данных о языковых средствах в научных публикациях Т.В. Черниговской

Языковые средства	Неотвратимое настоящее. 2005. (1,3 тыс. слов)	Язык, мозг и компьютерная метафора. 2007. (6,4 тыс. слов)	Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? 2008. (6,4 тыс. слов)	Nature vs. Nurture в усвоении языка. 2009. (5,3 тыс. слов)	«До опыта приобрели черты...» Мозг человека и породивший его язык. 2014. (3,2 тыс. слов)	...пирожное его окликнуло: семиотика запахов и память. 2014. (1,5 тыс. слов)	Языки человека: мозг и культура. 2016. (1,4 тыс. слов)
ссылки на авторитетное лицо	4	25	18	10	18	3	5
ссылки на источники	3	36	37	15	34	17	7
ссылки на экспериментальные данные, теории	-	6	4	3	3	1	3
самоупоминание	2	4	4	6	6	5	2
вводные слова	5	23	15	12	13	6	5
акцентно-вероятностные вводные элементы	-	7	4	5	3	-	1
клише	2	15	5	14	6	6	3
примеры	2	5	14	9	10	5	5
коммен-	5	37	41	33	24	4	11

тарии							
вставные элементы в скобках	5	46	42	32	26	5	8
термины без пояснения	5	65	41	44	30	32	19
пояснение термина	-	20	13	13	4	2	2
цитаты	2	5	11	2	11	5	1
оценочная лексика (нейтраль- ная)	5	18	11	13	16	1	5
оценочная лексика (критика)	3	9	1	8	5	-	3
лексика эмоцио- нальной оценки	6	23	13	8	10	6	8
образность	7	11	28	10	30	6	5
местоиме- ние «я»	8	1	-	1	4	1	4
местоиме- ние «мы» (эго- идентич- ное)	7	11	9	7	12	2	2
местоиме- ние «мы» (‘мы с вами’) / «наш»	1 / 1	- / 2	10 / 1	2 / 1	7 / 3	7 / 4	1 / 4
местоиме- ние «вы»	-	-	-	-	-	-	-
обращение к адресату	2	-	-	-	-	-	-
ритори- ческий вопрос	-	9	4	6	5	-	2
вопросно- ответный комплекс	3	2	2	-	4	-	3
ритори- ческое восклица- ние	5	3	4	1	5	-	-
апелляция к фоновым знаниям	2	3	-	4	4	-	-

Таблица количественных данных о языковых средствах в научно-популярных публикациях Т.В. Черниговской

Языковые средства	Психо- и нейролингвистика. 2001. (лекция) (2,9 тыс. слов)	Язык и сознание: что делает нас людьми. 2008. (лекция) (6,7 тыс. слов)	В поисках «грамматического» гена. 2010. (интервью) (1,9 тыс. слов)	Это не я – это мой мозг. 2013. (статья) (4,5 тыс. слов)	Свобода воли и нейрoэтика. 2015. (лекция) (5 тыс. слов)	К мозгу надо относиться с уважением, он умнее нас. (интервью) 2020. (1,5 тыс. слов)	Номo semioti-cus – человек, порождающий смыслы. 2022. (интервью) (3,2 тыс. слов)
ссылки на авторитетное лицо	11	19	7	21	6	-	6
ссылки на источники	7	9	4	26	8	2	1
ссылки на экспериментальные данные, теории, открытия	4	3	3	6	1	-	6
самоупоминание	2	3	1	1	4	3	3
вводные слова	14	20	11	17	12	3	43
акцентно-вероятностные вводные элементы	2	1	6	4	3	3	7
клише	5	1	2	2	-	-	1
примеры	4	13	7	3	6	3	10
комментарии	31	2	6	24	1	1	3
вставные элементы в скобках	27	2	8	42	1	1	3
термины без пояснения	33	21	10	16	1	4	17
пояснение термина	18	7	5	11	7	2	2
цитаты	10	9	-	14	3	-	4
оценочная лексика (нейтральная)	9	11	5	8	11	7	15
оценочная лексика (критика)	1	3	1	-	-	1	2
лексика	7	19	5	8	6	8	16

эмоциональ- ной оценки							
образность	5	32	10	30	25	15	20
местоимение «я»	4	73	4	6	63	44	36
местоимение «мы» (эго- идентичное)	4	34	5	13	17	2	17
местоимение «мы» ('мы с вами') / «наш»	1	43 / 5	3 / 6	17 / 14	34 / 11	16 / 1	29 / 4
местоимение «вы»	2	8	-	-	20	4	11
обращение к адресату	1	2	1	-	2	-	-
риторический вопрос	-	70	10	17	7	9	19
вопросно- ответный комплекс	-	7	1	11	2	3	7
риторическое восклицание	1	11	6	4	5	5	1
апелляция к фоновым знаниям	1	4	3	4	4	-	1
прецедентные феномены	-	-	-	14	1	-	-
разговорная лексика	-	-	-	-	-	5	2

Таблица количественных данных о языковых средствах в научных публикациях С.А. Бурлак

Языковые средства	К вопросу о происхождении языка. 2011. (4,9 тыс. слов)	Время появления звучащей речи по данным антропологии. 2012. (4,1 тыс. слов)	Происхождение языка: разные подходы. 2013. (7,3 тыс. слов)	Влияние реализации тона на изменение количества акцентных маркировок. 2015. (2,3 тыс. слов)	Падежные системы в тохарских и анатолийских языках. 2018. (1,2 тыс. слов)	Язык пираха и разговорная речь. 2018. (3,3 тыс. слов)	Глоттогенез как результат самоорганизации. 2021. (6 тыс. слов)
ссылки на авторитетное лицо	5	17	17	4	-	6	4
ссылки на источники	23	29	32	5	7	14	26
ссылки на экспериментальные данные, теории	10	17	15	1	-	3	7

самоупоминание	2	2	3	2	3	-	5
вводные слова	81	83	104	29	8	32	49
акцентно-вероятностные вводные элементы	25	22	39	19	16	30	53
клише	35	28	36	5	2	15	23
примеры	14	10	15	21	7	23	10
комментарии	63	69	107	30	15	36	65
вставные элементы в скобках	72	74	116	59	36	76	65
термины без пояснения	51	43	19	75	32	16	31
пояснение термина	2	12	1	-	-	-	1
цитаты	18	11	33	12	-	3	2
оценочная лексика (нейтральная)	6	5	15	1	4	9	9
оценочная лексика (критика)	4	7	13	-	1	6	2
лексика эмоциональной оценки	3	-	8	-	-	3	2
самооценка			7	-	-	-	-
образность	20	10	20	1	5	1	8
местоимение «я»	1	-	44	-	-	-	2
местоимение «мы» (эгоидентичное)	1	-	-	1	-	-	-
местоимение «мы» ('мы с вами') / «наш»	1/2	-	11	-	-	3	1/9
местоимение «вы»	-	-	1	-	-	-	1
обращение к адресату	1	1	1	2	-	-	-
риторический вопрос	2	-	4	-	-	-	3
вопросно-ответный комплекс	-	-	3	-	-	-	-
риторическое восклицание	-	-	4	1	1	-	-
апелляция к фоновым знаниям	-	-	1	-	-	-	-

Таблица количественных данных о языковых средствах в научно-популярных публикациях С.А. Бурлак

Языковые средства	Механизмы языковых изменений. 2013. (14,4 тыс. слов)	Время появления звучащей речи по данным антропологии. 2015. (3,8 тыс. слов)	Что такое врожденная грамотность. 2016. (0,8 тыс. слов)	Язык буквально пронизан идеей кооперации. 2016. (3,3 тыс. слов)	«Агу» человека. 2016. (2,2 тыс. слов)	Сам ты скрыт (Ещё раз о любительской лингвистике). 2016. (1,9 тыс. слов)	Первыми заговорили гейдельбергские. 2019. (2,2 тыс. слов)
ссылки на авторитетное лицо	36	4	1	11	11	1	-
ссылки на источники	5	-	-	2	1	2	-
ссылки на экспериментальные данные, теории	1	4	-	5	2	2	1
самоупоминание	1	-	-	1	-	-	-
вводные слова	60	26	6	25	13	17	13
акцентно-вероятностные вводные элементы	8	11	2	6	11	1	6
клише	8	17	2	9	1	1	1
примеры	98	15	3	20	8	18	11
комментарии	136	60	8	19	6	22	4
вставные элементы в скобках	136	60	8	20	6	24	5
термины без пояснения	67	30	6	16	8	2	24
пояснение термина	11	13	5	7	7	3	5
цитаты	4	5	1	1	-	-	-
оценочная лексика (нейтральная)	15	6	2	18	4	10	5
оценочная лексика (критика)	-	4	-	4	-	2	-
лексика эмоциональной оценки	11	-	1	8	1	5	2

образность	56	4	6	26	9	16	17
местоимение «я»	67	-	1	8	4	3	5
местоимение «мы» (эго-идентичное)	7	-	-	4	-	1	14
местоимение «мы» ('мы с вами') / «наш»	80 / 10	5 / 1	-	12 / 3	25 / 12	8 / 1	24 / 3
местоимение «вы»	35	-	4	2	2	4	13
обращение к адресату	34	1	-	2	1	6	1
риторический вопрос	16	-	1	6	1	4	2
вопросно-ответный комплекс	14	-	3	3	1	5	1
риторическое восклицание	13	-	-	1	-	5	1
апелляция к фоновым знаниям	6	-	1	2	-	3	1

Таблица количественных данных о языковых средствах в научных публикациях С. Пинкера

Языковые средства	Clarifying the logical problem of language acquisition. 2004. (1,9 тыс. слов)	So How Does the Mind Work? 2005. (10,8 тыс. слов)	Toward a Consilient Study of Literature. 2007. (6,5 тыс. слов)	The cognitive niche: Coevolution of intelligence, sociality, and language. 2010. (7,2 тыс. слов)	Representations and Decision Rules in the Theory of Self Deception. 2013. (1,6 тыс. слов)
ссылки на авторитетное лицо	12	19	33	10	3
ссылки на источники	18	17	14	53	3
ссылки на экспериментальные данные, теории	-	-	-	1	-
самоупоминание	9	4	1	9	-
вводные слова	11	70	32	33	13

акцентно-вероятностные вводные элементы	4	41	36	9	1
клише	7	32	9	17	3
примеры	18	45	15	45	4
комментарии	16	57/	66	55	11
вставные элементы в скобках	38	123	66	140	14
термины без пояснения	58	231	34	112	28
пояснение термина	1	6	11	6	-
цитаты	11	42	8	6	1
оценочная лексика (нейтральная)	17	68	31	20	17
оценочная лексика (критика)	8	14	7	-	4
лексика эмоциональной оценки	2	24	10	7	4
образность	8	28	33	19	7
местоимение «я»	2	18	22	8	7
местоимение «мы» (эго-идентичное)	-	21	15	8	-
местоимение «мы» ('мы с вами') / «наш»	1	1 / 23	4	4/13	-
местоимение «вы»	-	3	3	3	3
обращение к адресату	-	2	-	2	1
риторический вопрос	4	3	4	-	3
вопросно-ответный комплекс	-	-	2	2	-
риторическое восклицание	-	1	-	-	-
апелляция к фоновым знаниям	-	1	-	2	-

Таблица количественных данных о языковых средствах в научно-популярных публикациях С. Пинкера

Языковые средства	The Irregular Verbs. 2000. (2,1 тыс. слов)	Words Don't Mean What They Mean. 2007. (2,8 тыс. слов)	The Source of Bad Writing. 2014. (1,4 тыс. слов)	Passive Resistance. 2014. (1,1 тыс. слов)	Many of the alleged rules of writing are actually superstitions. 2015. (2,8 тыс. слов)
ссылки на авторитетное лицо	-	-	-	3	4
ссылки на источники	-	2	-	3	5
самоупоминание	1	-	-	-	6
вводные слова	1	3	5	-	2
клише	-	1	1	1	2
примеры	15	12	5	7	3
примеры из личного опыта	-	-	4	-	1
комментарии	-	1	1	3	-
вставные элементы в скобках	12	1	1	3	6
термины (без пояснения)	1	1	-	-	2
пояснение термина	-	-	-	2	-
цитаты	-	-	-	4	1
оценочная лексика (критика)	-	3	4	3	17
оценочная лексика (нейтральная)	1	4	-	-	2
лексика эмоциональной оценки	-	-	16	-	5
образность	11	2	29	-	3
игра слов	-	-	-	1	-
местоимение «я»	2	-	5	-	14
местоимение «мы» ('мы с вами')	1	9	9	-	1
местоимение «вы» / Ваш(е)	-	10	12/13	1	2
обращение к адресату	-	-	7	1	-
риторический вопрос	1	-	-	-	2
вопросно-	2	3	3	3	1

ответный комплекс					
риторическое восклицание	-	-	1	-	1